

Slavery: Theory and Practice

Has been issued since 2016. E-ISSN 2500-3755
2020. 5(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Dudarev Sergey – Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russian Federation (Editor in Chief)

Molchanova Violetta – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA (Deputy Editor-in-Chief)

Biriukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Kazarov Sarkis – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Klychnikov Yuri – Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Rekhovskii Aleksandr – Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Smigel Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Tsetskhladze Gocha – Oxford University, Oxford, UK

Zakharov Vladimir – Institute of Political and Social Research of the Black Sea-Caspian Region, Moscow, Russian Federation

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava, Slovakia, Nove Mesto, 831 04

Website: <http://ejournal43.com/>
E-mail: dudarev51@mail.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 5.

Slavery: Theory and Practice

2020

Is.

1

CONTENTS

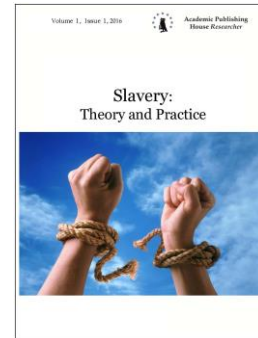
On the Results of the First International Competition for the Best Research Work among Scientific and Pedagogical Staff “Slavery in the Past and Present” A.A. Cherkasov	3
Articles	
North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement Yu.Yu. Klychnikov	4
Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13 th –19 th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods" M. Šmigel'	19
On the Position of Aul Armavir Residents Personal Dependent People at in the Period before Elimination of the Serfdom Law in Russia S.L. Dudarev, S.N. Ktitorov	37
Perception of "White Slavery" by Don Pre-Revolutionary Authors: Mechanisms of Criticism and Self-Justification A.Yu. Peretyatko	50
Eastern European Slavery: An analysis of the Health and Productivity of Serf-Based Economy between the sixteenth and nineteenth centuries J.O. Sarfo	63
The Fight against the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century K.V. Taran	74
Serfdom in Eastern Europe between the Sixteenth and Nineteenth centuries: The Role of the Psychology of Slavery J. Cudjoe	87
In Memory of Elena Ivanovna Inozemceva. 18.08.1947 – 01.07.2020 Yu.M. Lysenko	96

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 3

DOI: 10.13187/slave.2020.1.3
www.ejournal43.com

On the Results of the First International Competition for the Best Research Work among Scientific and Pedagogical Staff “Slavery in the Past and Present”

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The report describes the establishment of the First International competition for the best research work among scientific and pedagogical staff “Slavery in the past and present”. The organizers were East European Historical Society, International Network Center for Fundamental and Applied Research (Washington, USA), and also KAD International (Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana). On December 20, 2020, the competition committee summed up the results of the competition and called the best 5 competitive works from the following countries: USA, Russia, Slovakia, Ghana.

Keywords: international competition, “Slavery in the past and present”, 2020 year.

On July 10, 2020, it was established the First (annual) International competition for the best research work among scientific and pedagogical staff “Slavery in the past and present”. The organizers were East European Historical Society, International Network Center for Fundamental and Applied Research (Washington, USA), and also KAD International (Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana).

The total prize fund of the First Competition is 2,250 USD.

On December 20, 2020, the competition committee summed up the results of the competition. Thus, according to the Protocol, the competition received works from the following countries: Russian Federation, USA, Ghana, Ukraine, Slovakia.

The competition scoring committee decided not to single out the three best works, but to distribute the prize fund in equal shares (\$ 450 each) between the five best works.

The following works were selected among the best:

- Peretyatko A.Yu. Perception of "white slavery" by Don pre-revolutionary authors: mechanisms of criticism and self-justification;
- Dudarev S.L., Ktitorov S.N. On the position of aul Armavir residents personal dependent people at in the period before elimination of the serfdom law in Russia;
- Klychnikov Yu.Yu. North Caucasian "hotbed" of the slave trade (trade of captives): to the problem statement;
- Šmigel' M. Metamorphoses of the Circassian slave trade (13th–19th centuries): Aspects of women as the "live goods";
- Jacob Owusu Sarfo. Eastern European slavery: An analysis of the health and productivity of serf-based economy between the 16th and 19th centuries.

* Corresponding author

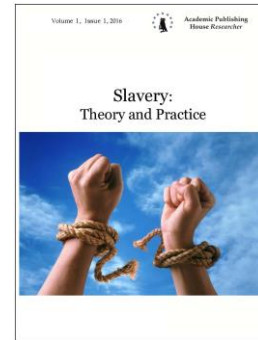
E-mail addresses: a.cherkasov@incfar.net (A.A. Cherkasov)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 4-18

DOI: 10.13187/slave.2020.1.4
www.ejournal43.com

Articles

North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement

Yuri Yu. Klychnikov ^{a, *}

^a Pyatigorsk State University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the specifics of the slave trade in the conditions of the North Caucasus. The circumstances of the origin of this phenomenon, the factors that influenced its features and scale are shown. It is concluded that the need for slave labor among local societies was small, and they preferred to sell slaves outside the region. This was one of the compensating factors with the help of which the lack of their own means of subsistence was partially satisfied. It is suggested that there is a "Malthusian trap" influencing the specifics of the economic, political, social and cultural situation in the region. This practice existed throughout the periods of Antiquity and the Middle Ages. The presence of strong demand stimulated the capture of slaves, who were later sent to the Asian and Western European markets. The Caucasus became part of the "slave transit", and large regional centers for the sale of people arose here. Raids aimed at seizing "human goods" became part of the institution of socialization of youth. They played an important role in the process of allocating the nobility from local communities. With the advent of the Russian authorities in the Caucasus, they begin to actively fight the slave trade. For this, both completely peaceful methods (for example, ransom) and harsh military measures were used. The peak of confrontation falls on the first half of the 19th century, after which the scope of this fishery is significantly reduced. This was explained not only by the success of weapons, but also by positive changes in the economic structure of the autochthonous peoples. However, the weakening and disintegration of Russian statehood is leading to a revival of the slave trade. This return to archaism took place at the beginning of the 20th century, when the country experienced a series of revolutions and the Civil War. At the end of the last century, the collapse of the USSR was accompanied by a paralysis of power, an increase in xenophobia, and economic collapse. The influence of unfavorable foreign policy factors also affected. All this again actualized the problem of slavery, the relapses of which could not be eradicated even today.

Keywords: slaves, prisoners, raid, goods, market, hostages, the North Caucasus, socialization, "Malthusian trap", institute.

1. Введение

Актуальность темы исследования обусловлена той ролью, которую играла работорговля в истории региона. С древних времён Кавказ был одним из поставщиков

* Corresponding author
 E-mail addresses: klichnikov@mail.ru (Yu.Yu. Klychnikov)

«живого товара» – причём как из числа местных жителей, так и с сопредельных территорий. Это не могло не отразиться на хозяйственном укладе, социокультурных и ментальных особенностях населения этих мест. В немалой степени фактор работорговли оказывал влияние на военно-политические события, происходившие в крае, на отношения с соседними странами и народами.

Для самого Северного Кавказа речь должна идти скорее о практике «пленопродавства», т.к. институт рабства не имел здесь первостепенного значения в силу скудости местной производственной базы и ограниченности возможного использования невольничьего труда. Пленопродавство стало частью института социализации юношества, получившего распространение в крае. Оно оказалось одним из побудительных мотивов набеговой традиции, являвшейся неотъемлемой частью местных реалий.

Значение работорговли то возрастало, то уменьшалось, но не исчезало полностью. Позиции этого явления поколебала политика России, которая настойчивая стремилась к пресечению такой практики. Эскалация насилия, имевшая место в крае в первой половине XIX столетия, в немалой степени была спровоцирована именно решением этой задачи. По мере распространения на Кавказе российских державных порядков размах пленопродавства-работорговли сокращался, и возникла иллюзия его полного искоренения. В советское время эта проблема даже не относилась к числу научных приоритетов в кавказоведении, что, впрочем, можно объяснить и с позиций существующих тогда идеологических установок, не поощрявших «неудобные» и «некомплиментарные» темы.

Однако после крушения советской государственности Россия столкнулась с ренессансом явления насильственного захвата людей с целью их продажи и эксплуатации. Понадобились затратные усилия, чтобы справиться с этой практикой, однако гарантии полного её искоренения нет и быть не может.

2. Материалы и методы

2.1. В числе материалов, которые легли в основу статьи, следует отметить работы отечественных и зарубежных специалистов, занимавшихся проблемой работорговли и института рабства как на Кавказе, так и за его пределами. Авторы сумели собрать, проанализировать и ввести в научный оборот обширный фактический материал (М.М. Блиев, В.О. Бобровников, Ю.Ю. Карпов, Ю.Ю. Клычников, А.А. Цыбулькинова, С.Л. Дударев, Д.С. Дударев, Е.И. Иноземцева, Л.С. Гатагова, С.С. Лазарян, Н.С. Степаненко, В.А. Тишков и др.). Сама по себе тема не нова и может стать предметом отдельного историографического исследования. Однако до сих пор отсутствуют обобщающие труды, непосредственно касающиеся северокавказского региона на разных этапах его прошлого. Как правило, учёные ограничивались отдельной частью Кавказа и предпочитали рассматривать явление на относительно небольшом хронологическом отрезке.

Наиболее полно пленопродавство и практика его пресечения нашла отражение в материалах архивов Российской Федерации. В центральных и региональных хранилищах (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военно-исторический архив, Государственный архив Краснодарского края, Государственный архив Ставропольского края, Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания) сосредоточены свидетельства чиновников и военных, непосредственных участников событий на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв., когда удалось в значительной степени справиться с традицией насильственного лишения людей свободы и принуждения их к рабскому труду. Есть материалы о возрождении захвата людей в неволю уже в XX столетии. Часть из них опубликована в различных тематических сборниках (См. напр.: АКАК, 1868; АБКИЕА, 1974; Судьбы..., 1998; Съезды..., 1978 и др.). Имеются показания очевидцев, испытавших на себе обстоятельства горского плена. Особое значение имеют неофициальные материалы (дневники, письма), раскрывающие отношение общества к проблеме (См. напр.: Шипов, 1881; Мерлио, 2005; Трошев, 2003 и др.).

2.2. В ходе проведения исследования применялся системный подход, с помощью которого набеги и практика пленопродавства рассматриваются как целостное явление, в котором чётко прослеживаются связи между различными факторами, совокупность которых и порождает этот исторический феномен. Находят применение общенаучные принципы, доказавшие свою состоятельность и позволяющие воссоздать многогранную

картину данного явления, – историзм и объективность. Опираясь на принцип историзма, практика пленопродавства изучается в контексте социально-экономических, политических и культурных процессов, имевших место на Северном Кавказе с античного времени и до наших дней. Исходя из принципа научной объективности осуществляется анализ источников, которыми автор апеллировал в ходе описания трансформации практики работорговли в рассматриваемый период. Использовались такие традиционные для исторического исследования методы, как историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический, давшие возможность воссоздать генезис пленопродавства и связать его как с развитием самих горских обществ, так и влиянием внешних обстоятельств. Нашёл применение эвристический метод, позволивший решать поставленную задачу даже в тех случаях, когда источниковая база работы не могла считаться оптимальной в силу объективных причин.

3. Обсуждение

В ходе рассмотрения заявленной темы вызывает интерес проблема классического рабства, которое традиционно связано с Грецией и Римом периода Античности. В немалой степени взаимодействие с эллинскими городами-государствами, Боспорским и Понтийским царствами, Римской державой оказали влияние на развитие работорговли, в которой свою нишу нашли и кавказские племена. Отсюда важность привлечения работ, дающих обзорное представление о сути этих процессов в древности (Каллистов и др., 1968; Ельницкий, 1964).

Оформившись в раннем железном веке, практика работорговли в крае не исчезает и в эпоху Средневековья (Гудаков, 2007; Крамаровский, 2012). Представляется, что она была вызвана целым комплексом экономических и социокультурных причин, в том числе «мальтузианской ловушкой», оказывавшей самое серьёзное воздействие на северокавказскую историю (Гринин, Коротаев, 2012; Коротаев, 2012; Великая и др., 2019). Помимо собственного интереса к продаже пленников у автохтонного населения, регион играл важную роль как отрезок международного невольничьего транзита, по которому «живой товар» направлялся в различные страны Востока и Запада (Заходер, 1962).

Набеги за добычей, в том числе с целью захвата пленников, со временем стали частью института социализации местного юношества (Карпов, 1996; Карпов, 2007; Марзей, 2004). Они позволяли поддерживать высокий уровень мобилизационной готовности у горских обществ, играли важную роль в защите местных этносов от внешней угрозы. При этом рабство для экономики самих автохтонов не имело первостепенного значения и оставалось патриархальным (Иноземцева, 2014).

Только России удалось пресечь масштабную практику торговли людьми. Это стоило огромных материальных затрат, потребовало существенных военно-политических издержек, о чём не раз говорилось в кавказоведческих исследованиях, посвящённых российской политике в крае (Клычников, 2002; Клычников, Цыбульникова, 2011; Великая, Великая, 2015). Само явление пленопродавства имело широкий общественный резонанс, который нашёл отражение в художественных произведениях (Тютюнина, 2000; Виноградов, 2001).

Проблему влияния социальных потрясений на активизацию работорговли в крае в той или иной степени поднимают авторы, занимающиеся изучением российских революций и их специфических проявлений в условиях Северного Кавказа (Музаев, 2007; Лобанов, 2017).

Как показывают события конца XX – начала XXI столетий, практика насильственного лишения людей свободы, с целью их насильственной эксплуатации и получения выкупа, в условиях ослабления государственных институтов вновь актуализируется (Тишков, 2001; Бобровников, 2002). В этой связи следует ожидать и появления новых работ, посвящённых проблеме работорговли, как в России, так и в мире в целом.

4. Результаты

С началом широкого распространения изделий из железа начались революционные по своей сути изменения в самых разных сферах человеческого бытия. Ускорились процессы социальной дифференциации, активно формировалась привилегированная верхушка, стала выгодна эксплуатация, т.к. существенно возросла производительность труда. Всё это стало основой для широкого распространения рабского труда, интерес к которому стимулировал

предложение. Начался железный век, наполненный войнами и походами за добычей. По словам древнегреческого поэта Гесиода (VIII-VII вв. до н.э.), «Землю теперь населяют железные люди. <...> Правду заменит кулак. Города подпадут разграблению. И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохраниль, ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею Станет почёт воздаваться. Где сила, там будет и право» ([Эллинские поэты, 1999: 54](#)). Так, пусть и эмоционально, но весьма метко подметил мыслитель особенности эпохи, которая превратила Кавказ в один из центров по торговле «живым товаром». Захват людей с целью их насильственной эксплуатации, видимо, и раньше практиковался в крае. Но количество невольников было невелико и, возможно, всё ограничивалось патриархальным рабством. Видится вполне оправданной мысль о целесообразности в контексте местной истории применять термины «ясырь», «пленопродавство», т.к. они больше соответствуют сложившимся реалиям ([Дударев, Дударев, 2017а: 19](#)).

В качестве гипотезы предлагаем для обсуждения следующую версию. Северный Кавказ в силу ландшафтно-климатической специфики был малопригоден для формирования сложных социально-политических конструктов. Здесь существовала угроза «мальтузианской ловушки», тормозившей социально-экономический генезис местных обществ, заставляя их придерживаться некоего оптимального уровня в потреблении ресурсов и регламентируя демографические процессы ([Гринин, Коротаев, 2012: 125-180; Коротаев, 2012: 1483-1489](#)). Начиная с глубокой древности лишь внешнее воздействие «подстёгивало» процессы общественного развития в крае. Инерция таких толчков и их последствия были разными.

Есть примеры «упрощения» пришлых культур на местной почве. Так произошло со знаменитой Майкопской культурой, относящейся к эпохе ранней бронзы и связанной с переднеазиатско-закавказским влиянием. После неё «экономико-культурная ситуация в обществах региона эпохи средней бронзы представляется менее развитой по отношению к более ранней стадии, «деградировавшей» под воздействием экологических и социальных проблем и (или) основанной на иной базе и производственных традициях» ([Великая и др., 2019: 40](#)). Найти внутренние точки роста в сложившейся ситуации так и не удалось, хотя такие попытки, безусловно, предпринимались (например, террасное земледелие, призванное расширить пространства, пригодные для сельского хозяйства).

Теперь ситуация менялась. Если собственные потребности в рабах оставались, как и прежде, незначительными, то регулярные контакты с эллинским миром открывали огромный рынок сбыта для «людокрадов» ([Каллистов и др., 1968: 198, 221](#)). С точки зрения получения прибыли торговля людьми не имела себе равных, успешно конкурируя с продажей зерна, шкур и тому подобной продукции. Это был шанс не только обеспечить себе материальный минимум, но и в случае успеха добиться имущественного благосостояния и возвыситься в среде соплеменников. Сменивший греков Рим также нуждался в рабах, значение которых для республики, а затем империи только возрастало ([Ельницкий, 1964: 254-256](#)). Всё это закрепляло сложившуюся в регионе практику, и не исключено, что уже тогда набеги с целью захвата невольников стали превращаться в институт социализации местного юношества.

Крушение Античности и начало эпохи Средних веков не поколебало устоявшуюся практику пленопродавства. Новые политические лидеры – Византийская империя, Иран, Арабский халифат – охотно приобретали людей, используя их в самых разных сферах хозяйственной жизни. Через Северный Кавказ шли многочисленные невольничьи караваны, в обеспечении бесперебойного транзита которых были задействованы самые разные государства и народы. Привозили сюда рабов на продажу и славяно-русские племена, достаточно тесно интегрированные в состав Хазарского каганата ([Артамонов, 2002: 296-302; Заходер, 1962: 31](#)). Такая практика даже трактовалась как гуманная. В противном случае пленников ждала смерть, что воспринималось как неоправданная жестокость и осуждалось. Самим славянам такое количество рабов было не нужно, а потому их сбыт «на сторону» был альтернативой умерщвлению ([Мишин, 2002: 140](#)). Согласно Ибн-Фадлану, с таких поставок каган «выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову» ([Путешествие Ибн-Фадлана, 1939: 78](#)).

Учитывая стабильно высокий уровень потребности в невольниках на Востоке ([Шорохов, 2011: 34](#)), эта сфера деятельности надолго осталась в числе приоритетных для

купцов-воинов, подпитывая интерес к бесперебойному прямому выходу к столь привлекательному рынку. Отсюда и устойчивая мотивация к установлению прочных связей с этим регионом, что обусловит кавказское направление во внешней политике Руси на раннем этапе её истории.

В дальнейшем масштабы этой практики сократились. Сказывалась возросшая ценность рабочих рук, пресечение межплеменной розни по мере усиления древнерусской государственности, принятие христианства, осуждавшего торговлю единоверцами. Рабы больше не фигурировали среди приоритетных товаров, которые поставляла Киевская Русь на внешние рынки, но это не значит, что Кавказ перестал быть поставщиком невольников. Проданные купцам-перекупщикам выходцы из этих мест порой оказывались вдали от своей родины. Известны примеры появления северокавказских ясырей в русских землях. К их числу относится «ясын Анбал», сыгравший трагическую роль в судьбе князя Андрея Боголюбского (Бутков, 1825: 326-327).

Очередной подъём практики работорговли в регионе связан с установлением здесь власти Золотой Орды. Сюда попадали многочисленные пленники, захваченные во время завоевательных походов монголов (Полубояринова, 1978). Тогда же на Северо-Западном Кавказе закрепляются итальянские колонии, которые организовали процесс закупки «говорящих орудий» во впечатляющих масштабах.

Невольники черкесского происхождения были самым многочисленным товаром на рынках рабов. Примечательно, что их поставщиками являлись местные владельцы, таким образом зарабатывающие на непрекращающихся междуусобицах, сотрясавших край (Некрасов, 2015: 70). Резонно предположить, что коммерческий интерес и провоцировал такую ситуацию, являясь одним из важнейших побудительных мотивов для набегов. Выгода была огромной, а потому страны, где спрос на рабов отличался устойчивостью и масштабами, становились для местных обществ приоритетными торговыми партнёрами.

В частности, отмечалось, что «большинство татарских рабов, проданных в Венецию из районов Крыма и Кавказа, составляли женщины. В XV в. только 28,5 % актов о продаже касались мужчин. Средний возраст женщин составлял 25 лет; средняя цена 44 дуката. Наиболее многочисленной группой рабынь в XIV – XV вв. являлись черкешенки (средний возраст 20 лет; средняя цена около 56 дукатов). Средний возраст рабынь-абхазок – 23 года; средняя цена – 55 дукатов. <...> В структуре северочерноморской работорговли первые места принадлежали тюркам (обычно их называли татаро-монголами); за ними шли выходцы из Предкавказья и Кавказа – черкесы, лезгины, абхазы и др.; на третьем греки и славяне» (Крамаровский, 2012: 278-279). Аналогичные интересы имела на Кавказе и Генуя, negociants которой сумели наладить тесные контакты с черкесской верхушкой, выступая в качестве их торговых представителей (Хотко, 2002: 196; Гудаков, 2007: 207-208). Уничтожить могущество этих республик сможет лишь безжалостное и кровавое нашествие Тамерлана.

Но освободившаяся ниша пустовала недолго. Вскоре её займёт Турция, сделавшаяся постоянным покупателем невольников из разных мест, в числе которых неизменно оставался Северный Кавказ. Благодаря этому прибыльному источнику доходов укрепилась и легитимизировала свои позиции адыгская знать. Уровень социального развития «аристократических» черкесских обществ и кабардинцев заметно выделялся на фоне соседей. Они будут в дальнейшем одним из главных поставщиков «живого товара» на рынки Османской Порты, отчаянно конкурируя за эту нишу с другим экспортёром рабов – Крымским ханством (Епифанцев, 2010: 39).

В той или иной степени участие в набегах и захвате пленников принимали все общества Северного Кавказа. На интенсивность этой практики влиял рынок сбыта, как и прежде ориентированный на внешнего потребителя, т.к. внутренние потребности в труде невольников оставались весьма скромными (Иноземцева, 2014: 120). Возникли достаточно крупные центры по продаже невольников, откуда их вывозили далеко за пределы региона. На черноморском побережье это была Анапа, на северо-востоке – Эндери (Андреевская). Их появление свидетельствовало о наработанном опыте по реализации этого специфического товара и наличии людей, специализирующихся на такого рода услугах. Так, по словам консула в Крыму Ксаверио Главани, армянские торговцы, пользуясь покровительством местных владельцев, охотно скупали рабов, с целью их дальнейшей перепродажи. Учитывая

сезонный характер набеговой активности, они старались согласовывать свои визиты в селения горцев со временем возвращения наездников с захваченной добычей домой (АБКИЕА: 162-163).

Масштабные вторжения, которые устраивали «людокрады» на сопредельные территории, остановить было крайне сложно (Карпов, 2007: 316-321). Нередко, пытаясь справиться с набеговой стихией, соседи предпочитали откупаться от наиболее влиятельных горских предводителей, осознавая всю тщетность силового решения проблемы. Так было, к примеру, с Аварским ханством, которое в 80-х гг. XVIII в. получало ежегодно от грузинской казны десятки тысяч рублей серебром (Клычников, Цыбулькинова, 2011: 11-12). Но такие уступки лишь разжигали аппетиты формирующейся знати и юношества, которое, участвуя в подобных акциях, завоёвывало авторитет и доказывало свою состоятельность. Недаром ударной силой набегов становились мужские союзы – важный элемент в системе социализации горской молодёжи, со своеобразной субкультурой и обрядовой спецификой (Карпов, 1996: 276-283). Мотивация таких походов могла отличаться в зависимости от статуса участников. Если для «аристократической» части общества важно было получить «символический капитал» в виде славы лихого воина, то для «демократического» участника акции превалировала материально-меркантильная сторона вопроса (Марзей, 2004: 92-119).

С усилением российского присутствия на Кавказе и по мере активизации хозяйственных процессов в крае индустрия набегов получила «второе дыхание». С помощью них стала решаться не только проблема выживания, но ещё и вопрос, связанный с накоплением собственности (Блиев, 2004: 17). Естественно, что империя стала предпринимать энергичные усилия по пресечению подобных действий со стороны новых подданных, весьма своеобразно понимавших свои обязательства перед государством. Пик противостояния пришёлся на первую половину XIX в., когда набеговая экспансия горцев достигла высшей фазы в своей организации, оформившись в виде теократического протогосударственного образования – имамата, и получила идеологию, основанную на религиозных началах – мюридизм (Клычников, 2015: 82-134).

Первоначально власти старались выкупать рабов, отдавая предпочтение конфессионально близким христианам, но успешной такую практику нельзя считать (АКАК, 1868: 936-937). В дальнейшем меры принимают всё более brutальный характер. Одним из требований, которые регулярно озвучивались российской администрацией горцам, являлось прекращение набегов и возвращение пленников (ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 1. Д. 27. Л. 38–38об.; Судьбы..., 1998). Благодаря предпринятым усилиям возможность сбыта невольников в соседние страны была затруднена (Клычников, 2002: 459-489; Великая, Великая, 2015: 75-83). Но в горах по-прежнему находилось немало число людей, которых держали в надежде получить выкуп или использовали в хозяйственных целях, особенно если пленник обладал полезными навыками (Шипов, 1881: 457-476; Дударев, Дударев 2017b: 172-200; Клычников, Лазарян, 2018; Гранкин и др., 2019: 131-137). Если такой потребности не было, человека могли убить за ненадобностью (Степаненко, 2019: 32). В ходе боевых действий каждая из сторон стремилась захватывать неприятеля, чтобы при случае обменять его на собственных пленников (Мерлио, 2005). Примечательно, что российское командование даже отдавало распоряжения специально задерживать таких заложников, чтобы иметь необходимый «разменный фонд» для подобных случаев (РГВИА. Ф. 15264. Оп.1. Д. 32. Л. 9; ГАКК. Оп. 1. Д. 762. Л.16-16 об.; ГАСК. Ф.79. Оп. 2. Д.620. Л. 1-8). Размах явления и его «экзотичность» для большинства российских подданных, которым только предстояло познать специфичные черты кавказских реалий, нашли отражение в художественных произведениях. Эта сторона северокавказского пограничья была не раз положена в основу сюжета произведений выдающихся русских поэтов и писателей (Виноградов, 2001: 18-24; Тютюнина, 2000: 53-62).

После подавления сопротивления и ухода в пределы Турции наиболее непримиримых противников российской власти ситуация в регионе была стабилизирована, хотя рецидивы былого противостояния сохранялись. Новоявленные «хищники» предпочитали заниматься грабежами, угоном скота, воровством. Но как только власть государства оказалась дезорганизована революционным хаосом, вновь участились случаи захвата заложников с целью выкупа (Ткачев, 1911; ГАРФ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 25. Л. 1 об.-2 об.; Музаев, 2007: 104; Гатагова, 2016: 183-205). Вакханалия насилия захлестнула регион в годы Гражданской

войны. Нередко уголовные преступления оправдывались политическими лозунгами. Возродились набеги в сторону Грузии, откуда приводили пленников (Съезды..., 1978: 40).

С огромным трудом победившим большевикам удалось навести порядок в крае. Есть мнение, что «спасти местное население от самоистребления смогла только Советская власть, восстановившая традиционный российский суверенитет над всем Кавказом» (Лобанов, 2017: 467). До этого критиковавшие меры царского режима, коммунисты сами вынуждены были широко применять насилие против набегчиков. Фактически весь предвоенный период то и дело проводились силовые операции на Северо-Восточном Кавказе, где население никак не могло смириться с наступившими в их жизни изменениями и нередко апеллировало к старине (Жупкиова, 2016: 137).

Учитывая, что рынок сбыта невольников отсутствовал, а состоятельных людей, которые могли бы заплатить выкуп за свою жизнь и жизнь близких, новая власть рассматривала как классово чуждых, пленопродавство не получает большого распространения. Предпочтение отдавалось другим способом криминальной наживы, преимущественно воровству и грабёжам. Это в немалой степени объясняет те жёсткие меры, которые предприняла советская власть, проведя депортацию части северокавказских этносов, обвинив их в пособничестве нацистам и срыве мобилизации (Безугольный, 2007: 165, 167-168; Смыслов, 2006: 35-36). В дальнейшем эти народы были возвращены в места традиционного проживания. Были предприняты серьёзные усилия для их экономической, культурной и политической реабилитации, что позволило им занять достаточно комфортную нишу в советском обществе, при этом продолжая активно эксплуатировать идею об исторических обидах и необходимости дальнейших преференций и компенсаций (Российский Кавказ, 2007: 7-10).

При наличии эффективной государственной власти, обеспечивавшей законность и порядок, народы многонационального Кавказа успешно адаптировались к модернизационной модели развития. Создавалась иллюзия окончательного преодоления пережитков архаики, к числу которых, безусловно, относились набеговый промысел и работорговля. Между тем даже в это время в национальных республиках Северного Кавказа использовался подневольный труд социальных маргиналов, завезённых сюда из различных, как правило, далёких от региона частей страны (Тишков, 2001: 405-406).

Развал Советского Союза и последовавший вслед за этим системный кризис со всей наглядностью показал, что надежды на искоренение пленопродавства оказались неоправданно оптимистичны. Интерес к «живому товару» вновь сделался отличительной особенностью северокавказских реалий. В Чечне, где стремительно деградировали промышленный и аграрный сектора, звучали призывы вновь заняться натуральным хозяйством (Трошев, 2003: 55). Вновь со всей очевидностью проявила себя «мальтузианская ловушка», когда в республике на 1991 г. избыток сельского населения оценивался в 100-150 тыс. человек (Клычников, 2016: 32). Это подстегнуло интерес к проверенному веками способу получения прибыли. Во многих домах были устроены темницы для содержания захваченных в неволю людей, среди которых были не только граждане Российской Федерации, но и иностранцы (Тишков, 2001: 406-423). Пленных держали для обмена, выполнения различных хозяйственных работ и, конечно, с целью получения выкупа. Наличие рабов становилось предметом гордости, символом успеха (Карпов, 2001: 251). Дошло до того, что некоторых похитителей даже стали приговаривать к смертной казни местные шариатские суды (Бобровников, 2002: 266).

И опять пришлось применять значительные военно-политические усилия и затратные экономические меры, чтобы избавиться от таких рецидивов прошлого. Насколько успешны эти шаги, можно только предполагать. В случае дезинтеграции российской государственности, практика пленопродавства, скорее всего, вновь возродится, тем более что на Востоке, где террористические организации демонстрируют успехи в борьбе с местными политическими режимами, захват невольников стал обыденностью. Учитывая наличие приверженцев радикального ислама на Северном Кавказе, их готовность поддержать очередной «джихад», подобный сценарий отвергать нельзя.

5. Заключение

Работорговля в виде пленопродавства в истории региона играла роль фактора, компенсирующего скудость местных возможностей. Широкое распространение она получила на Северном Кавказе уже в период античности. Связано это было не столько с использованием рабского труда в собственном хозяйстве, сколько с продажей «живого товара» на внешние рынки. Регион сделался важной частью невольничьего транзита, проходившего по его территории. Устойчивый спрос стимулировал развитие промысла «людокрадства», который со временем стал играть важную роль в процессе социализации местного юношества и способствовал выделению знатной верхушки, для которой участие в походах за добычей сделалось статусной обязанностью.

Пресечь этот масштабный промысел смогло только Российское государство, присоединившее Кавказ к своей территории и выдержавшее изнурительное противостояние с отстаивавшими свой традиционный уклад горскими обществами. Представляется, что ожесточённое сопротивление было вызвано среди прочего и тем, что Россия долго не могла предложить эффективную альтернативу пленопродавству, веками до этого смягчавшему угрозу «мальтузианской ловушки», в которой оказались местные народы.

В случае ослабления государственного порядка это явление вновь возрождается, хотя его масштабы уже не достигают прежнего размаха. Явление рабства демонстрирует живучесть и в наши дни остаётся актуальной проблемой, как для России, так и для остального мира.

Литература

- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.
ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
- АБКНКА, 1974** – Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительная статья к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1974. 635 с.
- АКАК, 1868** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868. Т. II. 1238 с.
- Артамонов, 2002** – *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб: Филологический ф-т СПбГУ, 2002. 560 с.
- Безугольный, 2007** – *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945 годы. М.: Вече, 2007. 512 с.
- Блиев, 2004** – *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
- Бобровников, 2002** – *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2002. 368 с.
- Бутков, 1825** – *Бутков П.* О браках князей русских с грузинками и ясынями, в XII веке // *Северный архив.* 1825. № IV. С. 317–329.
- Великая, Великая, 2015** – *Великая Е.В., Великая Н.Н.* Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801 – 1859 гг.) / Под ред. С.А. Головановой. Армавир: РИО АГПУ, 2015. 252 с.
- Великая и др., 2019** – *Великая Н.Н., Дударев С.Л., Савенко С.Н.* Этногенез и этнополитическая история Северного Кавказа (древность, средневековье, новое время) // *Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова.* Армавир: Дизайн-студия Б, 2019. Выпуск 11. 218 с.
- Виноградов, 2001** – *Виноградов В.Б.* Пушкинская Кубань (историко-литературоведческие этюды) / Под ред. В.П. Невской. Армавир: АГПИ, 2001. 72 с.
- Гатагова, 2016** – *Гатагова Л.С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.

[Гринин, Коротаев, 2012](#) – *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 480 с.

[Гудаков, 2007](#) – *Гудаков В.В.* Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 565 с.

[Дударев, Дударев, 2017a](#) – *Дударев С.Л., Дударев Д.С.* Дискуссионные вопросы функционирования некоторых форм личной зависимости у горцев Северного Кавказа в первой половине XIX в. // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1). С. 18-30.

[Дударев, Дударев, 2017b](#) – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир, Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

[Ельницкий, 1964](#) – *Ельницкий Л.А.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII – III вв. до н.э. М.: Издательство «Наука», 1964. 288 с.

[Елифанцев, 2010](#) – *Елифанцев А.А.* Неизвестная кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М.: ООО «ИПЦ "Маска"», 2010. 356 с.

[Жу픽ова, 2016](#) – *Жу픽ова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920 – 1925 гг. М: Новый хронограф, 2016. 424 с.

[Заходер, 1962](#) – *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX – X вв. М.: Издательство Восточной литературы, 1962. 280 с.

[Иноземцева, 2014](#) – *Иноземцева Е.И.* Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. 298 с.

[Каллистов и др., 1968](#) – *Каллистов Д.П., Нейхардт А.А., Шифман И.Ш., Шишова И.А.* Рабство на периферии античного мира. Л.: Издательство «Наука» ленинградское отделение, 1968. 272 с.

[Карпов, 1996](#) – *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Кунсткамера, 1996. 312 с.

[Карпов, 2001](#) – *Карпов Ю.Ю.* Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // *Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков.* СПб: Наука, 2001. С.221 – 262.

[Карпов, 2007](#) – *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.

[Клычников, 2002](#) – *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002. 494 с.

[Клычников, Цыбулькинова, 2011](#) – *Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под редакцией и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.

[Клычников, 2015](#) – *Клычников Ю.Ю.* Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.

[Клычников, 2016](#) – *Клычников Ю.Ю.* Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (историко-политологические очерки). Под ред. и с послесловием С.Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.

[Клычников, Лазарян, 2018](#) – *Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С.* «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГУ, 2018. 84 с.

[Коротаев, 2012](#) – *Коротаев А.В.* Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Сессия 8. Социология глобальных процессов, трансформации и развитие. М.: РОС, 2012. С.1483 – 1489.

[Крамаровский, 2012](#) – *Крамаровский М.Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 496 с.

- Лобанов, 2017** – Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917 – 1920-х годах / Науч. Ред. В.И. Голдин. СПб.: Владимир Даль, 2017. 483 с.
- Марзей, 2004** – Марзей А.С. Черкесское наездничество – «зекIуэ»: из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половины XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. 303 с.
- Мерлио, 2005** – Мерлио Э. Воспоминания французской пленницы Шамиля. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», издательский центр «Эль-Фа», 2005. 239 с.
- Мишин, 2002** – Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: Институт востоковедения РАН – Издательство «Крафт +», 2002. 368 с.
- Музаев, 2007** – Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М.: ПАТРИЯ, 2007. 520 с.
- Некрасов, 2015** – Некрасов А.М. Избранные труды / сост. К.Ф. Дзамихов, Дж.Я. Рахаев; научный редактор К.Ф. Дзамихов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 255 с.
- Полубояринова, 1978** – Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 134 с.
- Путешествие Ибн-Фадлана, 1939** – Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарий под редакцией И.Ю. Крачковского. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1939. 193 с.
- Российский Кавказ, 2007** – Российский Кавказ. Книга для политиков / Под редакцией В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. 384 с.
- Смыслов, 2006** – Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2006. 512 с.
- Судьбы..., 1998** – Судьбы кавказских пленников. Документы 1817 – 1853 гг. / Составитель Е.С. Тютюнина. Под редакцией и с послесловием В.Б. Виноградова. Армавир – Нальчик, 1998. 39 с.
- Съезды..., 1978** – Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов. В 2-х т. Оржоникидзе: «Ир», 1978. Т. II. 279 с.
- Тишков, 2001** – Тишков В.А. Общество в вооружённом конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. 552 с.
- Ткачев, 1911** – Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. Выпуск 2-й. 156 с.
- Трошев, 2003** – Трошев Г.Н. Чеченский рецидив. Записки командующего. М.: Вагриус, 2003. 384 с.
- Тютюнина, 2000** – Тютюнина Е.С. Об исторической основе фабулы поэмы А.С. Пушкина «кавказский пленник» // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей. Армавир: АГПИ, 2000. Вып.5. С. 53-62.
- Хотко, 2002** – Хотко С.Х. Генуя и Черкесия: политическое и культурное взаимодействие в XIII – XV вв. // Сборник Русского исторического общества. Том 4 (152). От Тмутараканя до Тамани / Под ред. В.А. Захарова. М.: «Русская панорама», 2002. С.193 – 205.
- Шипов, 1881** – Шипов Н.Н. История моей жизни и моих странствий: Рассказ бывшего крепостного крестьянина Н. Шипова. 1802 – 1862 гг. // *Русская старина*. СПб., 1881. Июль. С. 437-478.
- Шорохов, 2011** – Шорохов В.А. О некоторых аспектах восточноевропейской работорговли в IX – первой половине X века (по данным восточных источников) // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2011. №6. С. 31-41.
- Эллинские поэты, 1999** – Эллинские поэты VIII – III вв. до н.э. эпос, элегия, ямбы, мелика / Издание подготовили М.Л. Гаспаров, ОР.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М.: научно-издательский центр «Ладомир», 1999. 517 с.
- Grankin et al., 2019** – Grankin Yu.Yu., Klychnikov Yu.Yu., Lazarian S.S. «For the Fatherland the Death, Healed Wounds and Fetters are Dear»: North Caucasian Trials in the Fate of the Poles in the first half of the XIX century // *Bylje Gody*. 2019. №1. Pp. 131-137.
- Stepanenko, 2019** – Stepanenko N.S. Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2019. 4(1): 29-34. DOI: 10.13187/slave.2019.1.29

References

- ABKIEA, 1974** – Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII – XIX vv. [Adygs, Balkars, Karachais in the news of European authors of the XIII – XIX centuries]. Sostavlenie, redaktsiya perevodov, vvedenie i vstupitel'naya stat'ya k tekstam V.K. Gardanova. Nal'chik: Knizhnoe izdatel'stvo «El'brus», 1974. 635 p. [in Russian]
- AKAK, 1868** – Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1868. T.II. 1238 p. [in Russian]
- Artamonov, 2002** – *Artamonov, M.I.* (2002). Istoriya khazar [History of the Khazars]. 2-e izd. SPb: Filologicheskii f-t SPbGU, 560 p. [in Russian]
- Bezugol'nyi, 2007** – *Bezugol'nyi, A.Yu.* (2007). Narody Kavkaza i Krasnaya armiya. 1918–1945 gody [Peoples of the Caucasus and the Red Army. 1918–1945.]. M.: Veche, 512 p. [in Russian]
- Bliev, 2004** – *Bliev, M.M.* (2004). Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza. Na puti k tsivilizatsii [Russia and the highlanders of the Greater Caucasus. Towards civilization.]. M.: Mysl', 877 p. [in Russian]
- Bobrovnikov, 2002** – *Bobrovnikov, V.O.* (2002). Musul'mane Severnogo Kavkaza: Obychai, pravo, nasilie: ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana [Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence: essays on the history and ethnography of the law of Nagorno Dagestan]. M.: Vostochnaya literatura, 368 p. [in Russian]
- Butkov, 1825** – *Butkov, P.* (1825). O brakakh knyzei russkikh s gruzinkami i yasynymi, v XII veke [On the marriages of Russian princes with Georgians and yasins, in the XII century]. *Severnyi arkhiv*. № IV. Pp. 317-329. [in Russian]
- Dudarev, Dudarev, 2017a** – *Dudarev, S.L., Dudarev, D.S.* (2017). Diskussionnye voprosy funktsionirovaniya nekotorykh form lichnoi zavisimosti u gortsev Severnogo Kavkaza v pervoi polovine XIX v. [Discussion issues of the functioning of some forms of personal dependence among the highlanders of the North Caucasus in the first half of the 19th century]. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 18-30. [in Russian]
- Dudarev, Dudarev, 2017b** – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2017). Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – mid-19th century.]. Armavir, Stavropol': Dizain-studiya B., 402 p. [in Russian]
- Ellinskie poety, 1999** – *Ellinskie poety VIII – III vv. do n.e. epos, elegiya, yamby, melika* [Hellenic Poets VIII – III centuries BC. epic, elegy, iamba, melika]. Izdanie podgotovili M.L. Gasparov, O.R.P. Tsybenko, V.N. Yarkho. M.: nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladimir», 517 p. [in Russian]
- El'nitskii, 1964** – *El'nitskii, L.A.* (1964). Vozniknovenie i razvitie rabstva v Rime v VIII – III vv. do n.e. [The emergence and development of slavery in Rome in the VIII – III centuries. BC]. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 288 p. [in Russian]
- Epifantsev, 2010** – *Epifantsev, A.A.* (2010). Neizvestnaya kavkazskaya voyna. Byl li genotsid adygov? [Unknown Caucasian War. Was there a genocide of the Circassians?]. M.: OOO «IPTs "Maska"», 356 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [State archive of the Krasnodar Krai].
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- GASK** – Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja [State archive of the Stavropol Krai].
- Gatagova, 2016** – *Gatagova, L.S.* (2016). Severnyi Kavkaz v epokhu pozdnei imperii: priroda nasiliya. 1860–1917 [North Caucasus in the era of the late empire: the nature of violence. 1860-1917]. M.: Novyi khronograf., 448 p. [in Russian]
- Grankin et al., 2019** – *Grankin, Yu.Yu., Klychnikov, Yu.Yu., Lazarian, S.S.* (2019). «For the Fatherland the Death, Healed Wounds and Fetters are Dear»: North Caucasian Trials in the Fate of the Poles in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 1: 131-137.
- Grinin, Korotaev, 2012** – *Grinin, L.E., Korotaev, A.V.* (2012). Tsikly, krizisy, lovushki sovremennoi Mir-Sistemy. Issledovanie kondrat'evskikh, zhyuglyarovskikh i vekovykh tsiklov, global'nykh krizisov, mal'tuzianskikh i postmal'tuzianskikh lovushek [Cycles, crises, traps of the modern World-System. Research of Kondratieff, Juglar and secular cycles, global crises, Malthusian and post-Malthusian traps]. M.: Izdatel'stvo LKI. 480 p. [in Russian]

[Gudakov, 2007](#) – *Gudakov, V.V.* (2007). Severo-Zapadnyi Kavkaz v sisteme mezhetnicheskikh otnoshenii s drevneishikh vremen do 60-kh godov XIX veka [Northwest Caucasus in the system of interethnic relations from ancient times to the 60s of the XIX century.]. SPb: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 565 p. [in Russian]

[Inozemtseva, 2014](#) – *Inozemtseva, E.I.* (2014). Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Ocherki istorii [The institute of slavery in Feudal Dagestan. Essays on history]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, ALEF., 298 p. [in Russian]

[Kallistov i dr., 1968](#) – *Kallistov, D.P., Neikhardt, A.A., Shifman, I.Sh., Shishova, I.A.* (1968). Rabstvo na periferii antichnogo mira [Slavery on the periphery of the ancient world]. L.: Izdatel'stvo «Nauka» leningradskoe otdelenie, 272 p. [in Russian]

[Karpov, 1996](#) – *Karpov, Yu.Yu.* (1996). Dzhigit i volk: muzhskie soyuzy v sotsiokul'turnoi traditsii gortsev Kavkaza [Dzhigit and wolf: male unions in the socio-cultural tradition of the Caucasus highlanders]. SPb.: Kunstkamera, 312 p. [in Russian]

[Karpov, 2001](#) – *Karpov, Yu.Yu.* (2001). Obrazy nasiliya v novoi i noveishei istorii narodov Severnogo Kavkaza [Images of violence in the modern and recent history of the peoples of the North Caucasus]. Antropologiya nasiliya. Otv. red. V.V. Bocharov i V.A. Tishkov. SPb: Nauka. Pp. 221-262. [in Russian]

[Karpov, 2007](#) – *Karpov, Yu.Yu.* (2007). Vzglyad na gortsev. Vzglyad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i sotsial'nyi opyt gortsev Dagestana [A look at the highlanders. View from the mountains: worldview aspects of culture and social experience of the highlanders of Dagestan]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 656 p. [in Russian]

[Khotko, 2002](#) – *Khotko, S.Kh.* (2002). Genuya i Cherkesiya: politicheskoe i kul'turnoe vzaimodeistvie v XIII – XV vv. [Genoa and Circassia: political and cultural interaction in the 13th - 15th centuries]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Tom 4 (152). Ot Tmutarakanya do Tamani. Pod red. V.A. Zakharova. M.: «Russkaya panorama». Pp.193-205. [in Russian]

[Klychnikov, 2002](#) – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2002). Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk: PGLU, 494 p. [in Russian]

[Klychnikov, 2015](#) – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2015). Rossiiskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arkhaiika: V poiskakh preodoleniya protivorechii (XVIII – nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki [Russian statehood and the North Caucasian archaism: In search of overcoming contradictions (XVIII – early XXI centuries). Historical sketches]. M.: LENAND, 368 p. [in Russian]

[Klychnikov, 2016](#) – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2016). Severnyi Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (istoriko-politologicheskie ocherki) [The North Caucasus: old problems in a new dimension (historical and political essays)]. Pod red. i s poslesloviem S.L. Dudareva. Pyatigorsk: PGLU, 99 p. [in Russian]

[Klychnikov, Lazaryan, 2018](#) – *Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S.* (2018). «Nabezhavshimi khishchnikami vzyat v plen...»: polyaki v nevole u gortsev Severnogo Kavkaza ["Captured by predators who came running ...": Poles in captivity among the highlanders of the North Caucasus]. Pyatigorsk: PGU, 84 p. [in Russian]

[Klychnikov, Tsybul'nikova, 2011](#) – *Klychnikov, Yu.Yu., Tsybul'nikova, A.A.* (2011). «Tak buinuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossiiskoi gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ["So the laws are suppressing violent liberty ...": the struggle of the Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays)]. Pod redaktsiei i s predisloviem B.V. Vinogradova. Pyatigorsk: RIA KMV, 256 p. [in Russian]

[Korotaev, 2012](#) – *Korotaev, A.V.* (2012). Lovushka na vykhode iz lovushki. K matematicheskomu modelirovaniyu sotsial'no-politicheskoi destabilizatsii v stranakh mir-sistemnoi periferii [Trap at the exit of the trap. On the mathematical modeling of socio-political destabilization in the countries of the world-system periphery]. IV Ocherednoi Vserossiiskii sotsiologicheskii kongress. Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie. Sessiya 8. Sotsiologiya global'nykh protsessov, transformatsii i razvitie. M.: ROS. Pp. 1483-1489. [in Russian]

[Kramarovskii, 2012](#) – *Kramarovskii, M.G.* (2012). Chelovek srednevekovoii ulitsy [Medieval street man]. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya. SPb.: EVRAZIYA, 496 p. [in Russian]

- Lobanov, 2017** – *Lobanov, V.B.* (2017). Terek i Dagestan v ogne Grazhdanskoi voyny: Religioznoe, voenno-politicheskoe i ideologicheskoe protivostoyanie v 1917 – 1920-kh godakh [Terek and Dagestan in the fire of the Civil War: Religious, military-political and ideological confrontation in 1917 – 1920s]. Nauch. Red. V.I. Goldin. SPb.: Vladimir Dal', 483 p. [in Russian]
- Marzei, 2004** – *Marzei, A.S.* (2004). Cherkesskoe naezdnichestvo – «zekIue»: iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoi poloviny XIX veka [Circassian equestrianism – "zekIue": from the history of the military life of the Circassians in the 18th – first half of the 19th centuries]. Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2004. 303 s. [in Russian]
- Merlio, 2005** – *Merlio, E.* (2005). Vospominaniya frantsuzskoi plennitsy Shamilya [Memoirs of the French captive Shamil]. Nal'chik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 239 p. [in Russian]
- Mishin, 2002** – *Mishin, D.E.* (2002). Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e [Sakaliba (Slavs) in the Islamic World in the Early Middle Ages]. M.: Institut vostokovedeniya RAN – Izdatel'stvo «Kraft +», 368 p. [in Russian]
- Muzaev, 2007** – *Muzaev, T.M.* (2007). Soyuz gortsev. Russkaya revolyutsiya i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 g. [Union of Highlanders. Russian revolution and the peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]. M.: PATRIYA, 520 p. [in Russian]
- Nekrasov, 2015** – *Nekrasov, A.M.* (2015). Izbrannye trudy [Selected works]. Sost. K.F. Dзамikhov, Dzh.Ya. Rakhaev; nauchnyi redaktor K.F. Dзамikhov. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 255 p. [in Russian]
- Poluboyarinova, 1978** – *Poluboyarinova, M.D.* (1978). Russkie lyudi v Zolotoi Orde [Russian people in the Golden Hord]. M.: Nauka, 134 p. [in Russian]
- Puteshestvie Ibn-Fadlana, 1939** – *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu* [Ibn-Fadlan's journey to the Volga]. Perevod i kommentarii pod redaktsiei I.Yu. Krachkovskogo. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1939. 193 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].
- Rossiiskii Kavkaz, 2007** – *Rossiiskii Kavkaz. Kniga dlya politikov* [Russian Caucasus. A book for politicians]. Pod redaktsiei V.A. Tishkova. M.: FGUN «Rosinformagrotekh». 384 p. [in Russian]
- S"ezdy..., 1978** – *S"ezdy narodov Tereka. Sbornik dokumentov i materialov* [Congresses of the Terek peoples. Collection of documents and materials]. V 2-kh t. Orzhonikidze: «Ir». T. II. 279 p. [in Russian]
- Shipov, 1881** – *Shipov, N.N.* (1881). Istoriya moei zhizni i moikh stranstvii: Rasskaz byvshego krepostnogo krest'yanina N. Shipova. 1802 – 1862 gg. [The story of my life and my wanderings: The story of the former serf peasant N. Shipov. 1802 – 1862]. *Russkaya starina*. SPb. Iyul'. Pp. 437-478. [in Russian]
- Shorokhov, 2011** – *Shorokhov, V.A.* (2011). O nekotorykh aspektakh vostochnoevropeiskoi rabotorgovli v IX – pervoi polovine Kh veka (po dannym vostochnykh istochnikov) [On some aspects of the Eastern European slave trade in the 9th – first half of the 10th century (according to eastern sources)]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 6: 31-41. [in Russian]
- Smyslov, 2006** – *Smyslov, O.S.* (2006). Proklyatye legiony. Izmenniki Rodiny na sluzhbe Gitlera [Damned legions. Traitors to the Motherland on the Service of Hitler.]. M.: Veche. 512 p. [in Russian]
- Stepanenko, 2019** – *Stepanenko, N.S.* (2019). Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 4(1): 29-34. DOI: 10.13187/slave.2019.1.29
- Sud'by..., 1998** – *Sud'by kavkazskikh plennikov. Dokumenty 1817 – 1853 gg.* [Fates of Caucasian captives. Documents from 1817 to 1853]. Sostavitel' E.S. Tyutyunina. Pod redaktsiei i s poslesloviem V.B. Vinogradova. Armavir – Nal'chik, 39 p. [in Russian]
- Tishkov, 2001** – *Tishkov, V.A.* (2001). Obshchestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoi voyny) [Society in an armed conflict (ethnography of the Chechen war)]. M.: Nauka, 552 p. [in Russian]
- Tkachev, 1911** – *Tkachev, G.A.* (1911). Ingushi i chechentsy v sem'e narodnosti Terskoi oblasti [Ingush and Chechens in the family of ethnic groups of the Terek region]. Vladikavkaz. Vypusk 2-i. 156 p. [in Russian]

Troshev, 2003 – *Troshev, G.N.* (2003). Chechenskii retsidiv. Zapiski komanduyushchego [Chechen relapse. Commander's notes]. M.: Vagrius. 384 p. [in Russian]

TsGA RSO-A – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania].

Tyutyunina, 2000 – *Tyutyunina, E.S.* (2000). Ob istoricheskoi osnove fabuly poemy A.S. Pushkina «kavkazskii plennik» [On the historical basis of the plot of the poem by A.S. Pushkin's "Prisoner of the Caucasus"]. *Voprosy severokavkazskoi istorii. Sbornik nauchnykh statei*. Armavir: AGPI. Vyp.5. Pp. 53-62. [in Russian]

Velikaya i dr., 2019 – *Velikaya, N.N., Dudarev, S.L., Savenko, S.N.* (2019). Etnogenez i etnopoliticheskaya istoriya Severnogo Kavkaza (drevnost', srednevekov'e, novoe vremya) [Ethnogenesis and ethno-political history of the North Caucasus (antiquity, Middle Ages, modern times)]. *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoi Kavkazovedcheskoi Shkoly V.B. Vinogradova*. Armavir: Dizain-studiya B, Vypusk 11. 218 p. [in Russian]

Velikaya, Velikaya, 2015 – *Velikaya, E.V., Velikaya, N.N.* (2015). Mirnye formy integratsii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii (1801 – 1859 gg.) [Peaceful forms of integration of the North-East Caucasus into the Russian Empire (1801 – 1859)]. Pod red. S.A. Golovanovoi. Armavir: RIO AGPU, 252 p. [in Russian]

Vinogradov, 2001 – *Vinogradov, V.B.* (2001). Pushkinskaya Kuban' (istoriko-literaturovedcheskie etyudy) [Pushkin Kuban' (historical and literary studies)]. Pod red. V.P. Nevskoi. Armavir: AGPI, 72 p. [in Russian]

Zakhoder, 1962 – *Zakhoder, B.N.* (1962). Kaspiiskii svod svedenii o Vostochnoi Evrope. Gorgan i Povolzh'e v IX – X vv. [Caspian collection of information about Eastern Europe. Gorgan and the Volga region in the 9th – 10th centuries]. M.: Izdatel'stvo Vostochnoi literatury, 280 p. [in Russian]

Zhupikova, 2016 – *Zhupikova, E.F.* (2016). Povstancheskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze v 1920 – 1925 gg. [Insurrectionary movement in the North Caucasus in 1920 – 1925]. M: Novyi khronograf, 424 p. [in Russian]

Северокавказский «очаг» работорговли («пленопродавства»): к постановке проблемы

Юрий Юрьевич Клычников ^{a, *}

^a Пятигорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья раскрывает специфику занятия работорговлей в условиях Северного Кавказа. Показаны обстоятельства зарождения этого явления, те факторы, которые влияли на его особенности и масштаб. Делается вывод, что потребность в труде невольников у местных обществ была невелика, и рабов предпочитали продавать за пределы региона. Это был один из компенсирующих факторов, с помощью которого частично удовлетворялась нехватка собственных средств существования. Выдвигается предположение о наличии «мальтузианской ловушки», оказывающей влияние на специфику экономической, политической, социальной и культурной обстановки в крае. Такая практика существовала на протяжении периодов Античности и Средневековья. Наличие устойчивого спроса стимулировало захват невольников, которые в дальнейшем отправлялись на азиатские и западноевропейские рынки. Кавказ стал частью «невольничьего транзита», и здесь возникли крупные региональные центры по продаже людей. Набеги с целью захвата «живого товара» сделались частью института социализации юношества. Они играли важную роль в процессе выделения знати у местных сообществ. С появлением на Кавказе российской власти с работорговлей начинают активно бороться. Для этого применялись как вполне мирные способы (например, выкуп), так и жёсткие меры военного воздействия. Пик противостояния приходится на первую половину XIX в., после

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Klichnikov@mail.ru (Ю.Ю. Клычников)

чего размах этого промысла существенно сокращается. Это объяснялось не только успехами оружия, но и позитивными изменениями в хозяйственном укладе автохтонных народов. Однако ослабление и дезинтеграция российской государственности приводит к возрождению торговли невольниками. Этот возврат к архаике имел место в начале XX столетия, когда страна пережила череду революций и Гражданскую войну. В конце минувшего века распад СССР сопровождался параличом власти, ростом ксенофобии, экономическим коллапсом. Сказывалось и влияние неблагоприятных внешнеполитических факторов. Всё это вновь актуализировало проблему рабства, изжить рецидивы которого не удалось и в наши дни.

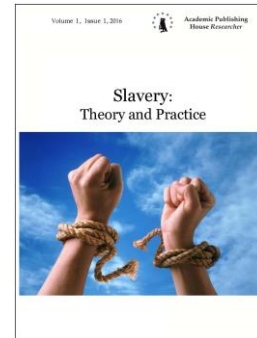
Ключевые слова: рабы, пленные, набег, товар, рынок, заложники, Северный Кавказ, социализация, «мальтузианская ловушка», институт.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 19-36

DOI: 10.13187/slave.2020.1.19
www.ejournal43.com

Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods"

Michal Šmigel^{a,*}

^a Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Abstract

In the study we attempt to examine the changing manifestations of the Circassian slave trade in the 13th–19th centuries with the focus mainly on women as the "live goods". Caucasian women, and especially the Circassian women, represented a "special export items" in the countries of the (Eastern) Mediterranean. Their beauty has been recognized and valued for centuries by almost all travellers and discoverers of the Caucasus, and they were in great demand in the slave markets of the Middle East. These questions are examined in the study: since and to what extent the Circassians participated in the slave trade, what led to the practice of this kind of trade, how it was perceived by the objects of the trade themselves, and what were the consequences of the female slave trade. The topicality of research theme lies in its focus on the female element of the slave trade.

The heuristics of the study consist of recently published documents and scientific publications which are the outcomes of the Russian and European research. Materials of personal character were also an important source of information (diaries, travelogues and publications of travellers, emissaries and researchers of the Caucasus from the 16th–19th century, especially from the period of the Caucasus War /1817–1864/). The methodological basis of the research consists of the principles of objectivity and historicism, a critical approach to the historical sources, analysis of the summary of facts and also monitoring of the studied phenomena in the context of their development and historical situation. An interdisciplinary approach was also used in studying the issue. The author concludes that since the 13th century the Circassians have adopted the mechanisms of the Black Sea slave trade and later they have penetrated the markets of the Black Sea-Mediterranean slave trade.

The slave trade (and especially female slave trade) gained the largest scale in the North Caucasus in the 18th century. It was caused by the increased demand for "live goods" in the Eastern markets, especially in the Ottoman Empire. Circassian women were highly valued. Paradoxically, many Caucasian women humbly accepted the possibility of being sold into slavery. Under the Ottomans, concubinage became such a widespread phenomenon that it was even considered a kind of "sociocultural lift", a way out of poverty, a way of getting out of poor living conditions in the homeland. The slave trade in the Caucasus had negative consequences for highland societies and caused great demographic, economic, cultural and moral damage.

Keywords: Northeast Caucasus, Circassian slave trade, Life of highland societies in the Caucasus, Slavery in the Middle East.

* Corresponding author

E-mail addresses: michal.smigel@umb.sk (M. Šmigel)

1. Введение

Кавказ – исторически уникальный по своей сложности регион. Он имеет многонациональный, религиозно разнообразный и многокультурный характер. Такие атрибуты он приобрел в результате своеобразного исторического развития. Цивилизации встречались на Кавказе с древних времен, и он был своего рода «этнической шахматной доской» народов, которые, помимо своей культуры, также были носителями своих личных проявлений, включая рабство и работорговлю. Основы работорговли, имеющие на Северо-Западном Кавказе глубокие исторические корни, уходят вглубь веков. Очевидно, что работорговля на Кавказе возникла еще в период античности, и в последующие века она, под влиянием Османской Турции, достигла своего апогея. Отличительной особенностью жизни и быта горских народов, их социальной организации и традиций являлось специфическое отношение к человеческой личности, а работорговля здесь играла важную роль в системе жизнеобеспечения горцев. При этом кавказские девушки, а главным образом черкешенки, представляли специальный экспортный товар в страны (восточного) Средиземноморья. Их красота признавалась на протяжении веков практически всеми путешественниками и исследователями Кавказа, а на невольничьих рынках Ближнего Востока они пользовались большим спросом. В данной статье ставится задача рассмотреть следующие вопросы: с каких пор и в какой степени черкесы принимали участие в этой работорговле, что вело к практикам такого ремесла, как оно воспринималось самими объектами работорговли и каковы были последствия.

2. Материалы и методы

Материалами для анализа и написания статьи послужили российские и европейские исследования в основном Нового и Новейшего времени, опубликованные документы, а также научные публикации современного периода. Важным источником стали материалы личного происхождения: дневники, мемуары и публикации путешественников, разведчиков, эмиссаров – исследователей Кавказа XVI–XIX веков и периода Кавказской войны (1817–1864).

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также воссоздание рабовладельческих явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы, а также специальные методы исследования, свойственные исторической дисциплине. При рассмотрении избранной проблемы применялся и междисциплинарный подход.

3. Обсуждение и результаты

В истории работорговли на Кавказе Т.А. Дзуганов выделяет три основных этапа: «Византийский» – с IV по XII вв., «Латинский» – с XIII по XV вв. и «Турецкий» – с XVI по начало 1860-х гг. Его позиция основывается на изменениях в геополитической ситуации в Черноморском регионе и смене доминирующих держав (Дзуганов: 2015: 17). Однако с точки зрения интенсивности кавказскую работорговлю можно разделить на три хронологических этапа: первый – IV–XV вв. (или начальный), второй – XVI–XVIII вв. (или кульминирующий) и третий – XIX в. (или угасающий) (Cherkasov et al., 2018: 1334).

Первый – «византийский» – этап характеризуется незначительным развитием специфического промысла кавказских горцев – захватом пленных на собственной территории с целью последующей продажи на невольничьих рынках Черноморья и Ближнего Востока. Ограниченный институт рабства и работорговли в Византии ввиду ее продолжительного влияния на Кавказе не являлся фактором, способствующим развитию рабства у кавказских горцев.

Второй – «латинский» – этап работорговли связан с изменениями в характере торговли в восточном Средиземноморье, начало которых было положено предоставлением Венеции торговых привилегий в 992 г. и договором Мануила I с генуэзцами в 1169 году. По сути дела, Византия передала им выгодную черноморскую торговлю. Генуэзцы и венецианцы ревниво оберегали свою монополию на этот вид коммерции, которая приносила значительную прибыль

Третий – «турецкий» – этап был связан с падением Византии (в 1453 г. под ударами турок-сельджуков), которая на протяжении почти одной тысячи лет оказывала цивилизационное влияние на Кавказ и имела в союзниках Грузию, Абхазию и Зихию (Черкесию). Создание Османской империи предопределило глобальные изменения на Кавказе, а усиление ее позиций в горских обществах привело к расцвету работорговли.

В конце третьего этапа идет постепенное угасание работорговли и в итоге ее прекращение, что было связано с появлением на Кавказе нового геополитического игрока – Российской империи. С установлением у горских народов законов и порядков Российского государства владельцы рабов были лишены права личного распоряжения их судьбой, а убийство раба было приравнено к уголовному преступлению (Cherkasov et al: 2018: 1335).

В начале «латинского» (венециано-генуэзского) периода работорговли в Причерноморье невольников поставляли на рынки рабов татары, ежегодно устраивавшие набеги на польское королевство, русские земли и Кавказ. В XIII веке установилась монополия каффинских генуэзцев на работорговлю в бассейне Черного моря, то есть скупать рабов на побережье и вдоль речных торговых мест мог кто угодно, но после товар доставлялся в Каффу (Феодосию) и перепродавался генуэзцам – единственным, кто имел лицензию на вывоз рабов, в том числе в страны Средиземного моря (Возгин, 2011: 92; Еманов, 1995: 131). В XIV–XV вв. одним из главных источников поступления рабов на рынки Западной Европы и Египта был Циркумпонтийский регион, откуда рабы вывозились через Каффу, Тану (Азов) и Перу (Галата). Ограниченное значение имели другие генуэзские фактории Северного и Восточного Средиземноморья, а также крупнейший эмпорий Понта – Трапезунд. Именно в Трапезунде производилась покупка и погрузка рабов-черкесов (Quirini-Popławska, 1998: 165).

Оживление работорговли было связано с целым рядом обстоятельств, среди которых – увеличение спроса на рабов как в мамлюкском Египте и Леванте, так и в Европе. Итальянцы быстро вытеснили египетских купцов, закупавших рабов в Крыму и вывозивших их через Константинополь, и стали хозяевами положения. Из Таны, Сухума и Трапезунда генуэзцы и венецианцы отправлялись в земли Орды или мелких феодальных князей Западного Кавказа для приобретения рабов. Для бесперебойной торговли этим видом товара вовсе не обязательно было ходить в опасные набеги (Возгин, 2018: 9). За установленную плату «чужих» рабов, а также собственных девушек и юношей вполне добровольно поставляли все племена Черноморского региона. Вопрос все же состоит в другом: в какой степени народы Западного Кавказа (и особенно черкесы) принимали участие в этой работорговле?

Прежде всего следует подчеркнуть, что средневековая экономика Черкесии в силу своего натурального характера не зависела от использования труда рабов и, вероятно, не стимулировала местную работорговлю. Рабы здесь были, но не находили широкого использования и велась в основном транзитная работорговля. Как свидетельствуют источники, уже к X в. ведущей отраслью экономики адыгских народов было пашенное земледелие. Довольно развитыми были скотоводство и ремесло. «Однако они имели экстенсивный характер (особенно земледелие) и не могли удовлетворять все жизненные потребности местного населения, которые оказывалось сложно восполнить даже с помощью торговли, долго являвшейся меновой (вплоть до середины XIX в.)» (Дударев 2018: 92). Сведений об участии в трафике работорговли непосредственно черкесов либо других кавказских народов в этот период не имеется и вряд ли найдется, принимая во внимание венециано-генуэзскую монополию на процветающую торговлю рабами в бассейне Черного моря.

Кроме того, в этот период и сами кавказские народы были «добычей» в результате вторжения в регион различных завоевателей. Во второй половине XIII века кавказские народы испытали тяготы монголо-татарского завоевания. В конце XIV – начале XV вв. Закавказье подверглось вторжению и разграблению войсками среднеазиатского эмира Тимура (Тамерлана). Монголо-татары захватывали большое количество пленников. Однако их экономика тоже не нуждалась в значительном количестве рабочих рук. В основном в плен брались ремесленники, образованные люди, женщины и дети. Значительные массы рабов татаро-монголам было ни к чему, поэтому их просто убивали. Позднее их начали продавать, тем самым обеспечивая стабильность (из-за постоянных войн кочевой империи) черноморско-средиземноморской работорговли, процветание которой приносило большой

доход (Бахтин, 2012: 38), а черкесы этому быстро учились, поняв, что рабы, не находя применения в хозяйстве, могут служить источником обогащения вследствие их продажи.

В середине XIII в. сложилась такая уникальная ситуация, при которой во взаимовыгодное сотрудничество в вопросе трафика рабов вошли четыре ведущих актора – Золотая Орда, Египет, Византия и итальянские морские республики Генуя и Венеция. Татары предоставили массу рабов, Византия позволила их трансферт через проливы (не заботясь о христианских рабах), который обеспечили итальянцы, и те направлялись в мамлюкский Египет, чтобы обеспечить его военные и другие нужды (Хотко, 2015: 63).

Разветвленная сеть венециано-генуэзских колоний превращалась в рынки международной работорговли, которая шла бойко, и рабы попадали не только в Европу и Левант, но и в самые дальние уголки Средиземноморья. Самыми дорогими рабами считались русские, дешевле шли черкесы, а ценовой рейтинг на людей замыкали татары – торговали которыми, при этом, сами татарские купцы (Расцвет и закат работорговли, 2019).

По мнению Т.А. Дзуганова, с XIII века «черкесы адаптируют некоторые механизмы черноморской работорговли, создавая тем самым уникальный инструмент для решения насущных задач в области социо-культурных коммуникаций. Речь идет о рекрутинге черкесов в мамлюкскую гвардию египетского султаната при посредничестве генуэзских и венецианских купцов» (Дзуганов, 2015: 17-18). Однако, по другим данным, в XIII–XV вв. происходила оживленная торговля рабами между адыгами и итальянскими факториями на Черноморском побережье. Именно при генуэзцах женский «живой товар» стал более дорогим, чем молодые мужчины, что объяснялось востребованностью бесправных женщин-наложниц у европейских аристократов (Хлудова, Цыбулькинова, 2016: 96). Это подтверждает, что в позднее Средневековье население Северного Причерноморья (включая Западный Кавказ) было вовлечено в систему черноморско-средиземноморской работорговли, весьма значимая часть которой была ориентирована на пополнение военными рабами армии сирийско-египетского Султаната мамлюков (1250–1517 гг.) (Хотко, 2015: 61), а другая часть (со значительной долей рабынь) – для удовлетворения потребностей западноевропейских аристократических домов. Если в начале XIV века на европейских рынках «черкесов было примерно столько же, сколько русских и куманов (татар)», то после 1350–1375 гг. (одновременно с общим ростом цен) черкесских невольников становится больше, чем русских и татар, вместе взятых. Важнейшим фактором, определившим возрастание доли черкесов на рынке рабов, была пандемия чумы 1346–1353 гг. (и связанное с этим сокращение численности тюркских мамлюков). В XV веке черкесы составляли самую многочисленную группу рабов в Генуе (54 % от всей массы рабов из бассейна Черного моря). Власти Каффы установили прочные отношения с черкесскими князьями, закупая у них не только зерно и продукты питания, но и рабов. Девочки-подростки и молодые женщины превосходили числом юношей, экспортируемых в Европу (Хотко, 2016: 61, 63-64).

В конце XIV – начале XV вв. на рынках Трапезунда рабы с Западного Кавказа составляли 72,7 % (этнический состав рабов: черкесы и мингрелы – по 37,5 %, аланы и абхазы – по 12,5 %), а 27,3 % составляли вместе взятые татары, греки и евреи (Карпов, 1982: 198). Трапезунд служил эмпорием для Западного Кавказа, связи с которым были обширны, поэтому в нем гораздо чаще были представлены кавказские этнические группы (Карпов, 1982: 198-199).

Многие позднесредневековые европейские путешественники обращали внимание на то, что особенностью торговли у черкесов была купля-продажа «живого товара». Например, Иоганн (Ганс) Шильтбергер в начале XV века писал: «Земля черкесов, населенная христианами, исповедующими греческую веру; тем не менее они злые люди, продающие язычникам собственных детей своих и тех, которых они крадут у других...» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 38-39). Генуэзец Джорджио Интериано в конце XV – начале XVI вв. точно так же заметил: «Они нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем, перевоза из одной местности в другую, обменивают или продают...» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 48). Очевидно, вклад в работорговлю самих черкесов был еще невелик, но постепенно разрастался.

Если говорить о соотношении полов в «латинском периоде», то здесь проявляется значительное различие между работорговлей в Египет и в Европу. Это объясняется тем

обстоятельством, что в Западной Европе, как правило, гораздо шире использовались рабыни, главным образом в качестве домашней прислуги, а рабы продавались на Восток. Вначале в ремесле и сельском хозяйстве Северной Италии рабы использовались мало, но в середине XIV века экономическая роль рабства в Европе усилилась, что, в свою очередь, углубило экономическую стагнацию и ускорило социальные перемены XIV–XV вв., поэтому преобладание рабов-мужчин в факториях – показатель их экспорта на рынки Востока (Карпов, 1982: 200). Нельзя забывать, что, помимо стабильного пополнения рабами (аланами, черкесами, русскими, кипчаками) мамлюкской армии в Египте, значительный спрос на рабов требовали византийские, сирийские и египетские плантации сахарного тростника. Рост потребления сахара в Европе (с XII в.) вызвал значительное увеличение плантаций в восточном Средиземноморье. Венецианские и генуэзские торговцы в то время не только владели плантациями «медоносной травы» в Леванте, но и бойко создавали новые на Кипре, Сицилии и Крите (Křížová, 2013: 36).

Третий – «турецкий» – этап положение с работорговлей на Кавказе резко изменил. Экспансия турок-сельджуков временно отрезала поставку рабов из бассейна Черного моря. После захвата османами Константинополя (1453) и Каффы (1475) турки пытались заградить морской приток военных рабов в Египет (до пандемии чумы Черкесия и Крым была основной территорией для мобилизации мамлюков) и, таким образом, сокрушить его господство (хотя еще некоторое время для трафика черкесских рабов в Египет продолжал действовать маршрут через восточные районы Анатолии, зависимые от Каира) (Хотко, 2015: 64). После создания Османской империи работорговля была снова возобновлена, но ситуация быстро менялась. Черноморские колонии итальянцев были захвачены османами. Тысячи людей ежегодно насильственно отправлялись в Османскую империю. Возникла широкая сеть поставщиков – крымских татар и горцев, а также большое количество невольничьих рынков в Северо-Восточном Причерноморье.

Важно то, как указывает С.Х. Хотко, что в период правления Узбек-хана в Золотой Орде (около 1283–1341 гг.) татары (кипчаки) приняли ислам окончательно, а это ставило деятельность купцов по приобретению невольников-татар вне закона (запрещалось превращение мусульман в рабов). Так как в это время Черкесия являлась христианской, то ее население, соответственно, отвечало требованиям работорговли. Кроме того, социальное и культурное состояние страны адыгов также полностью способствовало тому, чтобы стать «рудником» для добычи рабов. Во-первых, у черкесов не сформировалось государство (правитель бы противодействовал оттоку своих подданных, потенциальных налогоплательщиков и воинов). Во-вторых, были слабыми христианские церковные институты. Не хватало не только морального, но и властного авторитета главы Зихской епархии, который мог бы дать максимально негативную оценку такому явлению, как работорговля. В итоге децентрализованная и открытая вторжениям кочевников страна стала постоянным ресурсом рабов. Невозможно не согласиться с С.Х. Хотко, который отмечал: «Перед нами предстает разрозненное общество, отсталая страна, «застрявшая» в эпохе Великого переселения. Мораль находилась на том уровне, при котором считалось приемлемым захватить в плен или рабство своего соотечественника и продать его на чужбину» (Хотко, 2015: 65)

Усиление влияния Османской империи на Западном Кавказе осуществлялось по следующим направлениям: «расширение здесь турецкой торговли; интенсивное мореплавание вдоль кавказских берегов, ничем не ограниченное вплоть до екатерининского времени; целенаправленная деятельность среди горцев турецких эмиссаров; создание поселений (колоний) турок в Батуми, Ахалцихе, Поты, Суджук-Кале, Анапе, где содержались турецкие гарнизоны, и превращение их в центры работорговли» (Cherkasov et al., 2018: 1338).

Согласно Л.Н. Хлудовой и А.А. Цыбульниковой, в XVIII – начале XIX веков самыми крупными невольничьими рынками в регионе были следующие: на Северо-Восточном Кавказе – «Черный рынок» или «Кара базар» (ныне пос. Кочубей Тарумовского района Дагестана), Тарки, Дербент, селение Джар на границе Дагестана с Грузией, Аксай и аул Эндери в Дагестане; на Северо-Западном Кавказе – османские порты и крепости в бухтах Черноморского побережья: Геленджик, Анапа, Еникале (рядом с Керчью), Суджук-Кале (Новороссийск), Сухум-Кале (Сухум), Копыл (Темрюк), Туапсе, Хункала (Тамань) и др. При этом большинство рабов на невольничьих рынках Северо-Восточного Кавказа (и особенно

Дагестана) было из христиан, а на Северо-Западном – из абхазов и черкесов (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 96).

Рабы были одной из основ экономики Порты. Возросший спрос в Османской империи на невольников для собственных хозяйственных и военных нужд, гаремов, а также вывоза в Египет и другие порты Леванта привел к росту цен на рабов и стимулировал широкое распространение в среде горских народов Кавказа промысла охоты на людей с использованием различных приемов и способов их получения исключительно с целью последующей продажи.

Кавказские племена разделились на охотников и добычу. Изначально это определялось местом их проживания – в непроходимых горах или на доступных местах, но со временем это различие исчезло. Горцы сроднились с этим доходным ремеслом, а выгодная и легкая торговля невольниками способствовала развитию хищничества. Стремление получить как можно больше «живого товара» инициировало междоусобицы племен, организацию набегов и похищений с целью захвата пленных. Подобная практика нанесла огромный демографический, экономический и моральный урон Кавказу (Cherkasov et al.: 2018: 1338-1339, 1343). Разумеется, людей воровали не только у кавказских соседей, но и вдоль Кавказской кордонной линии и на русской стороне. Причем практики захвата черкесами людей на русских землях существовали еще задолго до начала Кавказской войны (см.: Cherkasov et al., 2019: 1355-1367).

Под экономическим влиянием турок с Кавказа буквально хлынул поток рабов (представителей кавказских народов), продаваемых на невольничьих рынках Черноморского побережья. Хотя русского «товара» стало в разы меньше, торговля оставалась столь успешной, что купить на Северном Кавказе раба, а позже перевести его в Крым и продать было необычайно выгодно (Расцвет и закат работорговли, 2019). Наибольший масштаб торговля рабами (и особенно рабынями) приобрела на Северном Кавказе в XVIII веке (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 96).

Помимо работорговли, с Кавказа вывозились рабы в качестве дани (черкесы считались подданными крымского хана). Например, французский дипломат на Черноморском побережье Карл Пейссоннель в своем трактате о торговле на Черном море в первой половине XVIII века отмечал: «Торговля рабами в Крыму очень значительна: продают рабов четырех различных народностей – черкесов, грузин, калмыков и абазов... Черкесы платят татарскому хану дань в виде определенного количества рабов, которых этот князь не только отправляет в Константинополь великому султану и чиновникам Порты, но которых он дарит также своим приближенным...» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 187-188). Нередко отец сам продавал своих детей: иногда и для того, чтобы не украли их у него соседи, в особенности этого стоило опасаться, если его дети статны и красивы (Cherkasov et al., 2018: 1341). В особо тяжкие и неурожайные годы, когда не было иного выхода, родители продавали своих детей (чтобы избавить их от голодной смерти), в особенности дочерей, работорговцам (Возгин, 2018: 9).

«Крымские купцы ездят в Черкесию, Грузию, к калмыкам и абхамам для покупки рабов на свой товар и отвозят их в Каффу для продажи, – продолжал К. Пейссоннель. – Оттуда их развозят по всем городам Крыма. Купцы Константинополя и других мест Анатолии и Румелии приезжают за ними в Каффу. Хан покупает ежегодно большое количество, независимо от того, сколько получает от черкесов; он сохраняет за собой право выбора, и, когда прибывает партия рабов, никто не имеет права покупки до тех пор, пока хан не сделает свой выбор. Рабы представляют из себя товар, стоимость которого невозможно установить; рабы встречаются всех возрастов – от детских лет до престарелого возраста; различные обязанности, к которым их предназначают, пол, красота, возраст, изящество, способности, сила, здоровье, удальство – все это определяет их цену; стоимость колеблется от 60 до 5000–6000 пиастров» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 187-189). Следует иметь в виду, что в середине XVIII века один турецкий пиастр приравнивался примерно к 75 копейкам. В перерасчете – это от 45 до 3750–4500 рублей серебром. Для сравнения, капитан русской армии в то время получал 300 рублей в год (Cherkasov et al.: 2018: 1341).

Кавказские девушки представляли «специальный экспортный товар» в страны Востока. Их красота признавалась на протяжении веков практически всеми путешественниками и исследователями Кавказа (обширный материал высказываний о

черкешенках и описаний русских, европейских и восточных авторов, восхищенных их изяществом и грацией, собрали адыгейские ученые (см.: Сукунов, Сукунова, 1992).

Рис. 1. «Черкешенки в изображении европейских авторов XVIII–XIX вв.»
(Сукунов, Сукунова, 1992 – online: kavkaz-history.ru/sukunov-h-h-sukunova-i-h-cherkeshenka/34/)

Уже в начале XVI века генуэзский путешественник Джорджио Интериано о внешности черкесов и их женщинах писал: «В большинстве случаев они красивы и хорошо сложены и своим внешним видом вызывают восхищение у мамелюков в Каире. То же самое можно сказать и об их женщинах, которые совершенно не стоняются мужчин» (Кавказ..., 2010: 28). В отношении черкешенок католический миссионер Имиддио Дортели д'Асколи в 1630-х годах заметил, что «они самые красивые женщины в мире» (Кавказ..., 2010: 46). В принципе, то же самое повторил в начале XIX века Генрих-Юлиус Клапрот: «Их женщины самые красивые на Кавказе» (Клапрот, 2008: 219).

Рис. 2. «Черкешенки»

(слева: <https://topwar.ru/153925-rasvet-i-zakat-rabotorgovli-na-chernomorskom-poberezhe-kavkaza-chast-1.html> ; справа: Швейгер-Лерхенфельд, 1885: 17)

Подробнее описал черкешенок немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий в середине XVII века: «Женщины у них обыкновенно хорошо сложены, миловидны лицом, белотелы и краснощеки; волосы черные, как смоль, в двух длинных крученых локонах свисают с обеих сторон; ходят они с открытыми лицами» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 83-84). Француз К. Пейссоннель в первой половине XVIII века отметил: «Женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают. Черкешенские женщины являются единственными, которые разделяют ложе турецкого султана и татарских князей; крымская знать держит в качестве наложниц только черкешенок» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 187-188). По словам других путешественников, «слава об их красоте так хорошо распространилась, что на трапезонтском и константинопольском базарах за черкешенку почти всегда вдвое, иногда втрое больше платят, чем за женщину, красота которой, при первом взгляде, показалась бы нам равною с первой и даже превосходящею» (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 96).

Наконец австрийский журналист, писатель и путешественник Аманд Фрайхер фон Швейгер-Лерхенфельд в 1880-х годах в своей книге, посвященной женщинам всего мира (тогдашний европейский бестселлер), описал горянок следующим образом: «Внешнее физическое преимущество, отличающее черкесов, особенно выразилось в их женщинах. Они славились издавна своею замечательной красотой». Черкешенская девушка, по словам автора, – «идеал женской прелести»: «По большей части черкешенки невелики ростом и очень нежного сложения; они черноволосы, с блестящими, выразительными черными глазами; каждое их движение исполнено живости и неподражаемой грации. Цвет лица нежнее и белее, чем у других кавказских женщин, и так как у них не везде в обычае закрывать лица, то путешественник чаще, чем он смел бы надеяться, может увидеть эти прелестные, изящные создания» (Швейгер-Лерхенфельд, 1885: 21-22).

Довольно много черкешенок продавалось работорговцами не в соседние аулы, а доставлялось на Черноморское побережье для продажи османам, так как это гарантировало большую финансовую выгоду (стоимость была значительно более высокой,

чем внутри региона). Цена невольника зависела от возраста, телосложения, красоты – особенно рабынь. Самый дорогостоящий «живой товар» – красивых кавказских девушек – обычно осматривали достаточно деликатно. При покупке особо оценивались глаза, талия, рост, ноги, руки, волосы (Хлудова, Цыбулькинова, 2016: 96-97). Для работорговца-турка большое значение играла невинность приобретаемой рабыни. «Так, если девушка еще не потеряла целомудрие, то ее цена вырастала в несколько раз» (Цыбулькинова, 2010: 283). В итоге в Турцию продавались лучшие девушки – цвет черкесской нации. Черкешенки здесь ценились чрезвычайно высоко.

Невольничьи рынки и процесс торга выглядели на Северо-Западном Кавказе, как правило, следующим образом: «Рабов доставляли на Черноморское побережье, где их уже ждали турецкие купцы, проживая неделями в каменных полуземлянках и хижинах. Когда сделка была заключена, в такую же полуземлянку закрывали купленный «товар», который, как и купец, неделями ждал окончания торга и погрузки на корабль. После того как набиралось достаточное количество невольников, их загоняли на каики – весельные, реже парусные суда – и отправляли в Константинополь, а потом в Египет и в Левант. После начала борьбы Российской империи с рабством на этих берегах суда турки прятали в устьях рек, а порой и вовсе заволакивали на сотни метров вглубь суши» (Расцвет и закат работорговли, 2019; Хлудова, Цыбулькинова, 2016: 96-97).

И. Мамедов обращает внимание на тот факт, что черкешенками назывались все невольницы, привезенные в столицу Османского государства, хотя они принадлежали к разным этносам, заселявшим Кавказ, и их соседям. Среди них были и мусульманки, хотя законами шариата запрещалось превращение мусульман в рабов или невольниц. Но как раз невольницы-красавицы из некоторых мест Кавказа, по той или иной причине оказавшиеся в гаремах Порты, составляли исключение. «В XIX веке самыми распространенными были невольницы из народностей убыхи, шапсуги, убыхахи, кабартай, беслинай, абхазы и многие другие. Среди них самыми известными и желанными были невольницы убыхи, шапсуги и абызахи. По своим физическим данным и по характеру они отличались от невольниц других народностей и считались более ценными» (Мамедов, 2010: 97).

Рабство на магометанском Востоке сильно отличалось от Нового Света (см. Smigel, Cherkasov, 2016: 1193-1194): статус раба регулировался законом, рабы имели возможность получить свободу, раб богатого хозяина мог иметь существенную привилегию, высокое социальное положение и др. Поэтому многие черкесские родители предпочитали продавать своих дочерей, «чем отдавать замуж даже за богатых соотечественников: они считали, что там им будет лучше, в гареме у мусульманина, который не только платит крупную сумму за красивую супругу, но и относится к ней с большой благожелательностью. Таким образом, им гарантирована жизнь в роскоши и в статусе, ни в коем случае не унижительном» (Возгин, 2018: 10).

Иначе говоря, рабство при турках стало столь распространенным промыслом, что считалось даже неким «социально-культурным лифтом» – изменением социального и имущественного статуса. Некоторые черкесы смело продавали османам собственных детей, надеясь на их лучшее будущее. Мальчики после продажи часто шли в войска, родители же их надеялись, что со временем в османской армии они достигнут высоких постов. Девушки попадали в гарем. В этом случае их родители рассчитывали, что своей красотой и умением специфического порядка они добьются расположения к себе влиятельного владельца гарема. Их родственники (в основном знатные черкесы) даже перебирались в Порту, отстраивая себе на турецком побережье дома, часто со временем становящиеся филиалами работорговли (Расцвет и закат работорговли, 2019). Следует отметить, что и кавказские мамлюки на Ближнем Востоке предпочитали покупать себе жен-пленниц со своей родины (см.: Хотко, 1993). Женитьба на черкешенке в то время стало модным явлением среди знатных пашей Ближнего Востока, не жалевших денег на их образование и воспитание (Сибгатуллина, 2020: 235).

Необходимо подчеркнуть, что сами кавказские девушки в большинстве своем не были против продажи в Османскую империю в качестве невольницы (Цыбулькинова, 2010: 281). Вероятность быть проданными в Турцию, Египет, арабские страны казалась

дочерям бедствующих кавказских семей одним из возможных путей спасения от нищеты, ожидавшей их после замужества у себя на родине (Сибгатуллина, 2020: 235). Джон

Август Лонгворт – корреспондент лондонской газеты «Таймс», побывавший в 1837–1839 гг. в Черкесии, подметил: «Если девушек продают работорговцу, это обычно бывает по их собственному согласию и исходя из их честолюбивых намерений, поскольку у них есть перспектива выгодно устроиться в лучших турецких гаремах» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 570). По этому вопросу А.Ф. фон Швейгер-Лерхенфельд подмечает: «Черкешенки, проданные в рабство, не особенно жалеют о своей участи. Подобно грузинкам, они считают это избавлением от невыносимо тяжелых условий своей жизни на родине...». Далее автор конкретизирует свое наблюдение: «Но как ни прекрасна черкешенка, жизнь ее в семейном кругу очень печальна. Поэтому обыкновенное назначение ее украшать гарем какого-нибудь турецкого вельможи совсем не так жалко, как можно полагать. Для черкеса жена не что иное, как служанка, которая всегда должна исполнять его волю; на ней лежат все домашние работы, а также забота о его вооружении. Эта жизнь, при всем внешнем блеске, в котором оба пола не отстают друг от друга, заставляет черкешенку проводить все время в жалкой мазанке, или в так называемом доме, состоящем из плетня, обмазанного глиной. Обращение мужей с женами также далеко не рыцарское». Кавказские женщины «не знают личной свободы и собственной воли» (Швейгер-Лерхенфельд, 1885: 22, 23-24, 27). «Можно заметить, что женщина у черкесов, как и у всех народов, славу которых составляют грабежи, находится в полном подчинении у мужа и является скорее его рабыней, нежели подругой», – подтверждал и французский пилигрим Фредерик Дюбуа де Монпере в 1830-х годах (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 444).

Причем позитивное отношение к возможности попасть наложницей в турецкий гарем формировалось у черкешенок с младенчества. Немецкий путешественник Мориц Вагнер в 1840-х годах отметил, что черкесским девушкам, «чтобы смягчить бесчеловечность этой насильственной разлуки с их родными, уже с самого детства рассказывают много о пышности и роскошной жизни в турецких гаремах, оттого они покидают обычно без большого горя свои суровые горы и бесчеловечных родителей» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 629-630). Француз Ф. Дюбуа де Монпере тоже отмечал, что «молодая девушка не всегда смотрит на этот варварский акт отца под таким углом зрения: если она красива, она надеется суметь получить место в гареме в Турции. Подобные романтические мысли ее успокаивают...» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 445). В то же время не все горянки с одобрением и смирением относились к факту своей продажи на чужбину в гарем: были случаи побегов (Цыбульникова, 2010: 281).

По словам А.Ф. фон Швейгер-Лерхенфельда, «не все черкешенки достигают блестящей цели, о которой мечтают с самой юности. Некоторые, конечно, не только проникают в гаремы высочайших вельмож, но делаются кадинами или подругами султана. Другие, достигая власти и влияния, становятся супругами высокопоставленных турецких сановников. Случается, что подобная невольница несколько раз меняет повелителя, прежде чем достигнет желанного могущества, между тем как другие бесследно теряются в гареме. Понятно, что красота черкешенок не может не возбуждать ревности законных обитательниц гарема, и невольницам приходится часто много страдать от различного рода интриг. Иногда они терпят даже грубое обхождение, и многие кавказские девушки, мечтавшие в юности захватить в сети свои самого султана, рано отцветают, хиреют и умирают в чахотке, которой подвергаются часто жительницы гор, когда им приходится переселяться в жаркие страны Египта или Туниса» (Швейгер-Лерхенфельд, 1885: 26-27).

Вопрос о количестве вывозимых с Кавказа рабов до сих пор остается открытым. Приводимые данные существенно отличаются, да и не могут соотноситься по времени и территориально. До принятия Грузии в состав России ежегодная численность рабов, продаваемых туркам в портах восточного побережья Черного моря, оценивается в 3 тыс. Согласно российским источникам, в XIX веке ежегодно из Черкесии вывозилось до 4 тыс. человек – невольников обоого пола (Цыбульникова, 2010: 280; Шамиль, 1953: 127). Вывозили невольников также абхазы, мингрельцы, гурийцы и др. Вероятно, что только в мирное время (то есть без учета пленников, захваченных в набегах) на Черноморском побережье могло продаваться от 10 до 12 тыс. человек в год (Cherkasov et al., 2018: 1341). Таким образом, в процессе работорговли народы Кавказа лишались в первую очередь самых лучших (крепких, здоровых, красивых) представителей молодого поколения. По подсчетам А.А. Цыбульниковой, среди пленных доминировали дети до 12 лет и женщины (Великая,

2011: 39 – цит. Цыбульникова, 2011: 319). Безусловно, далеко не все кавказские красавицы продавались на Восток. Печален был удел большинства из тех женщин, кто оставался в качестве рабынь на Кавказе (см.: Клычников, Цыбульникова, 2011: 48-49).

С начала XIX века (период заката работорговли на кавказском побережье Черного моря) российское правительство предпринимает шаги для пресечения работорговли на Кавказе. В 1804 году оно обнародовало постановление, категорически запрещавшее работорговлю на Черноморском побережье, а также на других невольничьих рынках Центрального и Северо-Восточного Кавказа (см.: Великая, 2011: 37-42). Предпринятые меры значительно сократили, но окончательно не ликвидировали это явление (История народов..., 1988: 78-79). С 1830-х гг. объемы работорговли на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа стали постепенно снижаться. Связано это было с тем, что по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. Закубанье отошло к России и вывоз пленников турецкими купцами стал пресекаться российским военным флотом (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 97).

На протяжении всей Кавказской войны работорговля продолжалась контрабандно. Однако были и другие варианты доставки «живого товара». Так, имеются данные о том, что джигеты доставляли рабов на невольничьи рынки официально под предлогом паломничества мусульман в Мекку (Documents and materials, 2016: 119). Стараясь обойти российское законодательство во второй половине XIX века, работорговцы, чтобы придать своей деятельности легальный вид, даже стали доставлять девушек из Черкесии под видом своих супруг (Хотко, 2001: 248). По свидетельству Морица Вагнера, «торговля черкесскими девушками производится все еще в том же объеме, но требует теперь большей осторожности, чем раньше, и ограничивается исключительно месяцами морских бурь, с октября по март, когда русские крейсера удаляются от берегов, лишенных гаваней. В Синопе и в Самсуне вид этих маленьких хрупких кораблей, на которых турецкие работорговцы отваживаются пускаться в опасный путь в самое худшее время года, приводит в изумление... Каждый корабль набит 30–40 девушками, которые, как сельди в бочке, посажены друг на друга, с большой покорностью подчиняются мученьям этого морского путешествия, которое они надеются скоро переменить на медовую жизнь в хваленном городе султана» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974: 629-630). Высокая рентабельность северокавказской работорговли привлекала турецких торговцев и провоцировала их идти на риск (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 97). После того как с 1830-х гг. вывоз невольников с Черноморского побережья стал пресекаться российскими военными судами, стоимость пленниц внутри Кавказа заметно упала, но в Турции выросла. Сложившуюся ситуацию зафиксировал английский путешественник Эдмонд Спенсер: «В настоящее время, вследствие ограниченной торговли между жителями Кавказа и их старыми друзьями, турками и персами, цена женщин значительно упала». Спенсер заметил, что пока кавказские работорговцы такое положение «с отчаянием оплакивают», бедные черкесы радуются; «они могут теперь получить жену на очень легких условиях – ценность прекрасного товара падает» (Спенсер, 1994: 99). Если в Черкесии в XIX в. за девушку или женщину платили турецкие купцы от 200 до 800 руб. серебром, то после прибытия в Турцию их перепродавали за 1500 руб. серебром и выше (Клычников, 2004: 54).

Российский разведчик барон Федор Федорович Торнау в 1830-х годах писал, что торговля кавказскими женщинами «для турецких купцов составляла источник самого скорого обогащения. Поэтому они занимались этою торговлей, пренебрегая опасностью, угрожавшею им со стороны русских крейсеров. В три или четыре рейса турок, при некотором счастье, делался богатым человеком и мог спокойно доживать свой век; зато надо было видеть их жадность на этот живой, красивый товар» (Торнау, 2000: 180).

Действия российских кораблей Черноморского флота (ударной силы борьбы с рабством) против турецких контрабандистов отличались эффективностью. За время морского патрулирования побережья Северо-Западного Кавказа российской эскадрой были захвачены десятки судов, занимавшихся незаконной торговлей, работорговлей и поставками оружия горцам (Хлудова, Цыбульникова, 2016: 98; Золотарев, Козлов, 1988: 53-54; Cherkasov et al., 2017: 851-864).

Последним штрихом рабства и работорговли на прибрежных территориях Черкесии стало мухаджирство – массовое переселение черкесов в Османскую Турцию,

кульминирующее в 1860-е годы. Одной из причин мухаджирской трагедии стало нежелание горцев отказаться от своих рабов и работорговли¹. Например, как свидетельствуют российские источники, к переселению джигетов «в Турцию побудило объявление» российских властей, «что у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию, в Турции же, хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание» (*Материалы по истории Абхазии, 2012: 196*). В свое время В.М. Покровский отметил: «...Переселение горских народов в Турцию вызвало настоящий ажиотаж по линии гаремных поставок живого товара со стороны турецких купцов. Не удовлетворяясь закупкой девушек и женщин в прибрежных пунктах, турецкие работорговцы проникали в самые отдаленные места и там выискивали особенно ценный «товар», ведя вместе с тем агитацию за переселение в Турцию». По переселению на территорию Османской империи большинство из горцев оказалось в крайне тяжелом положении, что вынуждало их продавать своих детей, жен и сестер (*Цыбулькинова, 2010: 287*).

Черкесские переселенцы размещались частично на территории Анатолии, но преимущественно на Балканском полуострове – в европейской части Османской империи, главным образом – в Болгарии. Согласно некоторым источникам, в течение 1857–1877 гг. переселилось около 1,5 млн человек из региона Западного Кавказа. Тем не менее рабство в Турции сохранялось недолго. Уже в 1876 году, в период правления султана Абдулазиза (1861–1876 гг.), турецкое правительство законодательно отменило работорговлю и рабство в Османской империи. Еще какое-то время оно фактически продолжало существовать. Особенно много рабов привезли черкесы в Болгарию (около 150 тыс.). «Черкесы-рабовладельцы, упорно сопротивляясь законам об отмене рабства, тысячами продавали своих невольников в периферийные районы империи (Бейрут, Месопотамию), так как в метрополии оно уже преследовалось. Лишь после освобождения Болгарии, с 1879 г., рабство здесь было искоренено. То же самое произошло и в Румынии, ставшей независимой годом раньше» (*Возгин, 2018: 13*). Остатки рабства в османских владениях окончательно исчезли лишь в начале XX века – в результате младотурецкой революции 1908 г. В итоге оно закончилось только после вступления некоторых держав в Лигу Наций после 1920 года (Турция, Иран и др.) (*Křížová, 2013: 217*).

4. Заключение

Работорговля на Кавказе, возникшая еще в период античности, в последующие века набрала интенсивный оборот, а под влиянием Османской Турции достигла своего апогея. Помимо ряда внешних факторов, внутренними причинами были отличительные особенности жизни и быта горских народов, их социальной организации и традиций, специфического отношения к человеческой личности и др. Экстенсивный характер экономики адыгов (земледелие и скотоводство) не могли удовлетворять все жизненные потребности местного населения. Недостаток жизненных ресурсов восполнялся набеговой деятельностью и работорговлей, играющими важную роль в системе жизнеобеспечения горцев. С XIII века черкесы адаптировали механизмы черноморской работорговли и были втянуты в рынки международной черноморско-средиземноморской работорговли «латинского» (венециано-генуэзского) периода. В оживленной торговле рабами между черкесами и итальянскими факториями значимая их часть была ориентирована на пополнение военными рабами армии сирийско-египетского Султаната мамлюков, а другая часть (со значительной долей девочек-подростков и молодых женщин) – удовлетворение спроса Западной Европы. Экспорт черкесских рабов представлял собой масштабный исторический и демографический процесс, имевший воздействие на демографическо-культурное развитие Черкесии также и в последующий «турецкий» период.

После падения Византии и возросшего влияния Османской империи в регионе с Кавказа буквально хлынул поток рабов, продаваемых на невольничьих рынках Черноморского побережья. Западный Кавказ стал «рудником» для добычи рабов, постоянным ресурсом работорговли. Ее рост был обусловлен возросшим спросом на «живой товар» на внешних рынках, в первую очередь турецком. Спрос привел к повышению цен на

¹ Дело в том, что в 1861 г. в России была отменена крепостная зависимость.

рабов и стимулировал на Кавказе развитие промысла набегов и похищений людей с использованием различных приемов и способов их получения исключительно с целью последующей продажи. Наибольший масштаб торговля рабами (и особенно рабынями) приобрела на Северном Кавказе в XVIII веке. Кавказские девушки представляли «специальный экспортный товар» в страны Востока. Черкешенки здесь ценились чрезвычайно высоко, в Турцию продавались лучшие девушки – цвет черкесской нации. Как ни парадоксально, но многие кавказские женщины вполне лояльно и со смирением относились к вероятности быть проданными в рабство. *Наложничество* при турках стало столь распространенным промыслом, что считалось даже неким «социально-культурным лифтом», путем спасения от нищеты, избавлением от невыносимо тяжелых условий жизни на родине.

Работорговля на Кавказе имела для горских обществ самые негативные последствия, особенно с точки зрения вывоза лучших по своим качествам мужчин, женщин, а также детей. Стремление получить как можно больше «живого товара» инициировало междоусобицы племен, организацию набегов и похищений с целью захвата пленных и их продажи. Несомненно, эта практика нанесла великий демографический, экономический, культурный и моральный урон Кавказу.

Литература

Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (XIII–XIX вв.) / Сост. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

Бахтин, 2012 – Бахтин А.Г. Плен и рабство в период монгольского завоевания и в Золотой Орде по восточным источникам // *Вестник Марийского государственного университета*. 2012. № 10. С. 31-38.

Великая, 2011 – Великая Е.В. Борьба российской администрации с работорговлей на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. Вып. 10. С. 37-42.

Возгрин, 2011 – Возгрин В.Е. Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье – Новое время) // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: История*. 2011. № 3. С. 90-100.

Дзуганов, 2015 – Дзуганов Т.А. Особенности и характер черкесской работорговли в XIII–XV вв. // *Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX вв.: направления и динамика интеграционных процессов*. Сборник научных статей. Нальчик, 2015. С. 16-28.

Дударев, 2018 – Дударев С.Л. Экономическое состояние горцев Северного Кавказа глазами европейских авторов XVIII в. // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2018. № 2. Т. 1. С. 84-93.

Еманов, 1995 – Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.

Золотарев, Козлов, 1988 – Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988.

История народов..., 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

Кавказ..., 2010 – Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Вып. III. Нальчик, 2010.

Карпов, 1982 – Карпов С.П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV в.) // *Византийские очерки*. М., 1982. С. 191-207.

Клапрот, 2008 – Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

Клычников, 2004 – Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа / Под ред. проф. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2004.

Клычников, Цыбулькинова, 2011 – Клычников А.Ю., Цыбулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с пред. Б.В. Виноградова. Пятигорск, 2011.

Мамедов, 2010 – Мамедов И.Д. Источники пополнения гарема османских султанов // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2010. № 2. С. 96-100.

[Материалы по истории Абхазии, 2012](#) – Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухум, 2012.

[Расцвет и закат работорговли, 2019](#) – Расцвет и закат работорговли на Черноморском побережье Кавказа. Часть 1 // *Военное обозрение*, 13. 2. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/153925-rascvet-i-zakat-rabotorgovli-na-chernomorskom-poberezhe-kavkaza-chast-1.html>

[Сибгатуллина, 2020](#) – *Сибгатуллина А.Т.* «Черкешенки» турецкой литературы // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. 2 (12). С. 232-245.

[Спенсер, 1994](#) – *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию / Пер. Н. Нефляшевой. Майкоп, 1994.

[Сукунов, Сукунова, 1992](#) – *Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х.* Черкешенка. Майкоп, 1992.

[Торнау, 2000](#) – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2000.

[Хлудова, Цыбулькикова, 2016](#) – *Хлудова Л.Н., Цыбулькикова А.А.* Торговля невольницами на черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в. // *Историческая и социально-образовательная мысль (Краснодар)*. 2016. Том 8. № 3. Ч. 2. С. 95-100.

[Хотко, 1993](#) – *Хотко С.Х.* Черкесские мамлюки. Майкоп, 1993.

[Хотко, 2001](#) – *Хотко С.Х.* Очерки истории черкесов. СПб, 2001.

[Хотко, 2015](#) – *Хотко С.Х.* Геополитические и этнокультурные причины вовлечения населения Северного Причерноморья в мобилизационную систему египетских мамлюков. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение*. 2015. Вып. 4 (167). С. 61-67.

[Хотко, 2016](#) – *Хотко С.Х.* Черкесские рабы в западном Средиземноморье (последняя треть XIII–XV вв.) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение*. 2016. Вып. 1 (174). С. 60-71.

[Цыбулькикова, 2010](#) – *Цыбулькикова А.А.* Турецкие работорговцы в процессах северокавказского плена и продажи: вывоз кавказских и российских пленниц на восток в XIX веке // *Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Сост. А.А. Цыбулькикова. Армавир, 2010. С. 279-290.*

[Цыбулькикова, 2011](#) – *Цыбулькикова А.А.* Половозрастные признаки российских пленников на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // *Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – III*. Пятигорск, 2011.

[Шамиль, 1953](#) – *Шамиль* – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.

[Швейгер-Лерхенфельд, 1885](#) – *Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. фон.* Женщина. Ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. 2 изд. СПб, 1885.

[Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The List of Captives from the Turkish Vessel *Belifte* as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century // *Annales Ser. hist. sociol.* 2017. 27 (4). Pp. 851-864.

[Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Šmigel' M., Bratanovskii S.N.* Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4. Pp. 1334-1346.

[Cherkasov et al., 2019](#) – *Cherkasov A., Koroleva L., Bratanovskii S., Šmigel' M.* The Escape from Circassia on the Eve of the Caucasian War // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2019. Vol. 64. Is. 4. Pp. 1355-1367.

[Documents and materials, 2016](#) – Documents and materials on the History of Jigetiá Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials). Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016.

[Křížová, 2013](#) – *Křížová M.* Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha, 2013.

[Quirini-Popławska, 1998](#) – *Quirini-Popławska D.* Niektóre aspekty niewolnictwa w Republice Weneckiej XIV i XV wieku // *Niewolnictwo i niewolnicy w Europie od starożytności po czasy nowożytne*. Kraków, 1998. Pp. 155-172.

Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel M., Cherkasov A.A. The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1182-1197.

Vozgrin, 2018 – Vozgrin V.E. The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 4-17. DOI: 10.13187/slave.2018.1.4

References

Adygi, balkartsy i karachaevtsy, 1974 – Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropejskikh avtorov XIII-XIX vv. [Adyghe, Balkars and Karachai in proceedings of European authors (XIII–XIX centuries)]. Ed. V.K. Gardanova. Nalchik, 1974. [in Russian]

Bakhtin, 2012 – Bakhtin, A.G. (2012). Plen i rabstvo v period mongolskogo zavoevaniya i v Zolotoy Orde po vostochnykh istochnikam [Captivity and Slavery during the Mongolian Conquest and the Golden Horde based on oriental sources]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10: 31-38. [in Russian]

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century. *Annales Ser. hist. sociol.* 27(4): 851-864.

Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel', M., Bratanovskii, S.N. (2018). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1334–1346.

Cherkasov et al., 2019 – Cherkasov, A., Koroleva, L., Bratanovskii, S., Šmigel', M. (2019). The Escape from Circassia on the Eve of the Caucasian War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 64(4): 1355-1367.

Documents and materials, 2016 – Documents and materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials). Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016.

Dudarev, 2018 – Dudarev, S.L. (2018). Ekonimicheskoe sostoyanie gortsev Severnogo Kavkaza glazami evropejskikh avtorov XVIII v. [Economic situation of mountaineers in the North Caucasus in the eyes of European authors of the XVIII century]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2(1): 84-93. [in Russian]

Dzukanov, 2015 – Dzukanov, T.A. (2015). Osobennosti i kharakter cherkesskoi rabotorgovli v XIII–XV vv. [The features and nature of the Circassian slave trade in the XIII–XV centuries]. *Sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX vv.: napravleniya i dinamika integratsionnykh protsessov. Sbornik nauchnykh statey*. Nalchik. Pp. 16-28. [in Russian]

Emanov, 1995 – Emanov, A.G. (1995). Sever i Yug v istorii komertsii na materialakh Kafy XIII – XV vv. [North and South in the history of commerce based on the materials of Kafa of the XIII–XV centuries]. Tyumen. [in Russian]

Istoriya narodov, 1988 – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century – 1917)]. Moscow, 1988. [in Russian]

Karpov, 1982 – Karpov, S.P. (1982). Venetsianskaya rabotorgovlya v Trapezunde (konets XIV – nachalo XV v.) [Venetian slave trade in Trapezund (late XIV – early XV century)]. *Vizantiiskie ocherki*. Moscow. Pp. 191-207. [in Russian]

Kavkaz..., 2010 – Kavkaz: evropeiskie dnevniki XIII–XVIII vekov [Caucasus: European diaries of the XIII–XVIII centuries]. Ed. V. Atalikov. Vol. III. Nalchik, 2010. [in Russian]

Khudova, Tsybulnikova, 2016 – Khudova, L.N., Tsybulnikova, A.A. (2016). Torgovlia nevolnitsami na chernomorskom poberezhie Severo-Zapadnogo Kavkaza v zhivotopisnykh i pismennykh istochnikakh XIX v. [Slaves trade at the Black Sea coast of the North-West Caucasus in the picturesque and written sources of 19th century]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl (Krasnodar)*. T. 8. No. 3. Part 2. Pp. 95-100. [in Russian]

Khotko, 1993 – Khotko, S.Kh. (1993). Cherkesskie mamliuki [Circassian Mamluks]. Maykop. [in Russian]

Khotko, 2001 – Khotko, S.Kh. (2001). Ocherki istorii cherkessov [Essays on the history of the Circassians]. St. Petersburg. [in Russian]

Khotko, 2015 – *Khotko, S.Kh.* (2015). Geopoliticheskie i etnokulturnye prichiny vovlecheniya naseleniya Severnogo Prichernomoriya v mobilizatsionnyuyu sistemu egipetskikh mamlyukov [Geopolitical and ethnocultural reasons for involvement of the Northern Black sea coast's population in the Egyptian Mamluk mobilization system]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya I: Regionovedenie.* 4(167): 61-67. [in Russian]

Khotko, 2016 – *Khotko, S.Kh.* (2016). Cherkeskie raby v zapadnom Sredizemnomorie (posledniaya tret XIII – XV vv.) [The Circassian slaves in the Western Mediterranean (the last third of the XIII – XV centuries)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya I: Regionovedenie.* 1(174): 60-71. [in Russian]

Klaprot, 2008 – *Klaprot, Yu.* (2008). Opisaniye poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godach [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. Nalchik. [in Russian]

Klychnikov, 2004 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2004). Ocherki istorii proshlogo narodov Severnogo Kavkaza [Essays on the history of the past of the peoples of the North Caucasus]. Ed. prof. V.A. Kaznacheeva. Pyatigorsk. [in Russian]

Klychnikov, Tsybulnikova, 2011 – *Klychnikov, Yu.Yu., Tsybulnikova, A.A.* (2011). «Tak buinuyu volnost zakony tesnyat...»: borba rossiiskoi gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ["So violent freedom of laws are being squeezed...": the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays)]. Ed. and with the pref. V.B. Vinogradov. Pyatigorsk. [in Russian]

Křížová, 2013 – *Křížová, M.* (2013). Otrocství v Novém světě od 15. do 19. století. Praha.

Mamedov, 2010 – *Mamedov, I.D.* (2010). Istochniki popolnenia garema osmanskikh sultanov [Sources of replenishment of the Harem of the Ottoman Sultans]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Istorii i politicheskie nauki.* 2: 96-100. [in Russian]

Materialy po istorii Abkhazii, 2012 – *Materialy po istorii Abkhazii XIX v. (1863–1874 gg.)* [The materials on the history of Abkhazia in XIX century (1863–1874)]. Sukhumi, 2012. [in Russian]

Quirini-Popławska, 1998 – *Quirini-Popławska, D.* (1998). Niektóre aspekty niewolnictwa w Republice Weneckiej XIV i XV wieku. In: *Niewolnictwo i niewolnicy w Europie od starożytności po czasy nowożytne.* Kraków. Pp. 155–172.

Rastsvet i zakat rabotorgovli, 2019 – *Rastsvet i zakat rabotorgovli na Chernomorskom poberezhie Kavkaza. Chast 1* [The rise and fall of the slave trade on the Black Sea coast of the Caucasus. Part 1]. *Voennoe obozrenie*, 13. 2. 2019. [Electronic resource]. URL: <https://topwar.ru/153925-rastsvet-i-zakat-rabotorgovli-na-chernomorskom-poberezhie-kavkaza-chast-1.html> [in Russian]

Schweiger-Lerchenfeld, 1885 – *Schweiger-Lerchenfeld, A.F. von.* (1885). Zhenshchina. Ee zhizn, nray i obshchestvennoe polozhenie u vsekh narodov zemnogo shara [Woman. Her life, morals and social status among all peoples of the world]. 2nd ed. St. Petersburg. [in Russian]

Shamil, 1953 – *Shamil* – stavlennik sultanskoy Turtsii i angliyskikh kolonizatorov. Sbornik dokumentalnykh materialov. [Shamil – a protegee of sultan Turkey and British colonialists. Collection of documentary materials]. Ed. Sh.V. Tsagareishvili. Tbilisi, 1953. [in Russian]

Sibgatullina, 2020 – *Sibgatullina, A.T.* (2020). «Cherkeshenki» turetskoy literatury [“Circassian girls” of Turkish literature]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2(12): 232-245. [in Russian]

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel, M., Cherkasov, A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody.* 42(4): 1182-1197.

Spencer, 1994 – *Spencer, E.* (1994). Puteshestviya v Cherkesiyu. [Travel to Circassia]. Translat. N. Nefliasheva. Maykop. [in Russian]

Sukunov, Sukunova, 1992 – *Sukunov, Kh.Kh., Sukunova, I.Kh.* (1992). Cherkeshenka [A Circassian woman]. Maykop. [in Russian]

Tornau, 2000 – *Tornau, F.F.* (2000). Vospominaniya kavkazskogo oficera [Memoirs of a Caucasian officer]. Moscow. [in Russian]

Tsybulnikova, 2010 – *Tsybulnikova, A.A.* (2010). Turetskie rabotorgovtsy v protsessakh severokavkazskogo plenoprodavstva: vyvoz kavkazskikh i rossiyskikh plennits na vostok v XIX veke [Turkish slave traders in the processes of the North Caucasian captivity and sales: the export of Caucasian and Russian captives to the east in the 19th century]. Zhenshchiny v istorii:

nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ed. A.A. Tsybulnikova. Armavir. Pp. 279-290. [in Russian]

Tsybulnikova, 2011 – *Tsybulnikova, A.A.* (2011). Polovozpastnye priznaki rossiyskikh plennykh na Severnom Kavkaze v pervoy polovine XIX v. [Age and sex characteristics of Russian prisoners in the North Caucasus in the first half of the XIX century]. *Rossiyskaya gosudarstvennost v sudbakh narodov Severnogo Kavkaza*. Pyatigorsk. [in Russian]

Velikaya, 2011 – *Velikaya, E.V.* (2011). Borba Rossiyskoy administratsii s rabotorgovley na Severo-vostochnom Kavkaze v pervoy polovine 19 veka [Struggle of the Russian administration against slave-trade in the north east Caucasus in the first half of the 19th century]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh nssledovaniy*. 10: 37-42. [in Russian]

Vozgrin, 2011 – *Vozgrin, V.E.* (2011). Rabstvo v stranakh Chernogo morya (pozdnee Srednevekov'e – Novoe vremya) [Slavery in the Black Sea countries (later Medieval – New time)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 3: 90–100. [in Russian]

Vozgrin, 2018 – *Vozgrin, V.E.* (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 4-17. DOI: 10.13187/slave.2018.1.4

Zolotarev, Kozlov, 1988 – *Zolotarev, V.A., Kozlov, I.A.* (1988). Rossiyskiy voennyi flot na Chernom more i v vostochnom Sredizemnomorie [The Russian navy in the Black Sea and in the Eastern Mediterranean]. Moscow. [in Russian]

Метаморфозы черкесской работорговли (XIII–XIX вв.): аспекты женского «живого товара»

Михал Шмигель^{a, *}

^a Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть метаморфозные проявления черкесской работорговли в XIII–XIX веках, сосредоточиваясь в основном на женском «живом товаре». Кавказские девушки, а главным образом черкешенки, представляли специальный экспортный товар в страны (восточного) Средиземноморья. Их красота признавалась на протяжении веков практически всеми путешественниками и исследователями Кавказа, а на невольничьих рынках Ближнего Востока они пользовались большим спросом. В статье рассматриваются вопросы, с каких пор и в какой степени черкесы принимали участие в этой работорговле, что вело к практикам такого ремесла, как оно воспринималось самими объектами работорговли и каковы были последствия. Актуальность исследования проблематики заключается в том, что оно сосредоточено на женском элементе работорговли.

Материалами для подготовки статьи послужили российские и европейские исследования в основном Нового и Новейшего времени, опубликованные документы, а также научные публикации современного периода. Важным источником стали материалы личного происхождения: дневники, мемуары и публикации путешественников, разведчиков, эмиссаров – исследователей Кавказа в XVI–XIX веках и периода Кавказской войны (1817–1864). Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также воссоздание явлений в контексте исторического развития обстановки. При рассмотрении избранной проблемы применялся и междисциплинарный подход.

В заключении автор приходит к выводу, что с XIII века черкесы адаптировали механизмы черноморской работорговли и были втянуты в рынки международной черноморско-средиземноморской работорговли. Наибольший масштаб торговля рабами (и особенно рабынями) приобрела на Северном Кавказе в XVIII веке. Рост работорговли был

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель)

обусловлен возросшим спросом на «живой товар» на внешних рынках, в первую очередь турецком. Кавказские девушки представляли «специальный экспортный товар» в страны Востока. Черкешенки здесь ценились чрезвычайно высоко. Как ни парадоксально, но многие кавказские женщины вполне лояльно и со смирением относились к вероятности быть проданными в рабство. *Наложничество* при турках стало столь распространенным промыслом, что считалось даже неким «социально-культурным лифтом», путем спасения от нищеты, избавлением от невыносимо тяжелых условий жизни на родине. Работоторговля на Кавказе имела для горских обществ самые негативные последствия, нанесла великий демографический, экономический, культурный и моральный урон Кавказу.

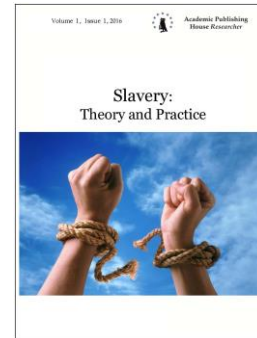
Ключевые слова. Северо-Восточный Кавказ, черкесская работоторговля, быт горских обществ Кавказа, невольничество Ближнего Востока.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 37-49

DOI: 10.13187/slave.2020.1.37
www.ejournal43.com

On the Position of Aul Armavir Residents Personal Dependent People at in the Period before Elimination of the Serfdom Law in Russia

Sergey L. Dudarev ^{a,*}, Sergey N. Ktitorov ^a

^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the situation of various categories of dependent population of the village of Armavir 40-60-ies. XIX century. As well as changes in their situation that occurred after the peasant reform of 1861 in Russia. The free inhabitants of the aul – the Circassian Armenians, or Circassogai, owned both serfs – the Pshitli and house slaves – the unouts, who made up the main wealth of the owners and could cost hundreds of rubles in silver. Serfs in general had a status equivalent to yasirs, and had certain rights. The owners provided them with housing and livestock. During field work, they guarded their dependent people from the attacks of the mountaineers. From among the free inhabitants of the aul, serfs chose special "patrons" through whom local elders could complain about the arbitrariness and unfair treatment of their owners. An unmarried serf owner should have bought a bride. The sale of peasants was carried out only with their own consent, and it was not allowed to separate the members of one family. Unouts were more powerless. In the position of the Armavir serfs there were many patriarchal traits testifying to the remnants of tribal life. According to Russian officials, the situation of the Armavir serfs was similar to the status of younger members of the family than slaves. All Armavir serfs were Muslim mountaineers. They had their own mosque in the aul and a mullah serving here, who was paid tithing. The process of their liberation actually began in Armavir from the mid-1860s. This was done by a special commission. Serfs were released into the wild for a solid ransom. The hosts refused to let loose the slave-unouts, which caused unrest and arrests of activists. Armavir unouts received freedom only in 1868 after the final abolition of serfdom among the highlanders of the Kuban region. The real process of abolishing serfdom in the North Caucasus, including in Armavir, lasted for many years, which was associated with the difficult conditions for the liberation of the peasants. Those who were not able to pay the due ransom on time worked sometimes for their owner for many years. The abolition of serfdom in general was progressive. This reform opened the way for the penetration of capitalist relations into the economy of the region.

Keywords: Circassogai, serfs-Pshitli, slave-unouts, yasirs, Muslim mountaineers.

1. Введение

Важной частью социальной истории Северного Кавказа является проблема социальной стратификации его населения, в том числе, наличия категорий зависимого населения, исследования вопросов их формирования, особенностей общественного статуса, его специфики в разных районах региона, генезиса форм зависимости и т.п. Данной проблеме было посвящено немало публикаций как зарубежных, так и российских авторов еще XVIII –

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev), ktitorovsn@rambler.ru (S.N. Ktitorov)

XIX вв. (Главани, 2010; Гербер, 2010; Рейнегс, 2010; Пейссоннель, 2010; Броневский, 2004; Бларамберг, 2010; Клапрот, 2008; Лаудаев, 1872; Ковалевский, 1890 и др.), и, разумеется, отечественных историков-кавказоведов XX – начала XXI в. (Щербина, 1916; Кумыков, 1959; Кокиев, 2005; Робакидзе, 1988; Виноградов, Клычников, 2001; Клычников, 2005; Виноградов, 2008; Тотоев, 2009; Клычников, Цыбулькинова, 2011; Иноземцева, 2014; Дударев, Дударев, 2017) и др. Данная проблема рассматривалась и в некоторых обобщающих трудах по истории Северного Кавказа (История народов Северного Кавказа, 1988). Отдельно отметим недавнюю, магистральную, по сути, прорывную публикацию А.А. Черкасовым 1200 источников по рабству у черкесов (Черкасов, 2020), которая послужит базой для многих дальнейших разработок в данном направлении.

2. Материалы и методы

1.1. На фоне всего этого обширного пласта документов и целого ряда исследований достаточно скромно выглядит вопрос о наличии зависимого населения у такой интересной группы северокавказского населения как черкесские армяне, или черкесо-гаи, историческим центром которых в регионе являлся аул, а впоследствии город Армавир. В контексте истории этого города к наличию «рабов» у черкесо-гаев обращался еще в дореволюционные годы известный историк Ф.А. Щербина. В настоящей статье авторы, привлекая не только сведения этого ученого, но и некоторых других авторов (К. Дульветов, И. Иванов, М.И. Мамацев), а также материалы из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА. Ф. 15264), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК. Ф. 574, 774), и некоторые другие ранее недостаточно использовавшиеся данные, останавливаются на положении зависимых лиц и жителей аула Армавир, его специфике, особенностях освобождения представителей данной категории населения на волю в ходе крестьянской реформы в России 1861 г., охватившей и ряд последующих лет на периферии государства.

1.2. Методы, применяемые в данной работе – метод анализа источников, привлекаемый для максимальной проработки всей возможной фактологической базы темы, рассматриваемой в статье (архивные источники, источники личного происхождения), метод историографического анализа, используемый при параллельном анализе работ исследователей (Ф.А. Щербина, Б.М. Джимов, Л.А. Погосян и др.).

3. Обсуждение и результаты

Одной из своеобразных групп населения Северо-Западного Кавказа и Восточного Причерноморья являлись представители субэтнического сообщества черкесо-гаев (черкесских армян). Вопрос о времени, путях и причинах переселения их предков в горные районы Кубани до сих пор является дискуссионным. Следует отметить, что миграция армян на Северо-Западный Кавказ представляла собой длительный, многовекторный и порой противоречивый процесс. Переселение включало в себя разные потоки, как из Армении, так и из Византии, Османской империи и Крымского ханства, и могло охватывать длительный период с X-XI вплоть до XVII в. При этом наиболее значимым ядром сообщества черкесо-гаев являлись выходцы из Крыма, который с конца XV в. оказался в вассальной зависимости от Турции. Важным фактором формирования субэтнуса стало инкорпорирование в его состав многочисленных представителей автохтонных народов Северного Кавказа, прежде всего, адыгов и абазин. Такое внедрение происходило преимущественно через принятие крещения по обряду армянской апостольской церкви, а также благодаря установлению брачных и иных родственных (например, аталыческих) связей (Ктиоров, Ктиорова, 2017: 111-112).

Проведя в Черкесии несколько сотен лет, армяне практически полностью утратили свой национальный облик. Черкесо-гаи переняли у адыгов их язык, нравы, обычаи и основные элементы материальной культуры, однако сохранили свое этническое самосознание и приверженность к армянской апостольской церкви. Горские армяне сосредоточили в своих руках почти всю торговлю Закубанского края и обрели целый ряд прав, сближавших их с положением адыгских дворян уорков.

Важнейшей и самой статусной привилегией черкесо-гаев было владение крепостными и рабами из числа представителей коренных народов Северо-Западного Кавказа. Основным же источником пополнения этого зависимого сословия являлось экономическое закабаление торговцами неимущих горцев. При этом главным направлением

предпринимательской активности закубанских армян была продажа «живого товара». По словам весьма осведомленного в местных реалиях начальника Кубанской линии и основателя Армавира генерала Г.Х. Засса, «главная торговля их была с турками, у которых они выменивали большую часть товаров на русских пленных обоюбого пола и на молодых азиаток, которых покупали у горцев» (ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. Л.5-5об.). Этому же мнению придерживался и Ф.А. Щербина, писавший, что при посредстве черкесо-гаев «пленники и невольники направлялись для продажи в черноморские порты – в Анапу, Суджук, Геленджик, Кодос, Изгаур, Сухум-кале, Потти, Батум, Синоп и Трапезунт. Отсюда пленники отправлялись в Константинополь, Ливанские и Египетские порты» (Щербина, 1916: 30). Справедливости ради, невозможно, не сказать и о том, что в 20-40-е гг. XIX в., в связи с шедшими интеграционными процессами на Северном Кавказе между Россией и горскими народами, в том числе, черкесо-гаями, купцы из их числа, как и другие представители армянского народа, занимавшиеся торговлей (нахичеванские купцы), участвовали в выкупе из горского плена российских подданных, за что награждались российскими властями серебряными и золотыми медалями «За усердие» (Клычников, Цыбулькинова, 2011: 129-134).

С конца XVIII в., вместе с утверждением среди адыгов и абазин в качестве господствующей религии ислама, отношения между горцами и черкесо-гаями ухудшаются. Турецкие эмиссары и проповедники разжигали ненависть к христианам, что приводит к религиозным притеснениям армян. Растущее недовольство горцев отчасти объяснялось эксплуатацией торговцами черкесо-гаями местного населения, нередко попадавшего к ним в кабальную зависимость. Крепнувшие экономические связи закубанских армян с Россией (см. выше) также ухудшали их отношения с черкесами. В условиях жесткого противостояния с расширявшей свои южные рубежи империей многие горцы видели в черкесо-гаях сторонников и даже агентов русских (Ктиторов, 2019: 6-7).

Данные обстоятельства обусловили принятие армянами решения выйти из горных районов на равнину, под защиту российских пограничных укреплений. В итоге под руководством военных властей во главе с начальником Кубанской линии генералом Г.Х. Зассом осуществляется переселение черкесо-гаев на левый берег Кубани напротив крепости Прочный Окоп, где 21 апреля 1839 г. был основан Армянский аул, позже переименованный в Армавир (Ктиторов, 2002: 48-50).

По сведениям Ф.А. Щербины, большинство черкесо-гаев переселилось в Армавир вместе со своими «рабами», количество которых первоначально составляло 247 семей или около 1000 душ обоюбого пола (Щербина, 1916: 97). Эта цифра нам представляется несколько завышенной. Так, в ведомости об ауле, составленной генералом Г.Х. Зассом в сентябре 1842 г., отмечалось, что в собственности армян находится 547 холопов (277 мужчин и 270 женщин) (РГВИА. Ф.15264. Оп. 1. Д.55. Л. 82).

В различные периоды количество крепостных в Армавире сильно менялось. По данным за 1852 г., в домах армян здесь проживало 2110 «холопов» (1031 чел. муж. пола и 1079 чел. жен. пола) (ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4295. Л. 21), что составляло 44,3 % от всего населения (4756 чел.) Армавира. Эта внушительная цифра заставляет вспомнить вывод А.А. Черкасова о том, что с рабовладением и рабозависимостью был связан каждый второй житель Закубанья, а на территории черкесского Причерноморья этот процент был еще выше (Cherkasov, 2020: 1430). В 1859 г. чиновник К. Дульветов насчитывал в ауле 753 чел. крепостных (Щербина, 1916: 97)¹. Причины таких резких колебаний пока что не выяснены. По словам Дульветова, «крестьяне эти составляют и ныне главное богатство Армавирицев и чрезвычайно дороги; так, например, за семейство платят от тысячи до полуторы тысячи рублей, за одну девку платят от четырех до шести сот руб. сереб.» (ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 216. Л. 49об.).

Крепостные армавирицев обладали некоторыми правами. Владелец был обязан предоставить своему работнику жилище, а во время весенней пахоты и сева – семена и пару волов, к которым тот прибавлял столько же собственных и после этого выходил в поле (Живописная Россия, 1885: 191). Крестьянин трудился на своего хозяина только в определенное урочное время и отдавал ему половину от собранного урожая (Живописная Россия, 1885: 191; Щербина, 1913: 25). Из числа свободных жителей аула крепостные

¹ Подробнее см. Приложение № 1 в конце статьи.

выбирали особых «покровителей», при посредничестве которых могли жаловаться местным старейшинам на произвол и несправедливое отношение владельцев. Как свидетельствовали современники, «такого мудрого распоряжения в Кавказских горах не существует; там ясырь не смеет жаловаться на своего владетеля, а тем более судиться с ним» (Иванов, 1853). Неженатому крепостному хозяин должен был купить приглянувшуюся тому невесту, за что обычно уплачивалось 400–600 руб. (ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 216. Л. 50). Продажа крестьян осуществлялась только с их собственного согласия и при этом не допускалось разлучать членов одной семьи (ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 216. Л. 50).

Во время полевых работ владелец находился рядом со своими крестьянами для защиты их от «хищнических» нападений горцев. Первый бытописатель черкесо-гаев И. Иванов отмечал: «Когда приходит время сенокоса и жатвы, армавиры, имеющие у себя ясырей, в полном своем вооружении отправляются на поля, где проживают иногда по несколько недель. Обычай этот строго соблюдается между ними. Вооруженный же владелец выезжает в поле не для наблюдения за работами своих ясырей, а собственно, для защиты их в случае притеснений, или нападения со стороны черкесов. Во время самых работ, армавирец должен стоять на холме и наблюдать за неприятелем; если же заметит своим зорким оком приближающуюся опасность, дает о том знать ясырям и готовится к защите их. Бежать от врага с поля, при том в полном вооружении, считается у армавирицев величайшим стыдом. Они пренебрегают такими людьми и исключают из своей среды...» (Иванов, 1853).

В положении армавирских крепостных было много патриархальных черт, свидетельствующих о пережитках родового быта (Погосян, 1981: 71). По меткому наблюдению К. Дульветова, «крестьяне у Армавирицев скорее составляют младших членов семейства, нежели рабов, исполняя все полевые работы наравне со своими владельцами и не отличаясь от них резко ни в чем: язык, понятия, образ жизни – одинаковы; одно лишь одеяние владельцев несколько лучше крестьян» (ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 216. Л. 50–50об.). Все армавирские крепостные являлись горцами-мусульманами. Они имели в ауле собственную мечеть и служившего здесь муллу, которому выплачивали десятину с остающейся после расчета с владельцем части урожая (ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 216. Л. 50). Сам тот факт, что мусульмане были лично зависимыми у лиц христианского вероисповедания, не должен удивлять. Так повелось в мусульманском мире еще с раннего средневековья. По А. Мецу, мусульманское право разрешало христианам и иудеям иметь также и рабов-мусульман (Мец, 1996: 159–160). Впрочем, мнения исследователей на этот счет расходятся. Например, по С.Е. Возгрину, шариат запрещал держать в неволе мусульманина, в Крыму пленный или раб становился свободным, как только принимал ислам (Возгрин, 2018: 8, 12).

Важнейшей реформой, способствовавшей ликвидации феодальных пережитков в горском обществе и проникновению в экономику региона капиталистических отношений, стала отмена крепостного права. Как известно, манифест от 19 февраля 1861 г. не распространялся на горские народы Северного Кавказа и в том числе на армавирицев. К проведению крестьянской реформы кавказская администрация решительно приступила только после земельных преобразований. При разработке условий отмены крепостного права власти стремились максимально учесть интересы местной феодальной знати. На Северном Кавказе реформа проводилась поэтапно и не одновременно. Для подготовки положения об освобождении горских крестьян Урупского военно-народного округа в Армавири осенью 1867 г. была образована особая комиссия, куда вошли депутаты от владельцев и их крепостных (пшитлей и огов) (Ктиторов, 2002: 84–85). В ней, однако, отсутствовали представители самой бесправной группы крестьян – унаутов (домашних рабов), так как, по мнению окружного начальника, «это сословие рабов, состоя большей частью из детей и женщин, не привыкших иметь вследствие нравственного угнетения, в котором их держали, свою самостоятельную разумную волю, не были бы в состоянии противопоставить доводам владельцев какие-либо основательные возражения, а потому предложено выработанные условия для освобождения унаут представить на благоусмотрение высшему начальству» (Хрестоматия по истории Кубани, 1975: 132).

Комиссия работала в Армавири с 1 по 10 октября 1867 г. под непосредственным руководством окружного начальника. При составлении проекта крестьянской реформы учитывались, прежде всего, интересы владельцев. За свою свободу крепостные были

обязаны уплатить значительный выкуп. Из числа пшитлей и унаутов бесплатно получали волю только дети до 3 лет и престарелые (у пшитлей – мужчины с 56 лет и женщины с 51 года, у унаутов – лица обоего пола старше 47 лет). Размер выкупа у крепостных трудоспособного возраста доходил до 200 руб., а у унаутов – до 130 руб. При отсутствии денег выкуп отрабатывался в течение 3-5 лет.¹ ([Хрестоматия по истории Кубани, 1975: 132-135](#)). Примерно такие же условия лежали в основе окончательного проекта об освобождении горских крестьян Кубанской области, который был официально утвержден только 1 ноября 1868 г. ([История народов Северного Кавказа, 1988: 276-277](#); [Очерки истории Кубани, 1996: 330-331](#)).

Однако непосредственно в Армавире процесс массового освобождения крепостных начинается уже с середины 1860-х гг. Крестьяне отпускались на волю по взаимному соглашению со своими владельцами. По данным начальника Урупского округа капитана М.И. Мамацева, в 1866 г. крепостных в ауле насчитывалось 462 мужские души ([ГАКК. Ф.774. Оп. 1. Д. 257. Л. 9](#)). Как сообщал 16 июня того же года помощник начальника Кубанской области по управлению горцами, «часть крестьян из горцев, в числе 350 душ обоего пола принадлежавших жителям сел. Армавир заключили со своими бывшими владельцами выкупные сделки и отошли от них; хотя большинство этих крестьян не внесло еще за себя полного по условию выкупа, но все они живут в Армавире на правах свободных людей под именем вольноотпущенников» ([ГАКК. Ф. 774. Оп.1. Д.257. Л. 21](#)).

Большинство армавирских крепостных не имело средств, чтобы сразу получить свободу. К июлю 1866 г. из 67 семейств вольноотпущенников только 4 полностью откупились и «прекратили всякие отношения к владельцам». Остальные же фактически находились на положении временно-обязанных, внося выкуп в течение довольно короткого срока от года до 4 лет ([ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 257. Л. 21](#)).

Условия освобождения крестьян были очень тяжелы, прежде всего, из-за высокого выкупа. В посемейном списке армавирских вольноотпущенников, составленном в мае 1866 г., содержатся сведения о том, «кто сколько уплатил владельцу, сколько осталось и в какой срок». Так, например, крестьянин Кумата Ширинова – Рату (30 лет) с женой Шаш (25 л.) и двумя сыновьями (1 г. и 8 л.) «откупился за 800 руб., уплатил 220 руб., остальные... через год». Вольноотпущенник уже упоминавшегося юнкера Семена Давыдова – Мельбох (45 л.) с женой Гучемах (40 л.), тремя сыновьями (15 л., 6 л. и 4 г.) и двумя дочерьми (18 л. и 1 г.) «откупился за 1150 руб., уплатил 770 руб., остальные... через год и шесть месяцев». Крестьянин юнкера Аракела Акубжанова – Дагамук (30 л.) с четырьмя братьями (25 л., 23 г., 12 л. и 8 л.) «откупился за 1350 руб., уплатил 170 руб., остальные... через два года». Крепостной прапорщика Бориса Кусикова – Унемук (35 л.) получил свободу за 400 руб. с рассрочкой платежа до двух лет. Крестьянин местного священника Калуста Давыдова – Темигум (50 л.) с женой Сас (40 л.) и двумя сыновьями (15 л. и 2 г.) «откупился за 700 руб., уплатил 116 р., остальные... через два года». Вольноотпущенник войскового старшины Чентемирова – Бирам (25 л.) и его жена Затрах (20 л.) в течение 3-х лет обязались внести своему владельцу выкуп в размере 450 р. Крепостной Мелькона Твелова – Шхашхо (48 л.) с женой Кубз (35 л.), шестью сыновьями (20 л., 18 л., 13 л., 8 л., 6 л. и 2 г.), дочерью (4 г.), племянником (1 г.) и племянницей (13 л.) «откупился за 2400 руб., уплатил 740 руб., остальные... через один год» и т.д. ([Ктиторов, 2002: 86](#)).

Несмотря на столь значительные суммы, крестьяне черкесо-гаев стремились как можно скорее заключить выкупные акты и избавиться от власти своих хозяев. Этим правом обладали, прежде всего, крепостные-пшитли. Однако в собственности армавирцев находились также рабы-унауты, которые использовались, в основном, в качестве дворовых слуг. Унаутов в ауле было немного, и, в отличие от пшитлей, хозяева отказывались отпускать их на волю за выкуп. По этой причине в мае 1867 г. рабы проявили открытое недовольство. Инициатором «волнений» стал житель черкесского аула Болотокова Мишеост (Мисост) Мельгашев, приехавший в Армавир на заработки. Армавирский старшина Егор Артемов, доставивший Мельгашева в Лабинское окружное управление, докладывал, что тот призывает унаутов «требовать от владельцев выкупа». В результате этого многие унауты обратились к Артемову «с жалобой на своих хозяев за то, что не хотят предоставить им

¹ См., например, Приложение № 2 в конце статьи.

откупа, как это предоставлено пшителям» (Джимов, 1971: 221-222). Мельгашев был арестован и посажен на гауптвахту в ст. Лабинской (Рисунок 1). По всей видимости, армавирские унауты получили свободу только в 1868 г. после окончательной отмены крепостного права у горцев Кубанской области (Ктиторов, 2002: 87).

При освобождении в собственности крестьян оставалась сакля и домашняя утварь, а остальное имущество делилось с бывшими владельцами. Своим вольноотпущенникам хозяева должны были отводить часть земли из собственных наделов (Джимов, 1971: 160). Однако в Армавире земли, предоставленные бывшим крепостным, оказались очень неудобны. Как сообщал в 1866 г. помощник начальника Кубанской области по управлению горцами, «пахотные и сенокосные места для вольноотпущенников не могли отводиться вблизи Армянского аула имеющего большой выгон (для выпаса скота, – Авт.), а напротив – преимущественно дальнейшие степные участки, пользоваться которыми для бедняков было не под силу» (ГАКК. Ф.774. Оп. 1. Д.257. Л. 210б.). Крестьяне испытывали большую нужду в сельскохозяйственном инвентаре и во время пахоты вынуждены были объединяться по 5-6 семейств вокруг одного плуга. По этим причинам армавирские вольноотпущенники еще в октябре 1865 г. обратились к попечителю горских народов Кубанской области подполковнику Дукмасову с просьбой отвести им в Урупском округе более удобную землю для того, чтобы «всем семействам водвориться на участке этом всегдашним местожительством, – отдельно от владельцев своих» (ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 257. Л.3).

Это ходатайство было удовлетворено, и 23 июля 1866 г. Главнокомандующий Кавказской армией распорядился переселить освобожденных крестьян на правый берег Урупа, выше ст. Урупской, с предоставлением им земельного надела» (ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д.257. Л23-230б.). К этому времени уже началось стихийное заселение аула вольноотпущенников на Урупе. В 1866 г. здесь насчитывалось 47 дворов, в которых проживало 168 мужчин и 144 женщины (Есть район над Кубанью, 1994: 15). Свое поселение бывшие армавирские крепостные называли Шъхъаээфыжь, что означает «Аул тех, которые выкупили свои головы» (Меретуков, 1981: 162). В апреле 1867 г. аулу было присвоено название Урупский, которое он сохранил до наших дней.

Реальный процесс отмены крепостного права на Северном Кавказе, и в том числе в Армавире, растянулся на много лет, что было связано с тяжелыми условиями освобождения крестьян, которые, не имея возможности заплатить положенный выкуп в установленный срок, работали порой на своего владельца долгие годы.

4. Заключение

После выселения из Армавира вольноотпущенников освободилось значительное количество земельных угодий, что стало стимулирующим фактором для развития хозяйственных занятий черкесо-гаев и, прежде всего, крупного табунного скотоводства. Отмена крепостного права в целом имела прогрессивный характер. Эта реформа открыла путь проникновению в экономику региона капиталистических отношений. В землепользовании начинают широко применяться наемный труд и аренда, что ведет к интенсификации и повышению товарности сельского хозяйства. Постепенно разрушается натуральная замкнутость горского общества. Благодаря притоку переселенцев из российских губерний, формируется рынок рабочей силы – основа складывания класса промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. Расширяются многообразные контакты местных жителей с русскими переселенцами. Северный Кавказ втягивается в единое общероссийское экономическое, правовое и культурное пространство.

Литература

Броневский, 2004 – Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т.1 и 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 119-122.

Бларамберг, 2010 – Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. М., Изд. Надыршин, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (дата обращения: 19.10.2015).

Виноградов, 2008 – Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе / Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Армавир, 2008. С. 173-182.

Виноградов, Клычников, 2001 – Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // *Вопросы северокавказской истории*: Сб. научн. статей. Армавир, 2001. Вып. 6. Ч. 1. С. 45-50.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Гербер, 2010 – Гербер И.Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году // *Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков* / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 153-158.

Главани, 2010 – Главани К. Описание Черкесии // *Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков* / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 110-117.

Джимов, 1971 – Джимов Б.М. Из истории крестьянской реформы и классовой борьбы в Адыгее в 60-70-х годах XIX века // *Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. Т. 13. Майкоп, 1971. С. 221-222.

Дударев, Дударев, 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Есть район над Кубанью, 1994 – Есть район над Кубанью. Б.м., 1994.

Живописная Россия, 1885 – Живописная Россия. Т.9. Кавказ. СПб. М., 1885. С. 191.

Иванов, 1853 – Иванов И. Современное состояние Армавира // *Кавказ*. Тифлис, 1853. № 34.

Иноземцева, 2014 – Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. 298 с.

История народов Северного Кавказа, 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М.: Наука, 1988. 544 с.

Клычников, 2005 – Клычников Ю.Ю. «Хищничество» и «пленопродавство» на Северном Кавказе // *История и культура народов Северного Кавказа*. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Пятигорск, 2005. С. 46-68.

Клычников, 2011 – Клычников Ю.Ю. «Сострадая к несчастным пленным...»: из опыта освобождения невольников на Северном Кавказе в XIX веке // *Вопросы южнороссийской истории*. Вып.17. Армавир, 2011. С.47-50.

Клычников, Цыбулькинова, 2011 – Клычников Ю.Ю. Цыбулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.

Кокиев, 2005 – Кокиев Г.А. К истории работорговли на Северном Кавказе (исторический набросок) // *История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева*: Сб. статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эль-Фа, 2005.

Ктиторов, 2002 – Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918 гг.). Армавир, 2002. 384 с.

Ктиторов, 2019 – Ктиторов С.Н. Памятные вехи истории Армавира: юбилейные даты 2019 года (к 180-летию со дня основания города). Армавир, 2019. 124 с.

Ктиторов, Ктиторова, 2017 – Ктиторов С.Н., Ктиторова О.В. Проблемы научного дискурса о происхождении субэтнической группы черкесо-гаев (черкесских армян) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. Научный журнал. Краснодар, 2017. Т.9. № 6. Ч.2. С.107-113.

Лаудаев, 1872 – Лаудаев У. Чеченское племя // *ССКГ*. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 1-62.

Мамакаев, 1962 – Мамакаев М.А. Чеченский тейп (род) и процесс его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962. 47 с.

Мамакаев, 1973 – Мамакаев М.А. Чеченский тейп (род) и процесс его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. 100 с.

- Меретуков, 1981 – Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981. 180 с.
- Мец, 1996 – Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: ВИМ, 1996. 544 с.
- Очерки истории Кубани, 1996 – Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. 654 с.
- Пейссоннель, 2010 – Пейссоннель Ш. де. Историческое и географическое обозрение варварских народов, населявших берега Дуная и Понта Эвксинского // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 121-140.
- Погосян, 1981 – Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981. 181 с.
- Потто, 1994 – Потто В.А. Кавказская война. Т.2. Ставрополь, 1994. 688 с.
- Рейнеггс, 2010 – Рейнеггс Я. Всеобщее историческое и топографическое описание Кавказа // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков /Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С.179-201.
- Робакидзе, 1988 – Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1988. С. 6-20.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Тотоев, 2009 – Тотоев Ф.В. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX века). Нальчик, 2009. 375 с.
- Хрестоматия по истории Кубани, 1975 – Хрестоматия по истории Кубани. Документы и материалы. Ч. 1. Краснодар, 1975. 406 с.
- Цыбулькинова, 2012 – Цыбулькинова А.А. Казáчки Кубани в конце XVIII – середине XIX века. Армавир, 2012. 226 с.
- Щербина, 1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913. 848 с.
- Щербина, 1916 – Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916. 192 с.
- Inozemtseva, 2017 – Inozemtseva E. I. (2017). To the issue of the concepts and terms of the slavery institution in the late medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*. № 2. 2017. Pp. 31-41.
- Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (a Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1. Pp. 1415-2266.
- Vozgrin, 2018 – Vozgrin V.E. The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe // *Slavery: theory and practice*. 2018. 3(1). pp. 4-17.

References

- Blaramberg, 2010 – Blaramberg, I. (2010). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. Perevod s francuzskogo, predislovie i kommentarii I.M. Nazarovoj. M., Izd. Nadyrshin. [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (date of access: 19.10.2015) [in Russian]
- Bronevskij, 2004 – Bronevskij, S.M. (2004). Novejshie Izvestiya o Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim: V 2 tomah: t. 1 i 2. [The latest news about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, pp. 119-122. [in Russian]
- Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (a Documentary Collection). *Bylye Gody*. Vol. 57-1. Is. 3-1. Pp. 1415-2266.
- Cybul'nikova, 2012 – Cybul'nikova, A.A. (2012). Kazáчки Kubani v konce XVIII – seredine XIX veka [Cossacks woman of the Kuban at the end of the 18th - mid-19th centuries]. Armavir, 226 p. [in Russian]
- Dudarev, Dudarev, 2017 – Dudarev, D.S., Dudarev, S.L. (2019). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – serediny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol': Dizajn-studiya B, 402 p. [in Russian]

[Dzhimov, 1971](#) – *Dzhimov, B.M.* (1971). Iz istorii krest'yanskoj reformy i klassovoj bor'by v Adygee v 60-70-h godah XIX veka [From the history of peasant reform and class struggle in Adygea in the 60-70s of the XIX century]. *Uchenye zapiski Adygejskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. T. 13. Majkop, pp. 221-222. [in Russian]

[Est' rajon nad Kuban'yu, 1994](#) – Est' rajon nad Kuban'yu [There is an area above the Kuban]. B.m., 1994. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State archive of Krasnodar Krai].

[Gerber, 2010](#) – *Gerber, I.G.* (2010). Izvestiya o nahodyashchihsya s zapadnoj storony Kaspijskogo morya mezhdru Astrahan'yu i rekoj Kuroj narodah i zemlyah i o ih sostoyanii v 1728 godu [News about the peoples and lands located on the western side of the Caspian Sea between Astrakhan and the Kura River and about their state in 1728]. *Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov*. Sost. V. Atalikov. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh. Vyp.III. Pp. 153-158. [in Russian]

[Glavani, 2010](#) – *Glavani, K.* (2010). Opisanie Cherkessii [Description of Circassia]. *Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov*. Sost. V. Atalikov. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh. Vyp.III. Pp. 110-117. [in Russian]

[Hrestomatiya po istorii Kubani, 1975](#) – Hrestomatiya po istorii Kubani. Dokumenty i materialy [Reader on the history of the Kuban]. Ch. 1. Krasnodar, 1975. 406 p. [in Russian]

[Inozemceva, 2014](#) – *Inozemceva, E.I.* (2014). Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Ocherki istorii [The Institute of Slavery in Feudal Dagestan]. Mahachkala, 298 p. [in Russian]

[Inozemtseva, 2017](#) – *Inozemtseva, E.I.* (2017). To the issue of the concepts and terms of the slavery institution in the late medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*. 2: 31-41.

[Istoriya narodov Severnogo Kavkaza, 1988](#) – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v. [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century]. T. 1. M.: Nauka, 1988. 544 p. [in Russian]

[Ivanov, 1853](#) – *Ivanov, I.* (1853). Sovremennoe sostoyanie Armavira [The current state of Armavir]. *Kavkaz*. Tiflis. № 34. [in Russian]

[Klychnikov, 2005](#) – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2005). «Hishchnichestvo» i «plenoprodavstvo» na Severnom Kavkaze ["Predation" and "plenoprodavstvo" (sale of prisoners) in the North Caucasus]. *Istoriya i kul'tura narodov Severnogo Kavkaza*. Sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 3. Pyatigorsk, pp. 46-68. [in Russian]

[Klychnikov, 2011](#) – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2011). «Sostradaya k neschastnym plennym...»: iz opyta osvobodzheniya nevol'nikov na Severnom Kavkaze v XIX veke ["Compassion for the unfortunate prisoners ...": from the experience of freeing slaves in the North Caucasus in the 19th century]. *Voprosy yuzhnorossijskoj istorii*. Vyp. 17. Armavir. Pp. 47-50. [in Russian]

[Klychnikov, Cybul'nikova, 2011](#) – *Klychnikov, Yu.Yu., Cybul'nikova, A.A.* (2011). «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ["So the laws are squeezing out violent liberty...": the struggle of the Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays)]. Pod red. i s predisl. V.B. Vinogradova. Pyatigorsk, 256 p. [in Russian]

[Kokiev, 2005](#) – *Kokiev, G.A.* (2005). K istorii rabotorgovli na Severnom Kavkaze (istoricheskij nabrosok) [On the history of the slave trade in the North Caucasus (historical sketch)]. *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudah G.A. Kokieva: Sb. statej i dokumentov*. Vyyavlenie, arheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.H. Mambetova. Nal'chik: El'-Fa. [in Russian]

[Ktitorov, 2002](#) – *Ktitorov, S.N.* (2002). Istoriya Armavira (dosovetskij period: 1839-1918 gg.) [The history of Armavir (pre-Soviet period: 1839-1918)]. Armavir, 384 p. [in Russian]

[Ktitorov, 2019](#) – *Ktitorov, S.N.* (2019). Pamyatnye vekhi istorii Armavira: yubilejnye daty 2019 goda (k 180-letiyu so dnya osnovaniya goroda) [Memorable milestones in the history of Armavir: anniversary dates of 2019 (to the 180th anniversary of the founding of the city)]. Armavir, 124 p. [in Russian]

[Ktitorov, Ktitorova, 2017](#) – *Ktitorov, S.N., Ktitorova, O.V.* (2017). Problemy nauchnogo diskursa o proiskhozhdenii subetnicheskoj gruppy cherkeso-gaev (cherkesskih arмян) [Problems of scientific discourse on the origin of the sub-ethnic group of Circassian-Gais (Circassian Armenians)]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. Nauchnyj zhurnal. Krasnodar, T. 9. № 6. Ch. 2. Pp. 107-113. [in Russian]

- Laudaev, 1872** – *Laudaev, U.* (1872). Chechenskoe plemya [Chechen tribe]. SSKG. Vyp. VI. Tiflis, 1872. Pp. 1-62. [in Russian]
- Mamakaev, 1962** – *Mamakaev, M.A.* (1962). Chechenskij tejp (rod) i process ego razlozheniya [Chechen tejp (clan) and the process of its decomposition]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 47 p. [in Russian]
- Mamakaev, 1973** – *Mamakaev, M.A.* (1973). Chechenskij tejp (rod) i process ego razlozheniya [Chechen tejp (clan) and the process of its decomposition.]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 100 p. [in Russian]
- Mec, 1996** – *Mec, A.* Musul'manskij Renessans [Muslim Renaissance]. M.: VIM, 544 p. [in Russian]
- Meretukov, 1981** – *Meretukov K.H.* (1981). Adyghejskij toponimicheskij slovar [Adyghe toponymic dictionary]. Majkop, 1981. 180 p. [in Russian]
- Ocherki istorii Kubani, 1996** – *Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremen po 1920 g.* [Essays on the history of the Kuban from ancient times to 1920] Krasnodar, 1996. 654 p. [in Russian]
- Pejssonnel', 2010** – *Pejssonnel', Sh.de.* (2010). Istoricheskoe i geograficheskoe obozrenie varvarskih narodov, naselyavshih berega Dunaya i Ponta Evksinskogo [Historical and geographical overview of the barbarian peoples who inhabited the banks of the Danube and Pontus Euxine]. Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov. Sost. V. Atalikov. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh. Vyp. III. Pp. 121-140. [in Russian]
- Pogosyan, 1981** – *Pogosyan, L.A.* (1981). Armyanskaya koloniya Armavira [Armenian colony of Armavir]. Erevan, 181 p. [in Russian]
- Potto, 1994** – *Potto, V.A.* (1994). Kavkazskaya vojna [Caucasian War]. T.2. Stavropol'. 688 p. [in Russian]
- Rejnegg, 2010** – *Rejnegg, Ya.* (2010). Vseobshchee istoricheskoe i topograficheskoe opisanie Kavkaza [General historical and topographic description of the Caucasus]. Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov. Sost. V. Atalikov. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh. Vyp. III. Pp. 179-201. [in Russian]
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military historical archive].
- Robakidze, 1988** – *Robakidze A.I.* (1988). Nekotorye cherty gorskogo feodalizma na Kavkaze [Some features of mountain feudalism in the Caucasus]. Razvitie feodal'nyh otnoshenij u narodov Severnogo Kavkaza. Mahachkala: Dag. filial AN SSSR, In-t istorii, yazyka i literatury im. G. Cadasy, pp. 6-20. [in Russian]
- Shcherbina, 1913** – *Shcherbina, F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska [History of the Kuban Cossack troops]. T.2. Ekaterinodar, 848 p. [in Russian]
- Shcherbina, 1916** – *Shcherbina, F.A.* (1916). Istoriya Armavira i cherkeso-gaev [The history of Armavir and the Circassian-Gais]. Ekaterinodar, 192 p. [in Russian]
- Totoev, 2009** – *Totoev, F.V.* (2009). Obshchestvennyj stroj Chechni (vtoraya polovina XVIII – 40-e gg. XIX veka) [Social system of Chechnya (second half of the 18th – 40s of the 19th century)]. Nal'chik, 375 p. [in Russian]
- Vinogradov, 2008** – *Vinogradov, V.B.* (2008). Genezis feodalizma na Central'nom Kavkaze [Genesis of feudalism in the Central Caucasus]. *Sbornik izbrannyh statej Vitaliya Borisovicha Vinogradova (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya)*. Armavir, pp. 173-182. [in Russian]
- Vinogradov, Klychnikov, 2001** – *Vinogradov, V.B., Klychnikov, Yu.Yu.* (2001). K probleme kontrabandy i «plenoprodavstva» na Kavkaze v XIX v. [On the problem of smuggling and "film sales" in the Caucasus in the 19th century]. *Voprosy severokavkazskoj istorii: Sb. nauchn. statej*. Armavir. Vyp. 6. Ch. 1. Pp. 45-50. [in Russian]
- Vozgrin, 2018** – *Vozgrin V.E.* (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe. *Slavery: theory and practice*. 3(1). pp. 4-17.
- Zhivopisnaya Rossiya, 1885** – *Zhivopisnaya Rossiya* [Picturesque Russia]. T. 9. Kavkaz. SPb. M., 1885. [in Russian]

О положении лично-зависимых людей у жителей аула Армавир в период до отмены крепостного права в России

Сергей Л. Дударев^{a,*}, Сергей Н. Ктиторов^a

Аннотация. В статье рассматривается положение различных категорий зависимого населения аула Армавир 40-60-е гг. XIX в., а также изменения в их положении, произошедшие после крестьянской реформы 1861 г. в России. Свободные жители аула – черкесские армяне, или черкесогаи, владели как крепостными – пшитлями, так и домашними рабами – унаутами, которые составляли главное богатство хозяев и могли стоить сотни рублей серебром. Крепостные в целом имели статус, приравняемый к ясырям, и обладали определенными правами. Владельцы предоставляли им жилища и рабочий скот. Во время полевых работ они охраняли своих зависимых людей от нападений горцев. Из числа свободных жителей аула крепостные выбирали особых «покровителей», через которых могли жаловаться местным старейшинам на произвол и несправедливое отношение своих владельцев. Неженатому крепостному хозяин должен был купить невесту. Продажа крестьян осуществлялась только с их собственного согласия и при этом не допускалось разлучать членов одной семьи. Унауты были более бесправны. В положении армавирских крепостных было много патриархальных черт, свидетельствующих о пережитках родового быта. По свидетельству российских чиновников, положение армавирских крепостных было похоже на статус младших членов семьи, нежели рабов. Все армавирские крепостные являлись горцами-мусульманами. Они имели в ауле собственную мечеть и служившего здесь муллу, которому выплачивали десятину. Процесс их освобождения фактически начался в Армавире с середины 1860-х гг. Этим занималась специальная комиссия. Отпускали крепостных на волю за солидный выкуп. Отпускать на волю рабов-унаутов хозяева отказывались, что вызвало волнения и аресты активистов. Армавирские унауты получили свободу только в 1868 г. после окончательной отмены крепостного права у горцев Кубанской области. Реальный процесс отмены крепостного права на Северном Кавказе, и в том числе в Армавире, растянулся на много лет, что было связано с тяжелыми условиями освобождения крестьян. Не имевшие возможности заплатить положенный выкуп в установленный срок работали порой на своего владельца долгие годы. Отмена крепостного права в целом имела прогрессивный характер. Эта реформа открыла путь проникновению в экономику региона капиталистических отношений.

Ключевые слова: черкесо-гаи, крепостные-пшитли, рабы-унауты, горцы-мусульмане, ясыри.

Приложение № 1

Рапорт чиновника по особым поручениям коллежского асессора К. Дульветова командующему войсками правого крыла Кавказской линии генерал-лейтенанту Г.И. Филипсону от 23 марта 1859 г. (г. Ставрополь).

Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 23 февраля сего года № 156, я отправился в Армянский аул Армавир и собрал на месте, по возможности верные сведения по всем предметам...

...Нынешние армавирские армяне между собою, все без исключения, пользуются одинаковыми правами, а в столкновениях с ногайцами и другими черкесскими племенами по спорам и тяжёлым делам, а равно при несении службы в милициях, все они пользуются правами первостепенных дворян, уорков, по понятиям, вынесенным из гор, куда предки их зашли по торговым делам.

...Армавирцы при выходе своем из гор выводили с собою и своих крестьян, которыми они там владели. Правительство наше признало за ними это право на общем, допущенном

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев), ktitovsn@rambler.ru (С.Н. Ктиторов)

для всех горцев оснований, по их обычаям. Крестьяне эти составляют и ныне главное богатство армавирцев и чрезвычайно дороги; так, например за семейство платят от тысячи до полуторы тысячи рублей, за одну девку платят от четырех до шести сот руб. сереб. Положение крестьян в Армавире вовсе не тягостно: они имеют право собственности, хозяин должен дать ему жилище и половину сельских произведений; в случае обиды, или жестокого обращения, крестьянин имеет право жаловаться местному суду. Неженатый крестьянин, найдя для себя невесту и получивши согласие ее родителей, заявляет об этом своему владельцу и этот должен купить для него выбранную им девушку у ее владельца, за таких девушек платят от 400 до 600 руб. сер. При продаже крестьян владелец не имеет права продать их тому, кто дает высшую цену, а тому лишь к которому из покупателей пожелает поступить крестьянин. Продажа отдельно одного члена крестьянского семейства не допускается. Это правило введено уже по распоряжению нашего правительства. Такие отношения крестьян к своим владельцам устраняют жестокое к ним обращение и всякий произвол. Вообще крестьяне у армавирцев скорее составляют младших членов семейства, нежели рабов, исполняя все полевые работы наравне со своими владельцами и не отличаясь от них резко ни в чем: язык, понятия, образ жизни – одинаковы; одно лишь одяние владельцев несколько лучше крестьян. Последние все без исключения магометане. Они женятся и выходят замуж только между собою, брак этот есть чисто гражданский, так как по магометанскому закону брак рабов не укрепляется религиозным обрядом – никах. Для них есть особый эфендий, постоянно живущий в Армавире и мечеть. Эфендий этот получает от крестьян десятую часть всех сельских произрастаний, достающихся на долю крестьян по расчету с их владельцами...

	Собственно армавирцев	Число семейств	Число душ		Итого число душ
			Муж.	Жен.	
1	Армян -----	316	981	918	1899
2	-	---	284	321	605
3	У них крестьян -----				
4	Приписавшихся из Армавира в Нахичевань в 1858 году -----	45	164	145	309
5	-	---	45	50	95
6	У этих 45 семейств крепостных -----	16	64	62	129
7	Приписавшихся из Армавира в Моздок в 1858 году -----	---	23	30	53
8	У них крепостных -----	26	80	61	141
	Выходцев из гор – магометан временно проживающих в Армавире -----	6	8	8	16
	Иногородних -----				
	Итого -----	409	1652	1595	3247

Источник: Государственный архив Краснодарского края. Ф.774. Оп.1. Д.216. Л.40-60об.

Приложение № 2

У помощника Армавир. волост. старшины А.К. Кусикова сохранился следующий интересный документ из времен крепостного права:

Выкупное свидетельство № 156.

1868 года апреля 10 дня Унаутка (домашняя прислуга) жителя селения Армавир, армянина Иваница Кусикова Шефувай 50 лет от роду с сыном Тлимаф Хатковым двадцати

лет и дочь Пшашемаф 13 лет по добровольному соглашению с владельцем получила свободу на следующих условиях:

Дети ее обязаны уплатить триста десять рублей серебром в зачет коих остаются в обязательных отношениях на всем хозяйском содержании в течении двух лет, считая каждый год обязательной работы за шестьдесят два рубля, остальные затем, сто восемьдесят шесть рублей обязаны уплатить в течении трех лет. Мать их свободна.

В удостоверение же действительности сего подписом и приложением печати свидетельствуют сел. Армавир, Мировой посредник Лабинского и Урупского военных округов Капитан Кураков. (М. П.).

По сему свидетельству крестьянин Хатков уплатил владельцу своему разновременно сто тридцать рублей серебром. Января 13 дня 1874 года. В чем свидетельствуется приложением печати.

Старшина Урупского аула П. Мамсиров.

Все раскрепощенные, состоявшие исключительно из черкесов, были наделены землею из Урупского аула. Часть их впоследствии выехала в Турцию, а остальная часть живет в этом ауле до сих пор.

Отклики Кавказа. Армавир, 1911. № 43 (24 февраля).

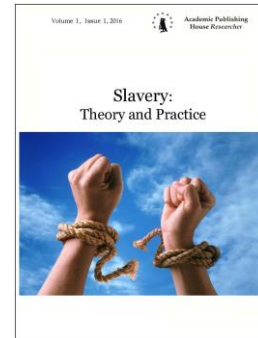
Рис. 1. Арестованный крепостной Мельгошев Мишет за волнение унаут (рабов) в с. Армавире 16 мая 1867 г. Художник Коваленко И.В. Период создания: 1950-е гг. Материал, техника: бумага, акварель, дсп, рисунок. Размер: 65x44 см. Место создания: Майкоп. Номер в Госкаталоге: 21611941. Номер по ГИК (КП): НМРА КП 4727.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 50-62

DOI: 10.13187/slave.2020.1.50
www.ejournal43.com

Perception of "White Slavery" by Don Pre-Revolutionary Authors: Mechanisms of Criticism and Self-Justification

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper is dedicated to the problem of perception, by the Don Cossacks of 19th-beginning of 20th century, of serfdom on the territory of the Don Host. By this time traditional images of Cossack as a defender of Russian land (i.e., the denizens of this land) and/or natural advocate of democracy had already formed. Understandably, the fact of spreading of, at first, slavery, and later serfdom among Cossacks did not correspond in any way with such images, and this contradiction even moved one of the first professional Don historians, P.P. Sakharov, to write a special research dedicated to «white slavery» (his original term) on Don.

However, analyzing the works of other Don authors on serfdom in the Don Host, we came to conclusion, that for Cossacks was common not the admittance of responsibility for subjugating part of Russian peasants, but, on the contrary, an idealization of the corresponding chapters of Cossack past. The majority of authors either at all did not evaluate the existence of serfdom on Don, or emphasized its relative easiness. Eventually this tendency built up, culminating in manifestation of a concept, according to which peasants consciously fled for Don to become dependents of Don officials, who established them good conditions. And even if separate instances of master's cruelty were admitted, they were attributed to a narrow circle of Don's high nobility, detached from the Cossack bulk.

Thereby the example of Don authors' perception of «white slavery» serves an apt illustration of how masters of dependent populace and their descendants vindicate themselves. Within the logical boundaries of most works we considered, former serfs in general mass did not suffer from their standing. And if individual authors stated the falsity of such perception, their works shortly after appearing were subjected to criticism.

Keywords: Don Cossackdom, serfdom, «white slavery», mechanisms of collective memory, regional historiography.

1. Введение

В 1911 г. в Новочеркасске вышла небольшая брошюра молодого историка П.П. Сахарова «Белое рабство на Дону» (Сахаров, 1911). Полемически заостренное, откровенно публицистическое название было выбрано автором не случайно. В конце своего исследования он противопоставлял «вольную реку» Дон, некогда населенную «вольными артелями-станицами», и «людей с волчьей пастью и лисьим хвостом, уничтоживших

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

древнее братство, а на место свободы-равенства кругом позаведших белое рабство» (Сахаров, 1911: 52).

В конце XIX-начале XX вв. донское казачество находилось в очень неустойчивом и своеобразном положении. Местная, специфически-казацья интеллигенция давно интересовалась своим прошлым, и первые книги «природных казаков» об истории Войска Донского появились еще в 1810 г. (Попов, 1814). Однако, чем дальше, тем больше история казачества становилась орудием в руках представителей различных политических сил, пытавшихся предложить свою трактовку казацкого прошлого. Этот процесс окончательно проявился после 1905 г., после создания Государственной Думы и легальных политических партий. Например, широко известный П.Н. Краснов, уже тогда отличавшийся крайне правыми взглядами, не только пытался «изъять» из истории казачества выступления против царской власти, приписав их немногим отщепенцам, но и подчеркивал вечную готовность казака защищать самодержавие: «Не раз донские казаки отстаивали Россию от врагов внешних и внутренних; давно ли, в 1855 году все войско поднялось на турок; при Петре казаки умирляли Астраханцев и Булавина, они боролись при Екатерине и против Пугачева – теперь Царь призвал их на защиту русских людей и русского дела от бунтовщиков, под флагом свободы желавших позора и неволи России» (Краснов, 1909: 516). Близкий социал-демократам С.Г. Сватиков, напротив, казаков самодержавию противопоставлял, позиционируя их как носителей совершенно иной, демократической линии развития русской государственности: «В эпоху, когда на развалинах федерации древнерусских княжеств и северо-русских республик укреплялось самодержавие царей московских, исконное русское начало народоправства возродилось к новой жизни в первобытных по устройству казацких демократиях» (Сватиков, 1924: 1).

Как мы видим, даже в провластной трактовке казаки выступали защитниками России от «позора и неволи». В оппозиционной они и вовсе представляли носителями исконных русских демократических традиций, искаженных московскими царями. Но ни в одну трактовку не укладывалось существование на «вольном Дону» крепостного права, «белого рабства», в которое казаки обращали собственных братьев по племени и вере. Между тем масштабы этого «рабства» были очень значительны. По официальным сведениям, к 1860 г. крепостные составляли почти 1/3 населения Земли Войска Донского, а в абсолютных числах их количество превышало 300 000 душ обоюбого пола (Краснов, 1863: 226-227). Таким образом, выходило, что «люди с волчьей пастью и лисьим хвостом», вместо того, чтобы оберегать русских от неволи или сохранять старинную демократию, сами взяли в рабство сотни тысяч крестьян.

На этом фоне обострение интереса к истории крепостного права на Дону в начале XX в. выглядит вполне закономерно. На наш взгляд, для большинства казаков, гордившихся своей личной свободой, разницы между крепостным правом и рабством вовсе не существовало, и каждый донской общественный деятель должен был как-то объяснить парадокс казака-рабовладельца хотя бы для себя. Кроме того, в условиях распространения грамотности и базовых исторических знаний (а, по некоторым оценкам, к 1914 г. в Российской империи образование в той или иной форме получало 80 % детей (Cherkasov, 2011: 146-147)), обвинения казачества или какой-то его части в рабовладении становились еще и политическим оружием, которое можно было использовать, как минимум, против потомков старой донской элиты, внуков и правнуков «рабовладельцев». Отметим, что это оружие в полной мере применяла ранняя советская историография, позиционировавшая донских дворян как аморальных и корыстолюбивых «хищников» (Королев, 1991: 233).

И в своей статье мы бы хотели проследить за тем, как эволюционировал образ донского крепостного права, «белого рабства», в трудах донских авторов XIX-начала XX вв. Не претендуя на полноту исследования и обращаясь только к наиболее важным работам, мы, тем не менее, хотели бы понять: как сами вольные казаки оправдывали превращение сперва своих современников, а потом недавних предшественников в рабовладельцев?

2. Материалы и методы

Число публикаций дореволюционных донских авторов, затрагивающих сюжеты, связанные с крепостным правом, достаточно велико. Однако большинство из этих текстов опубликовано в местной прессе и изначально были труднодоступны для массового

читателя. Мы обратимся только к важнейшим работам классиков донской дореволюционной историографии: к статистическим описаниям Войска Донского В.Д. Сухорукова, Н.И. Краснова и С.Ф. Номикосова, к книгам о донском зависимом населении П.П. Сахарова и Е.П. Савельева, а также к первой специальной статье о истории донского крестьянства А.А. Карасева. На наш взгляд, именно эти работы формировали для читателя образ донского крепостного права, а в хронологическом отношении они охватывают время с 1820 г. до 1917 г.

Таким образом, данных работ достаточно, чтобы с помощью историко-сравнительного метода проследить эволюцию отношения казаков к крепостному праву на Дону. Историко-биографический метод поможет нам определить, какую роль вносили личные общественные воззрения каждого автора в рисуемый им образ «белого рабства». Наконец, принцип историзма поможет нам понять, как социальные условия влияли на восприятие крепостного права большинством писателей определенной эпохи.

3. Обсуждение

Работ, специально посвященных вопросу о восприятии донскими казаками крепостного права и рабства вообще, до настоящего времени не написано. Что касается истории донского крепостного крестьянства, то крупнейшим специалистом в этой области является И.А. Ревин, автор монографии «Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г.» (Ревин, 2005). С другой стороны, различные аспекты истории донской общественной мысли и биографии важнейших ее представителей изучались Н.А. Мининковым (Мининков, 2015: 198-200), А.А. Волвенко (Volvenko, 2016: 33-40), Е.В. Стегленко (Стегленко, 2016: 66-69) и другими (Коршиков, Королев, 2001: 8-14).

4. Результаты

Подобно большинству сюжетов в донской историографии, вопрос о донских крепостных первым начал рассматривать В.Д. Сухоруков, личность для позднейших донских общественных деятелей почти сакральная. Биография В.Д. Сухорукова была недолгой и несчастной: один из первых образованных донцов, благодаря уму и талантам ставший чиновником для особых поручений при будущем военном министре А.И. Чернышеве, он сблизился с декабристами, что привело к его опале (Коршиков, Королев, 2001: 8-14). В результате тексты, над которыми в первой половине 1820 г. работал В.Д. Сухоруков, ждала странная судьба. Как сообщалось в первом издании его «Статистического описания Земли Донских казаков» (издании, вышедшем через полвека после смерти автора), молодого офицера, работавшего по правительственному заданию над составлением книги по истории и статистике донского края, после событий 1825 г. заставили сдать «все совершенно материалы, и чтобы ни одной из бумаг этих и никакого с них списка или копии не выданным не осталось» (Сухоруков, 1891: II). После этого рукописи дорабатывались и переделывались другими лицами, значительно смягчавшими многие места. «После опалы на В. Сухорукова сочинения его процеживались через густую подозрительность Богдановича (преданного правительству генерала – А.П.), и более видные места по непосредственному его указанию урезывались и переделывались», – сообщал на этот счет младший современник историка И.С. Ульянов (Коршиков, Королев, 2001: 13). Поэтому вопрос о том, насколько полно материалы В.Д. Сухорукова о донских крестьянах отражают истинную точку зрения автора, остается открытым. Почти наверняка имела места если не цензура внешняя, то самоцензура близкого к декабристам общественного деятеля, прекрасно понимавшего неуместность критики крепостного права в книге, написанной по правительственному заказу.

В подобных условиях В.Д. Сухоруков отказался от прямой оценки самого факта существования крепостного права на Дону; не критиковал он и правительство, допустившее крепостничество на традиционно не имевшую его территорию. Тем не менее, донской автор сумел найти довольно остроумный способ продемонстрировать аморальность донского крепостного права. Несколькими предложениями он показал, что своим возникновением донское крепостничество было обязано казачьей верхушке, донскому чиновничеству, обманом захватившему множество «малороссиян, приходивших на Дон исстари, но всегда с намерением поступать в казачье звание» (Сухоруков, 1891: 90). В интерпретации

В.Д. Сухорукова крепостные появились в Войске Донском так: «Многочисленные толпы малороссийских казаков и крестьян, прельщенные украшенными слухами о привольной и выгодной жизни на Дону, оставив жилища свои, приходили в пределы войска, как и прежде, с намерением поступать в казаки. Но донские чиновники, под разными предложениями самопроизвольно поселивши их на общественных войсковых землях, записали за собою и назвали их крестьянами» (Сухоруков, 1891: 90). Более того, по В.Д. Сухорукову, донские чиновники обманывали не только крестьян, но и власти, поскольку до 1796 г. их владение крепостными «не было дозволено никаким гласным законом» (Сухоруков, 1891: 90). Для основной же массы казаков появление крепостных на Дону было «вовсе бесполезным», и В.Д. Сухоруков одобрял действия правительства как по запрету перевода крепостных на Дон, так и по обращению в казаки крестьян, числившихся не за конкретным помещиком, а за станицей (Сухоруков, 1891: 90-91).

Таким образом, предложенную В.Д. Сухоруковым концепцию возникновения крепостного права на Дону можно назвать «антидворянской». В ее рамках вину за распространение на Дон крепостничества следовало возложить исключительно на узкий круг донских чиновников, будущих дворян. При этом для классика донской истории характерна еще одна особенность, вероятно, вызванная спецификой времени: само крепостное право он не осуждал и о его чуждости донским традициям вольности не писал, концентрируя свой критический пыл исключительно на обмане, при помощи которого крепостничество было распространено на территорию Войска Донского.

И если не критическое восприятие крепостного права, как мы увидим ниже, пришлось по душе другим казачьим автором, то с «антидворянским» элементом сочинений В.Д. Сухорукова начали скрыто полемизировать уже в 1860 гг., до публикации его трудов (они были доступны в рукописи, на что указывал ряд современников (Краснов, 1863: 4)). И.И. Краснов, один из крупнейших донских помещиков, опубликовал тогда статью «Малороссияне в Войске Донском». Хотя с ее оригиналом ознакомиться мы не смогли, известный историк В.Н. Королев отмечал, что И.И. Краснов возлагал ответственность за донское крепостное право на Г.А. Потемкина, «усиленно раздававшего на Дону местным владельцам войсковые земли для более успешного их заселения» (Королев, 1991: 225). При всем отличии этой «антиправительственной» трактовки возникновения крепостного права на Дону от «антидворянской» их объединяло то, что, с одной стороны, зарождение донского крепостничества представлялось этим автором чем-то постыдным, недостойным уважения, а, с другой, сама логика рассуждений их строилась так, чтобы снять ответственность за это событие с основной массы казачества.

Почему же И.И. Краснов, человек весьма либеральных взглядов, не поднял вопроса о аморальности существования уже возникшего в казачьей среде крепостничества? В 1860 гг., с учетом ослабления цензуры, это уже не было невозможным. И все же уподобление крепостничества рабству, возникшее у более поздних донских авторов, в работах казаков, заставших его лично, непредставимо. Дело в том, что к середине XIX в. на Дону было 2 904 помещика из казаков, владевших крепостными (Краснов, 1863: 227). Учитывая членов их семей, друзей и родственников, можно считать, что едва ли не вся донская элита была связана с крепостничеством, и оно воспринималось как норма даже людьми, сочувствующими русским крестьянам. В этой связи показательно, что И.И. Краснов не только пытался переложить вину за введение крепостного права в Войске Донском на имперские власти, но и в своей общественной деятельности заступался за интересы крестьян, «братьев наших по происхождению, языку и религии, братьев, которые единодушно с нами разделяют усердие к святой Христианской Вере и чувства преданности к престолу и отечеству» (ГАРО. Ф. 243. Д. 28. Л. 254). Но при этом личность будущего генерала и писателя в значительной степени сложилась в имении своего деда, И.К. Краснова, в котором, судя по описываемой зажиточности, имелись крепостные (Воспоминания..., 1873: 369-370). Да и долгое время бывший близким другом И.И. Краснова И.С. Ульянов, кстати, ярый защитник казачьих традиций и вольностей, уже в сознательном возрасте приобрел небольшое имение с 29 крепостными крестьянами (Морозова, 2007: 308-327). Таким образом, остается констатировать, что для донских авторов XIX в., сформировавшихся в эпоху крепостного права, вопрос о том, как сочетаются казачья вольность и «рабство»

просто не стоял: они выросли в среде, где это сочетание было свершившимся фактом, они принимали крепостное право как данность и не рефлексировали по его поводу.

Вполне естественно, что со временем появились и люди, пытавшиеся обосновать процесс закрепощения казаками единоверцев и современников, великорусских и малороссийских крестьян. В 1863 г. было, наконец, опубликовано первое официальное историко-статистическое описание Земли Войска Донского, выполненное сыном И.И. Краснова, Н.И. Красновым (Краснов, 1863). Н.И. Краснов во многих местах дословно воспроизводил известный ему неопубликованный текст В.Д. Сухорукова, что, впрочем, было нормой для донской историографии того времени. Однако молодой исследователь почти полностью убрал обвинения в отношении донских чиновников, и включил историю о призыве ими переселенцев на Дон в совершенно иной контекст, в корне меняющий логику предшественника.

Прежде всего, с точки зрения Н.И. Краснова, российские крестьяне шли в земли Войска Донского не «прельщенные украшенными слухами о привольной и выгодной жизни», но потому, что в казачьих станицах их действительно ждала «привольная жизнь богатой естественными дарами донской земли» (Краснов, 1863: 193). Более того, Н.И. Краснов писал, что в привлечении зависимых крестьян были заинтересованы прежде всего не донские чиновники или представители имперской власти, но простые казаки. Согласно его версии, крестьянство появлялось в станицах так: «Донцы, со времени Петра Великого, не могли самовольно производить набеги на турок и татар и тем поддерживать свое материальное благосостояние. Находясь же по распоряжению русского правительства почти на постоянной службе, они принимали к себе беглецов от великороссийских и малороссийских помещиков соседних областей. Этим беглецам казаки отдавали свои земли для обработки. Вместе с этим от казаков нанимались особенные промышленники, которые уговаривали крепостных крестьян, а также других людей бросать свои прежние земли и поселяться на Дону» (Краснов, 1863: 193). Из дальнейшего текста Н.И. Краснова следует, что правительство об этой практике прекрасно знало и фактически узаконило ее в 1761 г., когда, в ходе третьей ревизии, крестьяне были приписаны к станицам, в которых они помогали по хозяйству (Краснов, 1863: 193). А после этого «старшины и атаманы» естественно начали принимать беглых с еще большим желанием, порой записывая их за собой, а не за станицами (Краснов, 1863: 193). Далее Н.И. Краснов дословно воспроизводил большой кусок сухоруковского текста, оставляя обвинение донских чиновников в обмане крестьян, бегущих на Дон в надежде получить казачье звание, но, исходя из логики предыдущих рассуждений, снимая с них обвинения в обмане правительства и незаконном приписывании себе беглых (Краснов, 1863: 193).

Таким образом, в интерпретации Н.И. Краснова, появление на «вольном Дону» зависимого населения было следствием не алчности донских чиновников или ошибки Г.А. Потемкина. Это было логическим и неизбежным следствием подчинения казаков Российской империи. Запретив казакам ходить в мирное время в набеги на соседей и увеличив число казачьих частей в российской армии, власти вынуждали Войско Донское создать на Дону группу населения, которая поддерживала бы казачьи хозяйства в отсутствие мужчин, чья служба не приносила прежнего богатства. Более того, возлагая ответственность за появление крепостного права на Дону на всех казаков и подчеркивая объективность этого процесса, Н.И. Краснов делал и следующий шаг в оправдании донского «рабства», доказывая, что донским крепостным, вообще-то, жилось совсем неплохо. Кратко останавливаясь на этом сюжете, исследователь постулировал, что «положение донских крестьян сравнительно было лучше, чем в других губерниях, по обширности угодий помещиков и плодородию почвы» (Краснов, 1863: 236). Это не значит, что донской автор считал положение бывших крепостных не нуждающимся в улучшениях; напротив, он подчеркивал, что в ходе грядущих реформ Войска Донского нельзя забывать о «мерах для благоденствия временно-обязанных крестьян, этой трети населения донской земли, предки которых носили иногда славное имя малороссийских и запорожских казаков» (Краснов, 1863: 232). Но факт остается фактом: тенденция к некритическому принятию существования крепостного права на Дону, характерная для донских авторов, росших и воспитывавшихся до 1861 г., именно у Н.И. Краснова превратилась, по сути, в оправдание того, что исследователи следующего поколения назовут «белым рабством».

И, судя по всему, именно идеи Н.И. Краснова, а не его отца или В.Д. Сухорукова, наиболее соответствовали представлениям его образованных современников о донском крепостном праве. Во всяком случае, когда в 1867 г. вышла статья А.А. Карасева «Донские крестьяне», которую уже П.П. Сахаров определял как «самую крупную в донской историографии работу по разбираемому вопросу», ее автор продолжил развивать оправдательную тенденцию по отношению к донскому крепостничеству (Сахаров, 1911: 49). «А.А. Карасев настойчиво проводит мысль, будто бы кратковременное, «не получившее крепкого права гражданства», крепостное право не успело пустить на Дону «глубокие, отупляющие нравственную жизнь корни», – писал на этот счет уже П.П. Сахаров (Сахаров, 1911: 49).

На самом деле, подобная трактовка несколько упрощает взгляды А.А. Карасева, известнейшего донского земского деятеля и краеведа, по крепостному вопросу. Прежде всего, следует подчеркнуть, что этот автор, в отличие от представителей семейства Красновых, крупным помещиком не был, и, соответственно, лично в оправдании крепостничества не был заинтересован; с другой стороны, он придерживался либерально-обличительных взглядов и даже издавал первую на Дону частную оппозиционную газету «Донской голос» (Донцы, 2003: 190-191). Вполне естественно, что на этом фоне А.А. Карасевым оказались востребованы «антидворянские» идеи В.Д. Сухорукова. Более того, именно А.А. Карасев первым из донских авторов поднял вопрос о аморальности крепостного права в его классическом варианте: «Чины создали аристократию, аристократия – роскошь, роскошь потребовала больших материальных средств для жизни – и братья по языку и вере перестали быть братьями до тех пор, пока на троне Александра II не заблистала яркая звезда освобождения» (Карасев, 1867: 74). Однако еще более востребованы донским автором оказались идеи Н.И. Краснова о сравнительной мягкости и естественности специфически донской версии крепостничества. А.А. Карасев противопоставлял немногочисленной донской крепостнической аристократии большинство донских помещиков, «бывших членами тех же станиц, не признававших в домашней жизни до настоящего столетия ни чинов, ни породы, а, следовательно, и далеких от угнетения своих братьев по языку и вере» (Карасев, 1867: 74). Понятно, что, в рамках подобной концепции А.А. Карасев использовал именно предложенный Н.И. Красновым вариант возникновения крепостного права на Дону: по его мнению, крестьяне вполне осознанно шли в «привольные донские степи», чтобы «поступить в услужение или станичных обществ, или именитых и зажиточных отдельных лиц» (Карасев, 1867: 72). Более того, из описания прихода в Донское Войско малороссийских крестьян впервые пропал сюжет о их обмане местными чиновниками, селившими крестьян на своей земле и записывавшими их в крепостные: согласно А.А. Карасеву, крестьян информировали о том, что их селят в качестве зависимых работников, и даже сразу обговаривали количество льготных дней в неделю (Карасев, 1867: 73). А завершая свою статью, исследователь делал такой вывод: «Если бы не запутанность в устройстве судьбы юртовых крестьян и не неоконченное до сих пор обмежевание владельческих дач, то, судя по общей готовности помещиков и крестьян поскорее закончить обязательные отношения, дело это в настоящее время уже приходило бы к концу так, что оставались бы на Дону едва заметные следы крепостного права, жившего здесь так не долго» (Карасев, 1867: 118).

Нам остается подвести некоторые итоги. Как мы видим, до 1860 гг. позиция важнейших донских авторов по вопросу распространения крепостного права в казачьей среде была не идентичной, но близкой в том плане, что все они принимали существование крепостничества на Дону за естественный, не подлежащий критике факт. При этом тенденция к оправданию донского крепостничества скорее нарастала, и жестче всего о его появлении писал еще В.Д. Сухоруков. Но, возможно, еще любопытнее то, что именно в это время возникли идеи, вовсе снимавшие с казаков ответственность за закрепощение крестьян. Авторы этого времени или доказывали, что донское крепостное право было крайне мягким (Н.И. Краснов), или возлагали ответственность за его появление на посторонних лиц/узкую группу донских чиновников (И.И. Краснов и В.Д. Сухоруков), или даже объединяли обе эти тенденции (А.А. Карасев). Таким образом, о осознании донскими казаками своей вины перед крепостными крестьянами говорить не приходится. Антикрепостническая линия в литературе и общественной мысли, характерная для России в

целом, на территории Земли Войска Донского развития не получила. Скорее можно говорить о неуверенной идеализации донского крепостного права, робких попытках рисовать идиллическую картину добрых отношений крепостных и помещиков-казаков, чуждых самой идеи подчинения человека человеку. Но и эти попытки были редкими и малочисленными, а в целом рефлексии проблемы закрепощения казаками крестьян не наблюдалось, и историография крепостничества на Дону была представлена всего одной серьезной специальной работой, статьей А.А. Карасева (труды других авторов затрагивали проблему крепостного права в казачьей среде, но, в целом, были посвящены другим сюжетам).

После того, как крепостное право окончательно ушло в прошлое, интерес донских исследователей к нему почти полностью сошел на нет. В публикациях же на другие темы донское крепостничество если и упоминалось, то в крайне идеализированном виде. Мы ограничимся примером из классического в донской историографии «Статистического описания Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова, написанного в конце 1870-начале 1880 гг.: «Указы, повторявшиеся с того времени очень часто, не могли остановить движения переселенцев, коих привлекали слухи о привольной на Дону жизни. <...>. Немало крестьян было записано также и за бригадиром Краснощековым, который открыто принимал на свои хутора беглых, давал каждому из них по 5 руб. на обзаведение и освобождал от всяких работ на себя в течение 5 лет. В старшинских хуторах жилось очень легко, что видно из отписок, посылаемых переселенцами своим землякам, коим они обыкновенно говаривали: «Никаких поборов и тягостей у нас не бывает» (Номикосов, 1884: 29-30). Крестьяне, своевольно бегущие на Дон, чтобы привольно жить на землях местных чиновников; их новые хозяева, в числе которых были признанные герои донского казачества, освобождающие крестьян от повинностей и дающие деньги на обустройство; восторг перебравшихся на новое место переселенцев – более благостную картину сложно даже представить!

Коренное изменение ситуации произошло только в начале XX в. В это время выходят две книги, П.П. Сахарова и Е.П. Савельева, специально посвященные истории зависимого населения Дона. Особенно любопытна работа П.П. Сахарова. Дело в том, что он был одним из первых донских историков, получивших соответствующее образование (в Харьковском университете), и даже удостоенным в студенческие годы золотой медали за свою научную работу (Мининков, 2015: 198-200). В то же время молодой историк придерживался крайне правых взглядов и был русским националистом, выступавшим против активно проявлявшего себя в 1910 гг. национализма казачьего (Мининков, 2015: 198-200). В итоге «Белое рабство на Дону» П.П. Сахарова, с одной стороны, в качественном отношении является бесспорно лучшей дореволюционной работой о зависимых людях в среде донского казачества, а, с другой, автор, несмотря на в целом высокую оценку подвигов и нравов казаков, открыто выступал против идеализации не только крепостничества, но и рабства на Дону вообще.

Это не неточность и не описка. П.П. Сахаров, в отличие от своих предшественников, рассматривал рабство как нечто, свойственное казакам изначально, еще до распространения в их среде крепостного права. Более того, он прямо обвинял сторонников идей о природном демократизме и «народоправстве» первых донских казаков в серьезном искажении фактов. Историк утверждал, что «уже к 1580 гг. временами проявлялась бессердечная жестокость некоторых крепостнических элементов не к одним пленным врагам-мусульманам, но и к отбитым у них людям из своей же братии христиан» (Сахаров, 1911: 7). Далее П.П. Сахаров приводил пример бытования у казаков в XVI в. не крепостничества, а откровенного рабства, с перепродажей пленников-христиан мусульманским торговцам (Сахаров, 1911: 7-8). И, в заключение, молодой автор ехидно писал, обращаясь к своим политическим противникам: «Этот пример инстинктов и настроений известного круга расслоившегося казачества не гармонирует, конечно, с известным образом казака-друга свободы и равенства, борца за веру и народность» (Сахаров, 1911: 8-9).

Таким образом, в интерпретации П.П. Сахарова, рабство проникло на Дон не в XVIII в., а в XVI в. И не удивительно: историк подчеркивал, что в числе первых казаков были дворяне и боярские дети, привыкшие иметь собственных крестьян и отправившиеся на Дон с целью обогащения (Сахаров, 1911: 8-9). И, хотя историк далее вполне признавал тот отмеченный Н.И. Красновым факт, что с эпохи Петра Великого «Дон чрезвычайно нуждался в притоке

новых людей для исполнения хозяйственных работ за отсутствовавших мужчин-хозяев», он, в отличие от своих предшественников, отнюдь не оправдывал на этом основании донских чиновников, воспользовавшихся ситуацией и закрепостивших тысячи переселенцев (Сахаров, 1911: 14). Напротив, П.П. Сахаров с праведным пафосом критиковал донскую элиту: «Старшины, под вечной грозой опалы сверху за укрывательство и нерадивый сыск, не знали зато удержу для своего произвола в деле материальной и нравственной эксплуатации рядового казачества и несчастных русских рабов, бежавших к казакам, якобы на свободу» (Сахаров, 1911: 14). Как мы видим, историк развил и усилил «антидворянскую» концепцию зарождения крепостного права в Донском Войске, предложенную еще В.Д. Сухоруковым, но затем вытесненную или смягченную представлением о «идеальном», выгодном для крестьян донском крепостничестве.

Что касается положения самих «белых рабов», то оно, по мнению П.П. Сахарова, с самого начала было тяжелейшим. Для XVII в. он считал характерной «угрозу Фрола Минаева перерезать своих рабов-татар» (Сахаров, 1911: 48). В XVIII в. «крепостных, по их показаниям и официальным свидетельствам, всячески томили и нещадно били» (Сахаров, 1911: 49). В XIX в. «три дня барщины не были на Дону редкостью, как и телесные наказания» (Сахаров, 1911: 49). И даже в начале XX в. в некоторых поселениях доживали люди, «помнившие жестокость панского “ката” Захарова; в растлевающей общественные нравы атмосфере крепостных отношений эти каты-палачи играли значительную и свирепую роль» (Сахаров, 1911: 50). Таким образом, именно П.П. Сахаров разрушил миф о сравнительной легкости донского крепостничества и обвинил донское дворянство, причем не только высшее, а всю его массу, в крайне жестком отношении к своим братьям по племени и по вере.

Еще важнее, что молодой историк направлял свою критику не только на давно исчезнувшее крепостное право, но и на «апологета донских рабовладельцев» А.А. Карасева (Сахаров, 1911: 50). П.П. Сахаров обвинял своего предшественника в том, что последний «раньше своего заключения напрасно не попробовал поставить на мгновение самого себя на место крестьянина, обязанного тремя днями барщины» (Сахаров, 1911: 50). На наш взгляд, это было очень важное смещение акцентов, невозможное у автора, сформировавшегося до 1860 гг. Если первые исследователи крепостничества на Дону только сравнивали донское крепостное право с крепостным правом российским, констатируя сравнительную легкость положения местных крестьян, то П.П. Сахаров, наконец, задался вопросом о аморальности крепостного права вообще и о ответственности казаков, претендовавших на то, что они являются носителями вольности и свободы, не только за закрепощение, но и за использование крепостных.

Нам остается констатировать, что из всех рассмотренных нами работ «Белое рабство на Дону» П.П. Сахарова наиболее критично по отношению к донскому казачеству. Хотя автор и пытался переложить основную вину за существование «белого рабства» на донских дворян, из его работы следовало, что с самого начала существования Донского Войска рабы-христиане на его территории были нормой, а своей вины перед русскими крестьянами, шедшими на Дон за свободой, а попавшими в кабалу, казачество так и не осознало.

И вполне естественно, что идеи П.П. Сахарова очень скоро были оспорены его политическими противниками, националистами не российскими, но казачьими. В 1917 г. один из ключевых идеологов казачьего национализма, Е.П. Савельев, опубликовал свой труд «Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим» (Савельев, 1917). Е.П. Савельев – самый известный из рассматриваемых нами авторов, человек, которому современные исследователи посвящают специальные статьи, создатель скандальных трудов о баснословно древнем, восходящем к дотроянским и доиудейским временам, происхождении казачества (Стегленко, 2016: 66-69). И если П.П. Сахаров довел до предела «сухоруковскую», обличительную тенденцию в дореволюционной историографии донского крепостничества, то Е.П. Савельев, напротив, абсолютизировал тенденцию «красновскую», оправдательную.

С его точки зрения, изначально в бегстве крестьян на Дон было виновато русское правительство, в XVII в. создавшее абсолютно невыносимые для простого люда условия: «Например, за долги помещиков и вотчинников отвечали их крестьяне, хотя они ни в чем не были виновны; их держали сколько хотели у приказной избы, били по ногам и всячески истязали, пока не доводили до увечья» (Савельев, 1917: 17). А в Донском Войске пришельцев, напротив, ожидали «простор и свобода», и ничто не мешало им «вступить в ряды

казацества» (Савельев, 1917: 19). Более того, сами казаки испокон веков были «поборниками народной свободы и независимости», и защищали крестьян от царского произвола (Савельев, 1917: 21). В интерпретации Е.П. Савельева даже булавинское восстание произошло из-за того, что станичники не приняли «насилия Долгорукова (правительственного чиновника, пришедшего за беглыми – А.П.) над крестьянами» и, увидев это насилие, «восстали от самого Бузулука и Хопра до Донца» (Савельев, 1917: 21).

Откуда же тогда вообще взялось крепостное право на совершенно чуждом ему вольном Дону? Е.П. Савельев вполне предсказуемо обвинял в этом имперское правительство. В отличие от всех своих предшественников, он отказывался рассматривать крестьян, переселившихся в XVIII в. на земли донских чиновников, как зависимое население. Казацкий националист горячо доказывал, что это были «в сущности, свободные землепашцы», жившие в замечательных условиях: «Податная часть была организована образцово и, к чести казаков того времени, злоупотреблений в сборе податей почти что не было» (Савельев, 1917: 27). Но идиллические отношения вольных крестьян и казаков разрушило правительство, в 1796 г. зачем-то закрепившее донских крепостных за местными чиновниками. «В 1796 году и для донских крестьян наступил свой «Юрьев день», запоздавший против московского на 200 лет, и бедному донскому крестьянству суждено было также нести тяготу крепостной зависимости, как и в остальной России», – сообщал на этот счет Е.П. Савельев (Савельев, 1917: 28). После всего вышесказанного совершенно предсказуемо, что донской автор, хотя и позволил себе довольно мягкую критику донских помещиков, перенявших привычки русских бар, все же оказался не готов поставить знак равенства между донским и российским крепостным правом (Савельев, 1917: 30). Правда, он признавал, что в компактно расположенных крестьянских поселениях Миусского и Донецкого округов «царили такой гнет и произвол, которые памятливы и до сих пор старожилам» (Савельев, 1917: 35). И все же Е.П. Савельев считал, что на остальных крестьян, живущих в казачьих станицах, напротив, казаки оказывали положительное влияние «живым примером свободы личности и инициативы своего труда» (Савельев, 1917: 35).

Нам осталось подвести итог, констатируя, что Е.П. Савельев не только смягчал, насколько это возможно, тяжесть крепостного права на Дону, но и максимально перекладывал вину за него с казаков на правительство. При этом, в отличие от профессионального историка П.П. Сахарова, обосновавшего свои новые идеи прежде не вовлекаясь в научный оборот фактами, Е.П. Савельев в основном пересказывал факты уже известные, но давая им новую, зачастую крайне сомнительную трактовку, например, без всяких обоснований называя переселявшихся на земли донской старшины в XVIII в. крестьян не зависимым населением, но «свободными землепашцами». Однако появление его работы, пусть и достаточно слабой фактически, было симптоматично. Пока исследователи просто констатировали факт существования крепостничества на Дону, еще и идеализируя его формы, социального заказа на такую книгу не было. Но после публикации книги о «белом рабстве» в казачьей среде, после брошенных П.П. Сахаровым обвинений в том, что казаки с зари своей истории до 1861 г. практиковали рабовладение, создание ответной, оборонительной публикации, защищающей миф о «казаке-друге свободы и равенства, борце за веру и народность», последовало очень быстро.

5. Заключение

В наши дни проблема ответственности за преступления предыдущих поколений очень остро стоит в наиболее развитых странах. В то же время для российской культуры признание подобной вины в целом не характерно. «В нашей стране принято не «преодолевать» прошлое, а гордиться им. Если современных берлинских школьников, чтобы они знали и помнили об ужасах уже далекого от них прошлого и учились «преодолевать» его, приводят в музей бывшего нацистского концлагеря Заксенхаузен, то их московских сверстников водят на экскурсии в Кремль, Исторический музей и Оружейную палату – гордиться великим имперским и советским прошлым, славными военными победами предков, блеском оружия, орденов, золота и бриллиантов», – пишет об этом профессор Б.Л. Хавкин (Хавкин, 2019: 37). И на первый взгляд достаточно экзотический пример историографии рабства в среде донских казаков хорошо иллюстрирует этот тезис.

Прежде всего, следует отметить, что образ казака-рабовладельца оказался почти полностью вытеснен из исторической памяти. Хотя, как мы видели, рабство в казачьей среде восходит к XVI в., а к 1860 г. в Донском Войске жили тысячи крепостников и сотни тысяч крепостных, даже у современников и ближайших потомков парадокс крепостного права на вольном Дону не вызвал особенного интереса. Работы же казачьих авторов на эту тематику не столько раскрывали проблему, сколько маскировали ее, в предельном варианте (у С.Ф. Номикосова и Е.П. Савельева) рисуя идиллическую картину счастливых крестьян, сбежавших от угнетавших их хозяев к добрым донским чиновникам. Таким образом, сама проблема ответственности бывших хозяев перед бывшими рабами снималась: они описывались не как угнетенные и угнетатели, но как благодетели и благодетельствуемые. Если же жестокость отдельных проявлений крепостничества и признавалась, то вина за них возлагалась на узкую группу богатейших донских дворян, группу, оторвавшуюся от казачества и усвоившую порядки «аристократов» или русских бар.

Более того, со временем идеализация донского крепостного права только усиливалась. Пропадали сюжеты о старшине, обманом закабалившей людей, мечтавших стать казаками; появление крепостничества в Донском Войске представлялось все более и более объективным процессом; даже положение крепостных со временем описывалось все благоднее. Понятно, что на этом фоне сочувствие к крестьянам со временем скорее ослабевало. Как ни парадоксально, вопрос о том, что интересы крепостных «братьев наших по происхождению, языку и религии» должны учитываться при реформах казачьего края, оказался полнее всего представлен в творчестве представителей богатого семейства Красновых, причем представителей, заставших времена, когда их род владел крепостными.

На этом фоне отдельные авторы, жестко писавшие о вине казаков перед крестьянами, прежде всего, В.Д. Сухоруков и П.П. Сахаров, встречались с серьезной критикой своих работ. Характерно, что критика эта была в значительной мере заочной и непрямой: их оппоненты не указывали прямо, чьи идеи они опровергают, но фактически выстраивали свои доводы так, чтобы снять с казаков ответственность за «белое рабство». И, в конечном счете, их борьба увенчалась успехом. Современные казаки обычно хорошо знают заслуги казачества перед остальным народом России, а вот о порабощении казаками единоверцев, практиковавшемся в XVI-XIX в., даже не подозревают. И нам остается констатировать: с помощью идеализации донского крепостничества, и переложения вины за его введение на высшее дворянство и власти, дореволюционные донские авторы смогли оправдать «белое рабство» на Дону, по крайней мере в своих глазах и глазах многих своих читателей.

Литература

Воспоминания..., 1873 – Воспоминания старого донца. Из посмертных записок генерал-лейтенанта Краснова // *Военный сборник*. 1873. № 12. С. 363-380.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Донцы, 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.

Карасев, 1867 – Карасев А.А. Донские крестьяне // *Труды Донского Войскового статистического комитета*. Вып. I. Новочеркасск, 1867. С. 69-121.

Карасев, 1871 – Карасев А.А. Василий Дмитриевич Сухоруков. Донской писатель // *Русская старина*. 1871. Т. III. С. 236-240.

Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.

Коршиков, Королев, 2001 – Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // *Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского*. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.

Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Краснов, 1909 – Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.

Мининков, 2015 – Мининков Н.А. Письма П.П. Сахарова Х.И. Попову // *Донской временник*. 2015. Вып. 23. С. 198-200.

Морозова, 2007 – Морозова О.М. «Выдающийся донец»: генерал-майор И.С. Ульянов // *Человек второго плана в истории*. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2007. С. 308-327.

- Номикосов, 1884** – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- Попов, 1814** – *Попов А.Г.* История о Донском Войске. Ч. I. Харьков, 1814. 196 с.
- Ревин, 2005** – *Ревин И.А.* Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в.-1861 г. Ростов-на-Дону, 2005. 188 с.
- Савельев, 1917** – *Савельев Е.П.* Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьем. Новочеркасск, 1917. 80 с.
- Сахаров, 1911** – *Сахаров П.П.* Белое рабство на Дону. К 50-й годовщине освобождения донских крестьян. Новочеркасск, 1911. 52 с.
- Сватиков, 1924** – *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549 – 1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
- Стегленко, 2016** – *Стегленко Е.В.* Е.П. Савельев о взаимоотношениях русских властей и войска донского и инкорпорации казачества в состав России // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2016. № 1 (189). С. 66-69
- Сухоруков, 1891** – *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822-1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.
- Хавкин, 2019** – *Хавкин Б.Л.* «Особые пути» России и Германии в XX веке: «преодоление прошлого» в культуре памяти // *Новое прошлое.* 2019. № 3. С. 26-43.
- Cherkasov, 2011** – *Cherkasov A.A.* All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history.* 2011. № 2 (10). Pp. 138-149.
- Volvenko, 2016** – *Volvenko A.A.* Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s) // *Russkaya starina.* 2016. Vol. (17), Is. 1. Pp. 33-40.

References

- Cherkasov, 2011** – *Cherkasov, A.A.* (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history.* 2(10): 138-149.
- Dontsy, 2003** – *Dontsy XIX veka [Don Cossacks of the XIX century].* Rostov-on-Don. 2003. 599 p. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].
- Karasev, 1867** – *Karasev, A.A.* (1867). Donskie krest'yane [The peasants of Don]. *Works of the Don Host statistical committee.* Vol. I. Novocherkassk. Pp. 69-121. [in Russian]
- Karasev, 1871** – *Karasev, A.A.* (1871). Vasilii Dmitrievich Sukhorukov. Donskoi pisatel' [Vasilii Dmitrievich Sukhorukov. The Don writer]. *Russkaya starina.* T. III. Pp. 236-240 [in Russian]
- Khavkin, 2019** – *Khavkin, B.L.* (2019). «Osobyie puti» Rossii i Germanii v XX veke: «preodolenie proshlogo» v kul'ture pamyati [«Distinct ways» of Russia and Germany in the XX century: «overcoming the past» in the culture of memory]. *Novoe proshloe.* 3: 26-43. [in Russian]
- Korolev, 1991** – *Korolev, V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Starye Veshki. A narrative about Cossacks]. Rostov-on-Don. 464 p. [in Russian]
- Korshikov, Korolev, 2001** – *Korshikov, N.S., Korolev, V.N.* (2001). Istorik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» [The Don historian V.D. Sukhorukov and his «Historical description of the Don Host Oblast»]. *Sukhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo.* Rostov-on-Don. Pp. 7-18. [in Russian]
- Krasnov, 1863** – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. 596 p. [in Russian]
- Krasnov, 1909** – *Krasnov, P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tikhogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. 522 p. [in Russian]
- Mininkov, 2015** – *Mininkov, N.A.* (2015). Pis'ma P.P. Sakharova Kh.I. Popovu [The letters of P.P. Sakharov to Kh.I. Popov]. *Don vremennik.* 23: 198-200. [in Russian]
- Morozova, 2007** – *Morozova, O.M.* (2007). «Vydayushchiysya donets»: general-maior I.S. Ul'yanov [«A distinguished Don Cossack»: general-major I.S. Ul'yanov]. *Chelovek vtorogo plana v istorii.* Vol. 4. Rostov-on-Don. Pp. 308-327. [in Russian]
- Nomikosov, 1884** – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. 774 p. [in Russian]
- Popov, 1814** – *Popov, A.G.* (1814). Istoriya o Donskom Voiske. Ch. I. [A story about the Don Host. Ch. I.]. Kharkov. 196 p. [in Russian]

Revin, 2005 – Revin, I.A. (2005). Stanovlenie krest'yanskogo sosloviya na Donu i v Priazov'e: vtoraya polovina XVIII v.-1861 g. [Establishment of the peasantry estate on the Don and in Pryazovia: second half of the XVIII century – 1861]. Rostov-on-Don. 188 p. [in Russian]

Sakharov, 1911 – Sakharov, P.P. (1911). Beloe rabstvo na Donu. K 50-i godovshchine osvobodzheniya donskikh krest'yan [White slavery on the Don. To 50th anniversary of the Don peasants' emancipation]. Novocherkassk. 52 p. [in Russian]

Savel'ev, 1917 – Savel'ev, E.P. (1917). Krest'yanskii vopros na Donu v svyazi s kazach'im [Peasant matter on the Don in relation to Cossack]. Novocherkassk. 80 p. [in Russian]

Steglenko, 2016 – Steglenko, E.V. (2016). E.P. Savel'ev o vzaimootnosheniyakh russkikh vlastei i voiska donskogo i inkorporatsii kazachestva v sostav Rossii [E.P. Savel'ev on the relationships of Russian government and the Don Host and the incorporation of Cossacks into Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 1(189): 66-69 [in Russian]

Sukhorukov, 1891 – Sukhorukov, V.D. (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822-1832 godakh [Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in years 1822-1832]. Novocherkassk. 302 p. [in Russian]

Svatikov, 1924 – Svatikov, S.G. (1924). Rossiya i Don (1549 – 1917 gg.) [Russia and the Don (1549 – 1917)]. Belgrade. 592 p. [in Russian]

Volvenko, 2016 – Volvenko, A.A. (2016). Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s). *Russkaya starina*. 17(1): 33-40.

Vospominaniya..., 1873 – Vospominaniya starogo dontsa. Iz posmertnykh zapisok general-leitenanta Krasnova [Memories of an old Don Cossack. From the posthumous notes of general-lieutenant Krasnov]. *Voennyi sbornik*. 1873. 12: 363-380. [in Russian]

Восприятие «белого рабства» донскими дореволюционными авторами: механизмы критики и самооправдания

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия донскими казаками XIX-начала XX вв. крепостного права на территории Войска Донского. К этому времени уже сформировались традиционные образы казака как защитника земли русской (т. е., жителей этой земли) и/или природного сторонника народоправия. Понятно, что факт распространения сначала рабства, а затем крепостного права в казачьей среде никак не соответствовал подобным образам, и это противоречие даже сподвигло одного из первых профессиональных донских историков, П.П. Сахарова, написать специальное исследование, посвященное «белому рабству» (его оригинальный термин) на Дону.

Однако, проанализировав труды других донских авторов о крепостном праве в Войске Донском, мы пришли к выводу, что для казаков было характерно не признание ответственности за подчинение части русских крестьян, но, напротив, идеализация соответствующих сюжетов казачьего прошлого. Большая часть авторов либо вовсе не оценивала существования крепостного права на Дону, либо подчеркивала его сравнительную легкость. Со временем данная тенденция только нарастала, закончившись формированием концепции, в соответствии с которой крестьяне осознанно бежали на Дон, чтобы стать зависимыми у донских чиновников, создававших для них хорошие условия. Если отдельные случаи жестокости хозяев и признавались, то они приписывались узкому кругу высшего донского дворянства, оторвавшемуся от казачьей массы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю.Перетяtko)

Таким образом, пример восприятия донскими авторами «белого рабства» служит наглядной иллюстрацией того, как хозяева зависимого населения и их потомки оправдывают себя. В рамках логики большинства рассмотренных нами работ, бывшие крепостные в основной массе не страдали от своего положения. Если же отдельные авторы указывали на ошибочность такого восприятия, то их работы вскоре после выхода подвергались критике.

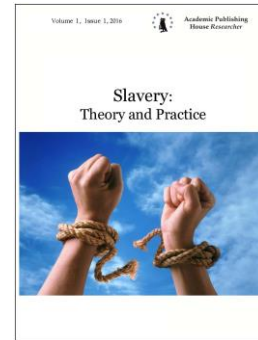
Ключевые слова: донское казачество, крепостное право, «белое рабство», механизмы коллективной памяти, региональная историография.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 63-73

DOI: 10.13187/slave.2020.1.63
www.ejournal43.com

Eastern European Slavery: An analysis of the Health and Productivity of Serf-Based Economy between the sixteenth and nineteenth centuries

Jacob Owusu Sarfo ^{a, b, c, d, *}

^a University of Cape Coast, Ghana

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The Eastern European system of the slave trade during the medieval and pre-modern periods had complex remote routes where slaves were captured through raids from various areas including Asia and other parts of Europe. Special economic interest for a specific race for specific purposes and prices were on the rise. The system of players in the slave trade in Eastern Europe comprised of the people, usually men who captured or kidnapped slaves, slave traders who served as middlemen, and clientele who slaved were auctioned too. These clientele were often the upper-class of society who used slaves for personal, socioeconomic, and military reasons. Though the slave trade as a concept existed in Eastern Europe as a multifaceted phenomenon, there is a paucity of published English scientific works on the history of slavery between the sixteenth and nineteenth centuries. The purpose of the study was to review the health, productivity, rights, and wages of slaves who were turned into serfs in Russia until 1723 under Peter the Great. Though popularly argued that Russian serfdom was introduced in this era, it has been noted by some scholars that it was never plainly institutionalised among households who owned slaves. I noted from the review of scholarly materials that though serfdom had serious economic implications, it was a mere change of name for household slaves in Russia. Slavery continued as owners regarded the law banning slavery and the sale of serf without land as an ordinary convention. This paper has implications for research on slavery.

Keywords: economy, Eastern Europe, slavery, slaves, serfs, Russia, sixteenth and nineteenth centuries.

1. Introduction

The concept of "serfdom" is a form of captivity that was practiced in parts of the world whereby servants were only traded with the land he or she tills (Wirtschafter, 1998). It had been described by scholarly works as one of the prevailing forms of slavery between the Russian upper-class and peasants in the 17th century following the abolition of slavery by Emperor Peter I in 1723 (Bohac, 1985).

In legal theory, Russian nobility and state were the sole entities who were allowed to engage in the selling and buying of serfs with lands (Nafziger, 2012; Melton, 1987; Wirtschafter, 1998). However, serfs were sold by other rich serfs and commercial entities openly on the market as slaves

* Corresponding author

E-mail addresses: sarfojo@gmail.com (J.O. Sarfo)

in Russian provinces (see Figure 1) and places outside the Russian Empire like Persia and the Ottoman Empire (Stanziani, 2008).

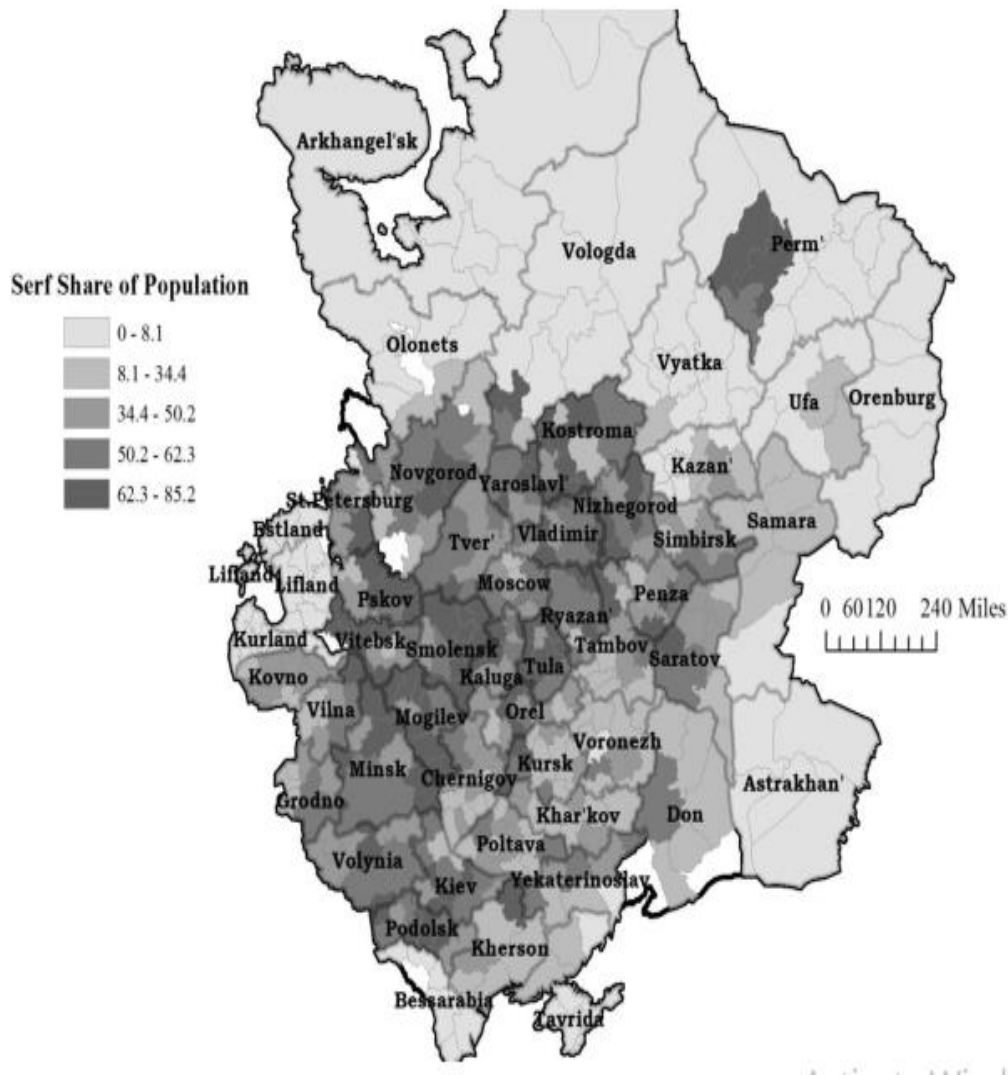

Fig. 1. Geographic Distribution of Serfdom by 1860
Source: Nafziger (2013).

With some socioeconomic interventions to reform the system of serfdom in Eastern Europe, Emperor Alexander I (r. 1801–1825) transform the laws regarding the practice. Consequently, serfs who were found in Estonia (1816) and those living in Courland (1817) were liberated and permitted all classes aside from the nobles of the society to own land. This land ownership excluded peasant serfs as they were still perceived as slaves in practice (McCaffray, 2005). As argued by Stanziani (2008), the concept of serfdom was problematic in practice in the state as it “*was never clearly introduced institutionally in Russia*” (p. 183).

This paper focuses on the subject of serfdom in the scope of Eastern European slavery, serfdom system, legal basis, productivity, and wages of slaves who were turned into serfs in Russia between the sixteen and nineteenth centuries. Furthermore, the paper analyses the problems associated with serfdom where laws regarding the theory of serfdom as an institution conflicted with its practice as the landowners violated the fundamental principles of human and labour rights of the peasants.

2. Materials and methods

2.1. The materials used in this study were obtained from scholarly publications and monographs of researchers such as Wirtschafter, Stanziani, McCaffray, Bohac, and others.

Furthermore, official websites of several historical societies in Europe and the world were also explored for information regarding slavery between the sixteen and nineteenth centuries.

2.2. The study was conducted mainly using the systematic review approach for historical analysis. According to Molchanova (2019), this method comprises “a variety of general research methods such as analysis, synthesis, comparison, specialization, etc.” (p. 20). This approach is also being used by several recent scholars in the field of slavery (Finkel et al., 2017; Such et al., 2020).

3. Discussion

3.1. Serfdom in the Russian State

The European Feudalism of which Russia was part consisted of a hierarchy where the King is at the topmost level. The King is followed by the nobles, the knights, and lastly the peasants (Metz, 2018). Russian peasants were initially free until the Russian State declared them the properties of the nobility who owned estates in the 1649 Code of Law (Sobornoye Ulozhenie).

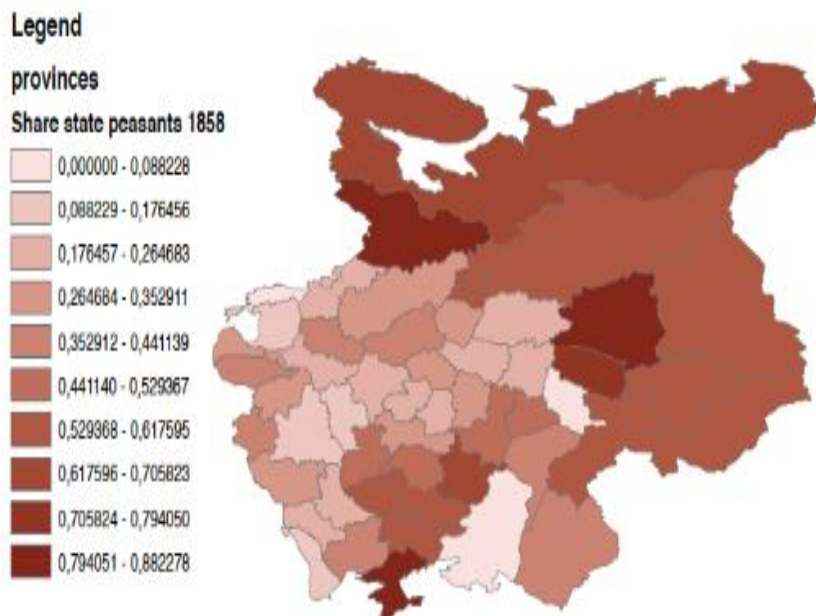

Fig. 2. Populations of state-owned serfs in the Russian State

Source: Markevich and Zhuravskayaa (2017)

Consequently, the relocation of peasants out of their estates without the permission of their landowners was seen as a criminal offense according to the serfdom regulation. All relocated peasants before the law was passed were called back to their respective estates and were seen as assets of their landholders. Serfdom in the Russian state was a key institution that was predominant between 1649 and 1861 (Markevich, Zhuravskayaa, 2017).

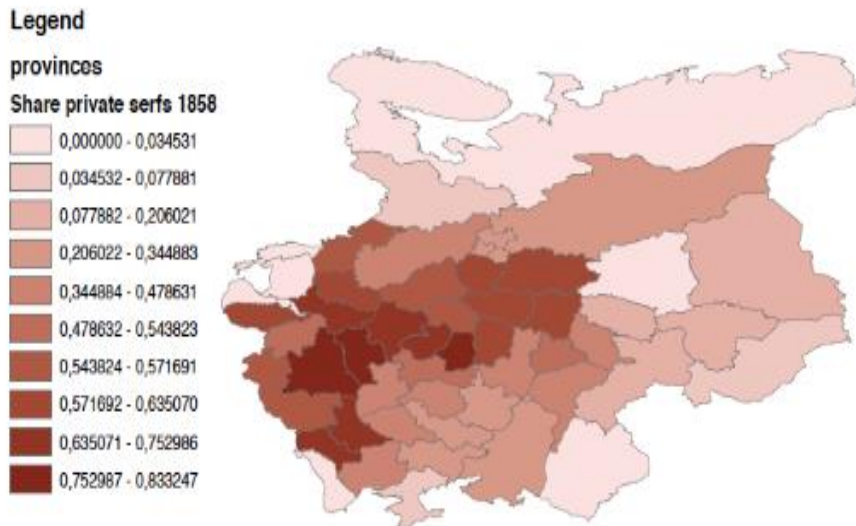

Fig. 3. Populations of privately-owned serfs in the Russian State
Source: Markevich and Zhuravskayaa (2017)

Prior to the liberation of peasants, there existed in the Russian State, three different categories; free agricultural labourers, state peasants, and private serfs (Markevich, Zhuravskayaa, 2017). Markevich and Zhuravskayaa (2017) described the state peasants as free individuals without lands who reside and work state lands while private serfs were seen as assets of the nobles who owned the lands that these serfs occupied and worked on (see Figure 2 and 3 for the population of state and private serfs respectively).

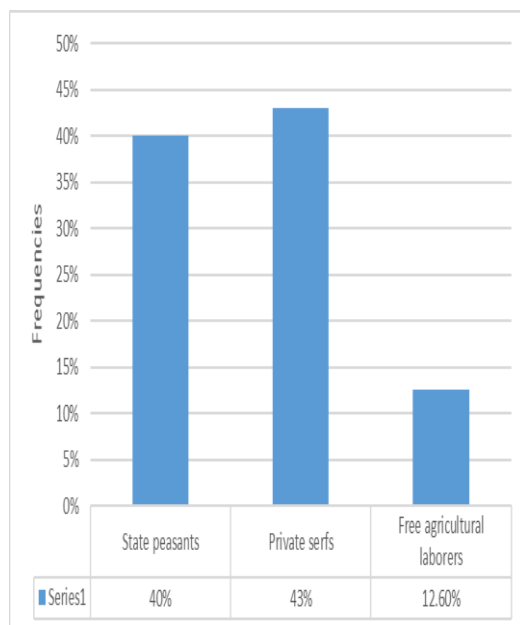

Fig. 4. Trends in proportion of peasants before the liberation in rural Russian State
Source: Markevich and Zhuravskayaa (2017)

Intrinsically, the state laws allowed serfdom in the Russian State offered the owner the legal right to use their labour and transfer when the need arises. Nonetheless, the laws on serfdom forbade the sale of serfs without lands as that will appear as slavery (Massie, 2012; Millward, 1982).

On the other hand, free agricultural labourers were “Cossacks with community land ownership, peasants in the three Baltic provinces without lands, indigenous people living Bessarabiya and Astrakhan provinces who were non-Russians, and colonials who worked on fields belong to the state” in 1858 (Markevich, Zhuravskayaa, 2017, 5). Figure 4 shows the graph of proportions that each category occupied in the Russian State in 1858.

3.2. Serfdom in the Russian State

Serfs were owned by both the state and other private individuals. The prevalence of private serfs formed 43 % of the rural Russian population in 1858 according to Markevich and Zhuravskayaa (2017). Following the 1949 Code of Law, the criminalisation of the flight of serfs from their Russian landowners gave the nobles seemingly unrestricted power of possession over their serfs to the extent that some landowners could sell their serfs without lands in a form of transfer while taking custody of their families and properties (Massie, 2012; Millward, 1982).

Though the landowner could not kill the serf, their rights as mere workers had deteriorated from receiving menial payments for the responsibilities to ordinary slaves during the middle of the eighteenth century (Massie, 2012). According to Pipes (1974), though the number of serfs kept increasing in each province between 1777 and 1859, agricultural production continued to decline across the state because of the overexploitation of these peasants and their use of traditional methods of farming. Some serfs were made to work in Russian factories or even drafted into the Russian military (Metz, 2018). Nevertheless, their rights in the army or factories were least respected (Massie, 2012; Metz, 2018). Even though there is a general assertion that serfs had poor rights, state-owned peasants were seen to have better conditions than private-owned serfs (Markevich, Zhuravskayaa, 2017).

Furthermore, serfs had two different forms of work agreements depending on what their landlords perceive as lucrative. The *corvee* (*barschina*) form of contract forced the serf to work for specific periods as dictated by nobles in the estates or chosen field of the noble. The second form of contract is the quit rent (*obrok*) where peasants worked on their lands to pay their landlords specified amounts in-cash or in-kind (Markevich, Zhuravskayaa, 2017; Metz, 2018).

Because landowners had an undue advantage to revise these contracts whenever they wish to favour them, serfs who worked on farms of their landowners for specified periods (*corvee*) for payments were comparably less productive with poorer health status (especially malnourished). Peasant serfs who were at the liberty to work on their landlords' farm and offer produced or cash out of their peasant-cultivated lands (*obrok*) as payments to their masters were seen to have better nutritional and socioeconomic outcomes than the *corvee* (Markevich, Zhuravskayaa, 2017).

Likewise, the negative health, human rights abuses, and poor socioeconomic status of serfs, especially among the privately-owned who were supposed to be paid by their landlords were latent push factors for the emancipation of serfs in Russia (Markevich, Zhuravskayaa, 2017; Massie, 2012; Metz, 2018).

3.2. Emancipation of Serfs in Russia

The emancipation of the serfs in Russia mainly hanged on the failure of Tsar Alexander II to win the Crimean War after signing the 1856 Treaty of Paris (Simkin, 2020). Following Russian's loss of victory in the Crimean War, Alexander II and his advisers disputed the fact that Russia's economy built on serfdom is not sustainable looking at the industrialised might of France and Britain (Metz, 2018; Simkin, 2020). Furthermore, he noted that Russia archaic by using a serf-based military force compared to the sophisticated armies of the West (Metz, 2018).

In effect, he voted to end Russia's serfdom-based economy while a group of Moscow nobles objected to his position. In a popular quote, Tsar Alexander II stated that “*it is better to abolish serfdom from above than to wait for the time when it will begin to abolish itself from below*” (Metz, 2018). Additionally, Alexander delivered his recommended seventeen legislative acts in a form of an Emancipation Manifesto to abolish the Russian serfdom system, which had deteriorated into a form of slavery.

In 1861, he implemented liberal reforms by offering opportunities for all peasants to be able to purchase lands from their landowners with support from the state through forty-nine annual installments called “redemption payments” (Metz, 2018; Simkin, 2020). The twenty-three million freed serfs were permitted to marry without the authorisation of their owners. Similarly, freed serfs

through his reforms obtained citizenship and land ownership rights (Markevich, Zhuravskayaa, 2017; Metz, 2018).

4. Results

Generally, the debate among historical scientists over the effects of serfdom on Russia's socio-economic and political growth seems unsettled (Markevich, Zhuravskayaa, 2017). Moreover, most of the existing historical studies often centre their discussions exclusively on inconsistent subjective information.

Some scholars like Moon (1996) described the positive aspects of serfdom with attributes of flexibility and economic growth. To these scholars, the nobles were better at managing society and production than the serfs even after their emancipation. The nobles were seen at handling public challenges like famine better than the freed serfs. Furthermore, serfdom aided social order as the nobles or landowners were able to ensure that serfs follow societal regulations. Indeed, serf-owners benefited immensely from the institution of serfdom before the liberation of the Russian serfs in 1861 (Domarand, Machina, 1984).

Though the problems surrounding the Russian serf-economic system occurred during the period of keeping the serfs, it was worsened probably by the challenges that were seen within the emancipation. According to Metz (2018), most privately-owned serfs obtained no land apart from freedom from their landlords. More so, those who were able to acquire some plots of land got lesser sizes than they required to provide for their families and to pay for the redemption costs. Eventually, there was famine across many parts of Russia as freed serfs were forced to sell all the food they produced to pay back their redemption payments (Metz, 2018; Simkin, 2020).

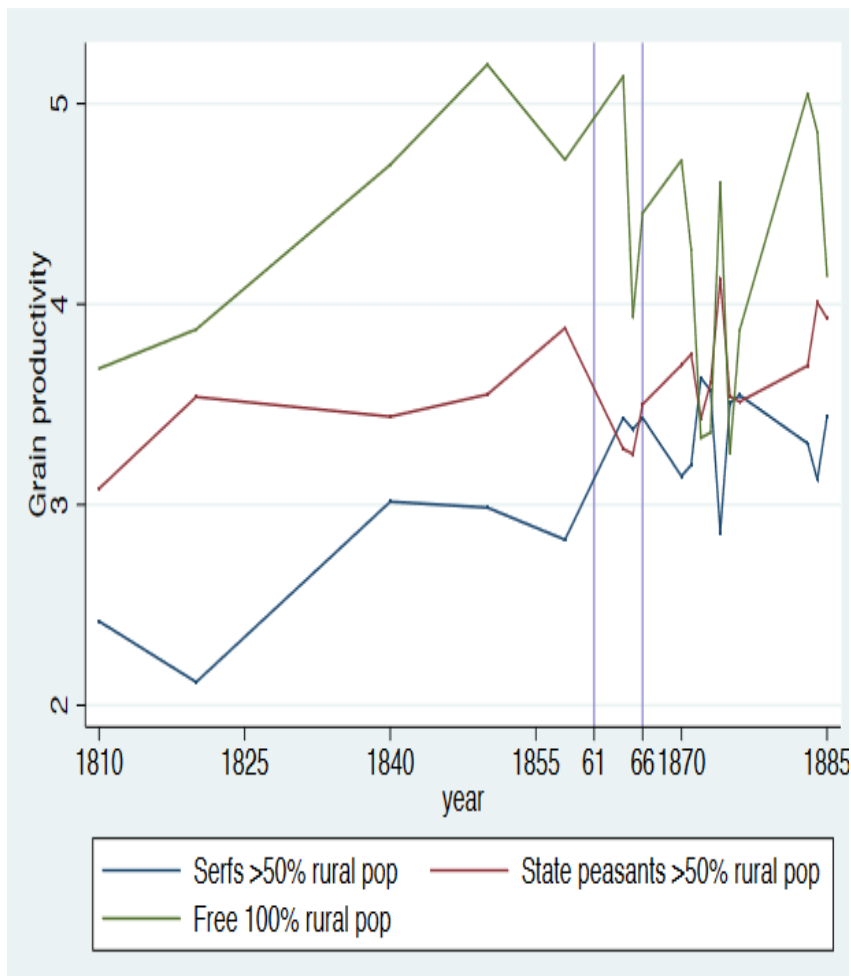

Fig. 5. Grain productivity among “free”, “state”, and “serf” provinces
Source: Markevich and Zhuravskayaa (2017)

Nevertheless, some scholars (Cherepanov, 2018; Finkel et al., 2017; Markevich, Zhuravskayaa, 2017) strongly opposed the idea that serfdom was productive. Markevich and Zhuravskayaa (2017) reported from their analysis that serfdom had a negative impact due to the highly exploitative interest of the nobles whenever they dealt with the peasants. These landowners cared about their interests and operated their trade by flouting some of the regulatory laws on serfdom.

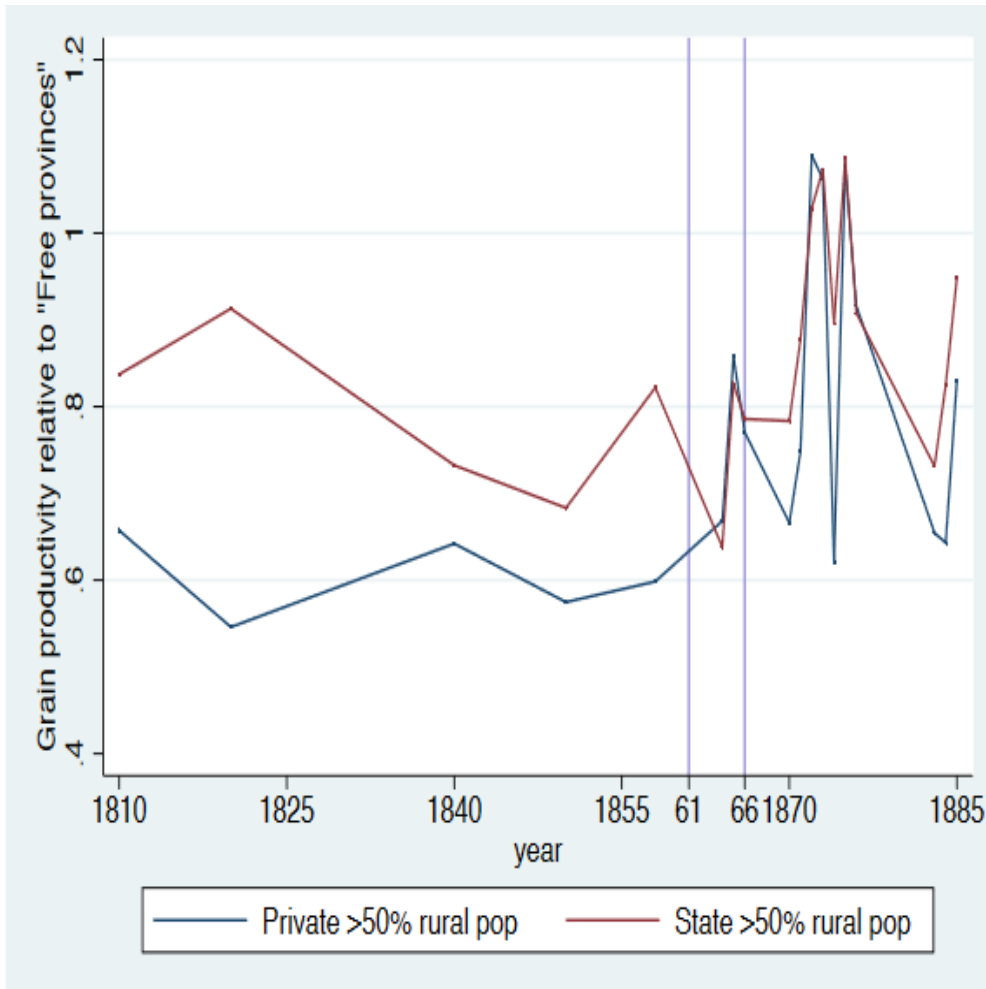

Fig. 6. Grain productivity among “free” provinces
Source: Markevich and Zhuravskayaa (2017)

Again, Peters (2018) argued for the fact that serfdom served the political defence interest of the Russian State as they forced peasants to serve in the military as serfs to cut down costs between the fourteenth and eighteenth centuries.

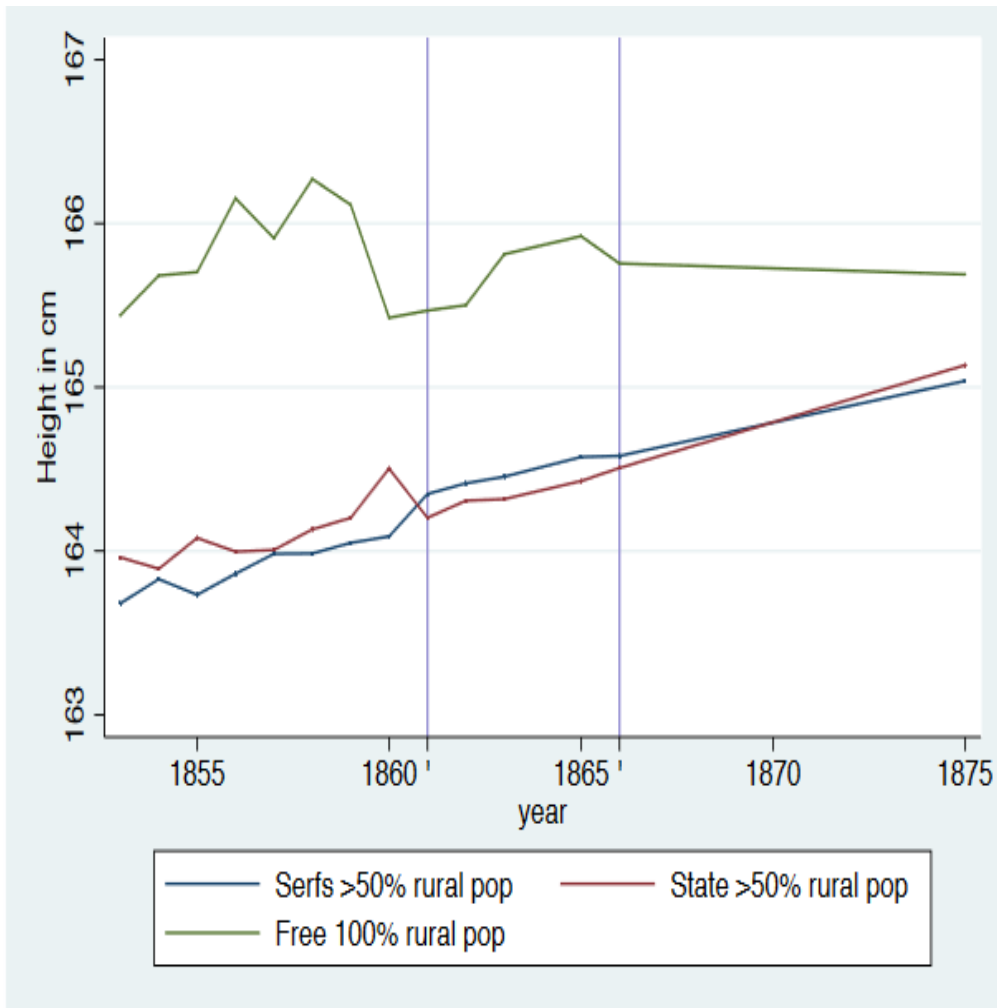

Fig. 7. Height of populations in “free”, “state”, and “serf” provinces
Source: Markevich and Zhuravskayaa (2017)

For instance, Buggle and Nafziger (2017) in their locations with a greater percentage of serfdom after the emancipation still experienced the negative effects of serfdom when they analysed their data which was between 1800–2002. According to them, the decline in industrial development and urbanisation of these respective serf dominated areas was very significant among these negative effects.

Fig. 8. Height of populations in “free”, “state”, and “serf” provinces
Source: Markevich and Zhuravskayaa (2017)

Likewise, the serf system could be seen as having a declining effect on the growth of agricultural productivity and unprofitable economically when the grain production of serfs are compared with the freed population (Figure 6). It is evident that a vast difference in the productivity of grain can be seen among the different categories of peasants.

Following the emancipation period, food production among both private and state-owned serfs gradually began to change. Clearly, after the emancipation of Russian serfs, Figure 6 shows an explicit nearness of grain production of both private and state freed serfs. Initially, the state-owned serfs were able to produce more than their private-owned counterparts (Markevich, Zhuravskayaa, 2017).

More so, these disparities in production might be because some of the privately-owned slaves were transferred to other landowners without land; a practice that was condemned by the law was acceptable by the nobles in practice (Parmele, 2018). To this end, the rights of these Russian serfs as humans were trampled upon by the self-seeking interests of the landowners.

Another important negative effect of serfdom on the Russian peasants is the decline in health status. Due to the ill-treatment and abuse against human rights, serfs in the Russian State exhibited malnourished body sizes and stunted growths (see Figure 7 for the differences in heights of populations in “free”, “state”, and “serf” provinces).

In comparison, state and privately-owned serfs were seen to have shorter heights and malnourished body sizes in Figure 8 as compared to the freed peasant population (Markevich, Zhuravskayaa, 2017; Metz, 2018). These health outcomes showed the deterioration of the socioeconomic statuses of these serfs and how Russian serfdom poorly affected the respect for human rights during the period. Arguably, one can confidently tell from Figure 8 that the freed serfs were seen to gradually catch up in the growth rate and height after the emancipation

(Markevich, Zhuravskayaa, 2017). This empirical evidence augments the fact that serfdom was not the best practice like all forms of slavery.

5. Conclusion

The study analysed scholarly materials and other available internet sources regarding the system of serfdom and how it affected the Russian State. The study shows that though the serf system served the selfish interest of the nobles in the Russian sovereignty after the declaration of the Code of Law in 1649, the negative impacts of serfdom are more than its benefits. Additionally, the upper-class within the Russian Feudal System flouted the laws surrounding the sale of peasants and changed contracts to suit their interests alone. This study has an implication for historical learning and research.

6. Acknowledgements

I am grateful to the scholars whose historical works were cited in this study.

References

- Bohac, 1985 — Bohac, R.D. (1985). Peasant inheritance strategies in Russia. *The Journal of Interdisciplinary History*. 16(1): 23-42.
- Buggle, Nafziger, 2017 — Buggle, J.C., Nafziger, S. (2017). The slow road from serfdom: labor coercion and long-run development in the former Russian Empire. *Review of Economics and Statistics*. 1-46.
- Cherepanov, 2018 — Cherepanov, V. (2018). Is it Possible to Abolish the Serf Suffrage in Russia? *Studia Politologiczne*. 48: 186-195.
- Domar, Machina, 1984 — Domar E.D., Machina M.J. On the profitability of Russian serfdom. *The Journal of Economic History*. 1984 No. 44(4): pp. 919-955.
- Finkel et al., 2017 — Finkel et al. (2017). (Good) Land and Freedom (for Former Serfs): Determinants of Peasant Unrest in European Russia, March–October 1917. *Slavic Review*. 76(3): 710-721.
- Markevich, Zhuravskayaa, 2017 — Markevich, A., Zhuravskayaa, E. (2017). Economic Effects of Coerced Labor: Evidence from the Emancipation of Serfs in Russia. 2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.hhs.se/contentassets/209c2f9a34b4435e8976a074dc2e275b/markovich.pdf>
- Massie, 2012 — Massie, R.K. (2012). Catherine the Great: Portrait of a woman. New York: Random House Incorporated.
- McCaffray, 2005 — McCaffray, S.P. (2005). Confronting serfdom in the age of revolution: Projects for serf reform in the time of Alexander I. *Russian Review*. 64(1): 1-21.
- Melton, 1987 — Melton, E. (1987). Proto-industrialization, serf agriculture and agrarian social structure: Two estates in nineteenth-century Russia. *Past & Present*. 115: 69-106.
- Metz, 2018 — Metz, K. (2018). Serfdom in Russia: What is feudalism? Center for Slavic and East European Studies. Ohio State University, Ohio. [Electronic resource]. URL: https://kb.osu.edu/bitstream/handle/1811/85512/1/CSEES_MetzK_Serfdom2018_slides.pdf
- Millward, 1982 — Millward, R. (1982). An economic analysis of the organization of serfdom in Eastern Europe. *Journal of Economic History*. 42(3): 513-548.
- Molchanova, 2019 — Molchanova, V.S. (2019). Modern slavery in India: The essence, forms, distribution. *Slavery: Theory and Practice*. 4(1): 20-28.
- Moon, 1996 — Moon, D. (1996). Reassessing Russian serfdom. *European History Quarterly*. 26: 483-526.
- Nafziger, 2012 — Nafziger, S. (2012). Serfdom, emancipation, and off-farm labour mobility in Tsarist Russia. *Economic History of Developing Regions*. 27(1): pp. 1-37.
- Nafziger, 2013 — Nafziger, S. (2013). Russian serfdom, emancipation, and land inequality: New evidence. Economics Department. Williams College. [Electronic resource]. URL: https://web.williams.edu/Economics/wp/SerfdomEmancipationInequality_Long_May2013_2.pdf
- Parmelee, 2018 — Parmelee, M.P. (2018). Liberalism-emancipation of serfs. *Russia, China and Eurasia*. 34(1): 109-112.
- Peters, 2018 — Peters, M. (2018). Government Finance and Imposition of Serfdom After the Black Death. Available at SSRN 3320807. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3320807>

Pipes, 1974 — Pipes, P. (1974). *Russia under the old regime*. New York: Charles Scribner's Sons.

Simkin, 2020 — Simkin, J. (2020). Tsar Alexander II. Spartacus-educational.com. [Electronic resource]. URL: <https://spartacus-educational.com/RUSalexander2.htm>

Stanziani, 2008 — Stanziani, A. (2008). Serfs, slaves, or wage earners? The legal status of labour in Russia from a comparative perspective, from the sixteenth to the nineteenth century. *Journal of Global History*. 3(2): 183-202.

Such et al., 2020 — Such et al. (2020). Modern slavery and public health: A rapid evidence assessment and an emergent public health approach. *Public health*. 180: 168-79.

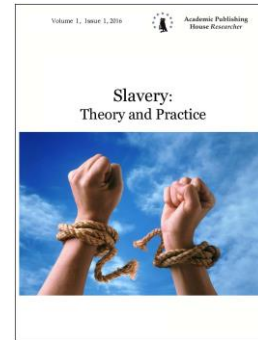
Wirtschafter, 1998 — Wirtschafter, E.K. (1998). Legal identity and the possession of serfs in Imperial Russia. *The Journal of Modern History*. 70(3): 561-87.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 74-86

DOI: 10.13187/slave.2020.1.74
www.ejournal43.com

The Fight against the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century

Konstantin V. Taran ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article deals with the complex process of dialogue between the Russian Empire and the peoples of the Caucasus in the fight against the slave trade in the first half of the XIX century.

There were used as materials the documents of the state archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation), as well as several volumes of the published collection of documents “Acts of the Caucasian Archeographic Commission”, the collection of documents of the Raevsky archive, the latest collection of documents “Circassian slave narratives” and others. Various materials of personal origin are of great importance in the research: diaries and memoirs of travelers, scouts and emissaries. The specialized military literature was also used.

The work was widely used the descriptive and chronological methods, which allowed to detail the picture of the Russian administration's opposition to the slave trade of the Caucasian tribes and to consider the events in chronological order.

In conclusion, we would like to note that during the entire Caucasian war, the Russian Empire tried to prevent the slave trade on the territory of the North-Western Caucasus. Already in the early XIX century, the cruising by Russian military vessels of the Black sea coast was organized. The effectiveness of Russian warships in the fight against smuggling and the slave trade was low, due to the insignificance of the Black sea squadron. In the second half of the 1830s, the Russian government began to create fortifications of the Black sea coastline, whose activities were aimed at suppressing the slave trade. However, even this measure, despite a number of positive aspects (the flight of slaves to the Russian fortresses and a significant peaceful dialogue between the Russians and the highlanders), could not end the slave trade. As a result, the raids of the mountaineers with the aim of capturing “live goods” continued in the North-Western Caucasus until 1864, up to muhajirism.

Keywords: slave trade, North Caucasus, Russian Empire, muhajirism, XIX century.

1. Введение

На пороге XIX столетия Российская империя постепенно расширяла свою сферу влияния в Закавказье, где древние национальные княжества-государства были подвержены влиянию Османской Порты и Персии, которые способствовали развитию работорговли на всем Кавказе. Фактически, Кавказ торговал Кавказом. Ликвидация пагубного торгового невольниками в обмен на контрабандные грузы – вооружение и боеприпасы, являлась для России актуальной задачей. Самый эффективный способ доставки контрабандных грузов в

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran)

обмен на невольников был морским. Поэтому Российской империи предстояло распространить свое влияние на Черноморское побережье северо-западного Кавказа для прекращения сношений кавказских народов, в первую очередь с Османской империей.

2. Материалы и методы

В качестве материалов в работе использованы документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), а также несколько томов опубликованного сборника документов «Акты Кавказской археографической комиссии» (АКАК, 1873; АКАК, 1878; АКАК, 1881; АКАК, 1881а), коллекции документов Архива Раевских (Архив Раевских, 1910), новейшего сборника документов «Черкесские невольничьи повествования» (Cherkasov, 2020) и других.

Важное значение в исследовании имеют различные материалы личного происхождения: дневники и воспоминания путешественников, разведчиков и эмигрантов (Торнау, 1864; Филипсон, 1883; Фонвиль, 1991). Применялась также специализированная военная литература (Военная энциклопедия, 1912).

В работе был широко применен описательный и хронологический методы, которые позволили детализировать картину противодействия русской администрации работоторговле кавказских племен и рассмотреть события в хронологической последовательности.

3. Обсуждение

Историографию по теме исследования можно разделить на три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный российский.

Дореволюционная историография. Первые работы начали появляться еще в период покорения Кавказа. Здесь можно отметить труд Н.О. Карлгофа о политическом устройстве черкесских племен (Карлгоф, 1860), однако большая часть работ публиковалась уже после Кавказской войны (Васильев, 1874; Дубровин, 1871; Дьячков-Тарасов, 1904; Потто, 1889; Вульф, 1886; Федоров, 1879; Тенгинский полк на Кавказе, 1900).

Советская историография. В советский период изучением истории Кавказской войны историки занимались с учетом новой доктрины – освободительного движения кавказских народов против Российской империи (Бушуев, 1940; Дзидзария, 1940; Дзидзария, 1958; Фадеев, 1935). Лишь в поздних работах советской историографии начали появляться упоминания о работоторговле (Покровский, 1989).

Российская историография. Российская историография создавалась с учетом двух обстоятельств: первое – это переиздание написанных ранее работ, например (Лавров, 2009; Фадеев, 2010; Инал-Ипа, 2014; Эсадзе, 1993). Второе – собственно труды российских исследователей по вопросам контрабанды и работоторговли на Кавказе. Здесь можно назвать работы (Айрапетов, 2008; Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2018; Smigel, Cherkasov, 2016; Vozgrin, 2018; Dudarev, 2018).

4. Результаты

Весной 1801 г. грузинские княжества Картлия и Кахетия вошли в состав Российской империи. В этот период весь Кавказ был обращен в один невольничий рынок. Войска мамлюков и багдадских гюрджей состояли из кавказских невольников, из которых первоначально формировались турецкие янычары. Все белые невольники – европейцы и азиаты, по большей части христиане, вывозились с Кавказа сухопутным и морским способами в Турцию и Персию. Турецкие гаремы были наполнены кавказскими женщинами. Кавказские племена с детства приучаемые к ловле людей сроднились с этим ремеслом. Воровство людей происходило не только за пределами Кавказа, но в большей степени во внутренних районах Кавказа и Закавказья: *«возвращаясь с охоты в чужом краю, они ставили ловушку соседу, крали его детей, подчас продавали собственных»* (Фадеев, 2010: 43-44).

Покупка турецкими сановниками черкешенок была не редкость. Гаремы наполнялись черкешенками, торговля которыми усилилась с основанием турками на Черноморском побережье северо-западного Кавказа крепостей Анапы и Сухум-кале. Были случаи, когда черкесы продавали своих дочерей, но преимущественно торговали рабынями и пленницами (Дубровин, 1871: 130).

Кавказские племена формировали в Черкесии военные отряды для походов на правый берег реки Кубань, откуда приводили значительное количество пленников, которые и становились предметом торговли. На территории Черкесии были распространены внутренние войны между черкесскими соседними племенами и аулами, также практиковалось похищение людей внутри собственных горских обществ. Основная деятельность кавказских племен была направлена на захват невольников с целью доставки пленников на Черноморское побережье северо-западного Кавказа, где в устьях крупных рек происходил обмен рабов на товар, доставленный из Турции, куда невольники на судах транспортировались далее на невольничий рынок в Стамбуле (Cherkasov, 2020: 1421).

Кроме этого, были случаи, когда черкесы воровали рабов у черкесов, но т.к. за использование чужого раба могло последовать наказание, то похищенного раба доставляли на русскую границу для получения выкупа (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 693. Л. 24-240б.).

Политические интересы России и Турции неоднократно сталкивались на Кавказе, что приводило к затяжным войнам, а бассейн Черного моря служил театром боевых действий. 15 июня 1809 г. десант, высаженный с кораблей эскадры капитан-лейтенанта Перхурова, занял турецкую крепость Анапу (Эсадзе, 1993: 26-27), которая в указанный период являлась центром работорговли на западном Кавказе.

10 июля 1810 г. эскадра под начальством капитан-лейтенанта Додта штурмом овладела Сухум-кале, где была пресечена торговля невольниками в обмен на турецкие контрабандные товары. Как отмечало русское военное командование, население Абхазии занималось бродяжничеством, участвовало в воровстве чужого скота, имущества и людей, для продажи их в неволю. Турецкие кочермы систематически бороздили поверхность Черного моря между Сухум-кале и малоазиатскими портами, доставляя в Абхазию оружие, порох, ткани и вывозя оттуда массы невольников и особенно невольниц, высоко ценившихся на рынках турецкой империи (Утверждение русского владычества, 1902: 33, 40-41, 45, 49-50).

В период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. русские войска заняли все основные крепости Черноморского побережья Кавказа от устья реки Кубань до реки Риона: Анапа, Суджук-кале, Сухум-кале, Анаклия, Потти и Гуриамта, где стояли русские гарнизоны. От Анапы до Батума крейсировала русская эскадра с целью предотвратить контрабандную торговлю оружием турок с кавказскими племенами в обмен на невольников (Дзидзария, 1940: 30-31).

После завершения русско-турецкой войны в 1812 г., по Бухарестскому миру, крепости Анапа, Суджук-кале и Потти были в 1812 г. переданы Турции, а территория Абхазии уступлена России. Турецкое правительство было недовольно отторжением Абхазии, откуда систематически поступали пленники на невольничьи рынки Турции, поэтому турки не переставали возбуждать кавказские племена против русских (АКАК, 1873: 779-780; Утверждение русского владычества, 1902: 509).

Русские власти в первой половине XIX в. по всему течению реки Кубань от ее верховьев до Екатеринодара, устроили меновые дворы, с целью сближения русских с кавказскими племенами путем обмена товаров. На меновых дворах смотрители и переводчики злоупотребляли своими должностями: взимали подати с черкесов, выдавали не востребовавшие предметы, не выдавали вознаграждения и оттягивали плату за взятые предметы на годы, а впоследствии отказывали черкесам в оплате. Иначе действовала Оттоманская Порты, которая открыла торжища в Анапе, Суджук-кале, Геленджике и в других пунктах на берегу Черного моря. На турецкие товары была установлена и опубликована такса. Хорошая выручка за пленных, особенно пленниц, привлекли к торговле с турками кавказские племена, населявшие Черноморское побережье северо-западного Кавказа, а также Чечню и Дагестан. По мере возрастающего спроса турок на невольников, кавказские племена участвовали в военных походах в глубь пограничного русского населения производя грабежи и добывая пленников (Георгий Васильевич Новицкий, 1878: 294-295).

10 октября 1821 г. император Александр I утвердил «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами», которые предусматривали организацию морской торговли с горцами в Керченском порту, для сухопутной – в заливе Бугаз у лимана реки Кубань. Торговля с горцами происходила под контролем русских чиновников, запрещался ввоз

оружия и боеприпасов, но запретительные меры не означали прекращения турецких контрабанды в обмен на невольников (Айрапетов, 2008: 52-53).

В ходе боевых действий русско-турецкой войны 1828-1829 гг. русскими войсками после осады и капитуляции войск Османской Порты на Черноморском побережье были заняты и укреплены турецкие крепости Анапа и Поти. Сразу после взятия русскими войсками центра работорговли на западном Кавказе крепости Анапа из горных аулов в крепость бежали невольники различных национальностей: шапсуги, абадзехи, кабардинцы, русские, татары и даже киргизы. Среди них оказалась даже группа рабов, купленных в Турции и оттуда уже привезенных на Кавказ (Утверждение русского владычества, 1908: 133, 155; Покровский, 1989: 52-53).

Успешное наступление русских войск в европейской Турции ознаменовалось подписанием в городе Адрианополе (Эдирне) 2 сентября 1829 г. русско-турецкого мирного договора. На основании этого договора, левобережная Кубань (Закубанье) и Черноморское побережье северо-западного Кавказа от устья реки Кубань, севернее Анапы и далее на восток до крепости Святого Николая (Поти) были присоединены к России (Черкасов, 2005: 8; Потто, 1889: 92). С этого момента Российская империя приступает к более активному противодействию контрабанде и работорговле.

Император Николай I, в связи с вхождением в состав России новых территорий, учредил временный комитет при министерстве иностранных дел «для рассуждения о мерах, нужных по будущему управлению закубанскими народами». На основании информации поступавшей с Кавказа столичные чиновники предлагали закрыть сообщение закубанских народов с Османской Портой и другими западными державами, предполагалось «не позволять иностранным судам приставать к каким-либо местам восточного берега Черного моря, кроме Поти». Ограничительные меры были связаны с имевшей место работорговлей и торговлей оружием, которой промышляли народы, проживающие на вновь приобретенных территориях. При этом указывалось, что «не только мусульманские обитатели Кавказа, но, к сожалению, многие из христиан не гнушались принимать участие в торге людьми одного с ними исповедания. Сие особенно можно заметить о князьях и помещиках Мингрелии и Гурии». Члены временного комитета полагали, что «с уничтожением случаев сбывать пленников и другие плоды своего грабительства племена Кавказские не будут уже находить выгоды продолжать хищнические набеги против сопредельных им областей России и взаимно между собой, или производить разбои на прибрежных водах Черного моря» (АКАК, 1878: 887-902).

Активное участие в работорговле принимали турецкие купцы, которым содействовали высокопоставленные чиновники, например, паши синопский и трапезонтский. В октябре 1830 г. из Анатолии в Суджукскую бухту прибыло 13 судов для обмена соли и грубых бумажных материй, которые выменивались на пшеницу, воск, сало и другие произведения горцев. Вследствие патрулирования русскими крейсерами черноморских берегов, турки из Суджукской бухты не могли вывезти невольников и снабдить горцев порохом. Поэтому турки использовали иные якорные стоянки в устьях рек, менее наблюдаемых, где успевали осуществить обмен контрабандных грузов на невольников. Судя по числу встречаемых в море судов, и основываясь на показании многих шкиперов, можно утверждать, что в продолжение навигации 1830 г. к берегам Черноморского побережья северо-западного Кавказа приставало до 200 турецких и английских судов, следовательно, они могли снабдить горцев большим количеством огнестрельных снарядов и оружием в обмен на невольников (Васильев, 1874: 5; «М.П. Лазарев», 1955: 229).

Для усиления охраны Черноморского побережья северо-западного Кавказа, с целью противодействия доставки контрабандных грузов для обмена на невольников, русские власти усилили сухумскую эскадру. Для этой эскадры определили следующие корабли: 20-ти пушечные бригады «Орфей» и «Пегас», а для плавания вдоль берега 20-ти пушечный бриг «Меркурий» и 8-ми пушечный люггер «Широкий». Кроме этого, 12 июля 1830 г. в Абхазии русские войска приступили к постройке укрепления Гагра (Военная энциклопедия, 1912: 135).

Черноморскому флоту предписывалось осматривать без изъятия все суда, пристающие к берегам между Анапой и Редут-Кале. При осмотре иностранных судов, перевозящих вооружение и отказавшихся от осмотра, брать в плен, как военную добычу. Суда, на которых

при осмотре не окажется вооружения, беспрепятственно пропускать для торговли, учредив за ними строгий и бдительный контроль ([Утверждение наше в Абхазии, 1889: 129-130](#)).

13 июля 1830 г. русское правительство разрешило свободную торговлю с горцами всем государствам при условии, что не будет производиться торг невольниками в обмен на контрабандные товары, т.е. оружие и боеприпасы. Вдоль берега устанавливалась запретная двадцатимильная водная зона, сокращенная в 1836 г. до трех миль. Осенью 1831 г. все иностранные миссии в Константинополе были извещены, что русские крейсера будут принимать решительные меры против контрабандных грузов и вывоза невольников ([«М.П. Лазарев», 1955: 12-13](#)).

В начале 1831 г. графа Паскевича просил морское начальство, предоставить несколько судов меньшей конструкции и часть гребных, которые могли бы крейсировать и действовать с русскими отрядами вдоль всего Абхазского берега Черного моря. Паскевич указывал, что турки осуществляют доставку контрабанды и торговлю невольниками на небольших лодках (кочермах), которые ходят на малой глубине у берега ([Утверждение наше в Абхазии, 1889: 148-150](#)).

Запретительные меры русского правительства и организация крейсерского патрулирования не остановили турецких и английских контрабандистов. В 1832 г. русские крейсера захватили 17 судов с контрабандой, что заставило контрабандистов действовать более осторожно. Они старались проходить опасные места ночью, для контрабандной торговли с горцами использовали мелкие суда, которые могли входить в реки, впадающие в Черное море, и скрываться от наблюдения. Когда эта хитрость контрабандистов стала известна русским, армейское командование разрешило крейсерам брать в Геленджике из сухопутных войск десант и высаживать его в тех местах, где скрывались суда контрабандистов. В 1833 г. было уничтожено 11 контрабандистских судов, но почти каждая подобная экспедиция была сопряжена с потерей личного состава. Как видно из приведенных выше данных, объем ликвидированных судов контрабандистов снизился, в связи с чем, вместо командира Черноморского флота адмирала Грейга, который командовал флотом до августа 1833 г., был назначен М.П. Лазарев ([«М.П. Лазарев», 1955: 13-14](#)).

Следует отметить, несмотря на крейсерское патрулирование русскими судами Черноморского побережья северо-западного Кавказа, до 1834 г. в Суджукской бухте происходила активная торговля местного населения с турками, 150 лавок которых находилось в этой гавани ([АКАК, 1881а: 462](#)).

14 ноября 1836 г. русский военный бриг «Аякс» под командой капитан-лейтенанта Н.П. Вульфа задержал бриг «Виксен» в бухте Суджук-кале, где «Виксен» в течение 12 и 13 ноября стоял на разгрузке. Сбежавший из плена канонир Анапского гарнизона сообщил, что на берег со шхуны было доставлено значительное количество контрабандных товаров: соли, медных турецких трехфунтовых орудий – 4 шт., шестифунтовых орудий – 4 шт., большое количество ружей и пашек, порох – 200 бочек каждая по 4 пуда ([Бушуев, 1940: 192-194; Вульф, 1886: 93-94; «М.П. Лазарев», 1955: 270](#)).

В 1836 г. в Геленджикской крепости был опрошен натухаец Магмет Гуляй, который прибыл с намерением поселиться в России. Русскому командованию Гуляй сообщил, что соседние с крепостью кавказские племена примирения и верноподданства России не желают, т.к. испытывают неприязнь к русским. Далее он указал, что местные племена получают порох, свинец, железо, доставляемые на турецких судах, которые пристают к устьям рек, впадающих в Черное море, и выменивают у горцев пленных, кожу, рогатый скот, меха, воск, мед и говяжье сало. Также Гуляй обратил внимание, что много русских беглых солдат укрываются в горских аулах ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1469. Л. 21, 34](#)).

Посол России в Константинополе А.П. Бутенев, располагавший агентурной информацией, в своем послании от 9 июля 1837 г. М.П. Лазареву сообщал существующее положение дел в Турции. В 1834 г. около 970 семей из Черкесии и Кабарды были поселены в Трапезунте и Синопе, где занимались земледелием и торговлей с Кавказом. Уздени переселенцев ежегодно выезжали морем в Черкесию и вывозили невольников для продажи в Турции. Можно предполагать, что из Черкесии вывозилось ежегодно до 4 тыс. невольников и невольниц в Турцию. Многие турецкие чиновники по женам имели родственников в Черкесии. Поэтому контрабандная торговля с Кавказом пользовалась покровительством турецких начальников, несмотря на существовавшие запреты в

Оттоманской Порте. Трапезунтский Осман-паша косвенно был обвинен в пособничестве контрабандной торговли. Такая же обстановка была в Синопе. Бутенев полагал, что даже в случае попытки турецкого правительства предпринять строгие меры в пресечение контрабанды, остановить несанкционированную торговлю было бы невозможно, т.к. доходы контрабандистов были довольно значительны. Также Бутенев обращал внимание, что в Турции отсутствовала постоянная береговая стража, т.к. для ее содержания не было средств («М.П. Лазарев», 1955: 287-288).

На сложную оперативную обстановку на Черноморском побережье северо-западного Кавказа указывал военный министр граф А.И. Чернышев в своем отношении от 10 января 1837 г. командующему отдельным Кавказским корпусом, главноуправляющему на Кавказе барону Г.В. Розену:

«Горские племена, обитающие по восточному берегу Черного моря, самые воинственные между всеми племенами Кавказа, всегда состояли в торговых сношениях с берегами Анатолии. Туда они сбывают своих невольников и некоторые естественные произведения своих гор, получая взамен того оружие, порох, свинец, соль и необходимые им мануфактурные изделия. К пресечению сей вредной торговли, препятствующей всем предприятиям Российских промышленников и поддерживающей в горах дух своеволия, неповиновения и хищничества, учрежденное из судов крейсерство оказалось недостаточным. По физическому образованию берега, не позволяющему военным судам приближаться к нему, легкие гребные суда черкесов пристают к нему всюду беспрепятственно и, плавая у самых берегов, большей частью избегают преследования крейсеров. Для достижения этой важной цели, предполагено занять небольшими укреплениями все важнейшие по протяжению берега якорные места и учредить между ними непрерывное крейсерство на небольших гребных судах, способных к береговому плаванию» (АКАК, 1881: 356).

В 1837 г. по высочайшему повелению были сформированы из казаков Азовского войска 10 команд для крейсерства вдоль восточного берега Черного моря на особо устроенных лодках. В самое короткое время эти команды показали свою боеспособность и пользу, т.к. поддерживали бесперебойное сообщение между укреплениями, расположенными на Черноморском побережье северо-западного Кавказа. Азовские казаки нападали на контрабандные турецкие кочермы и черкесские лодки, преследовали их в открытом море и частью истребляли или брали в плен. В 1839 г. император Николай I повелел дополнительно сформировать из казаков Азовского войска еще 5 команд, укомплектованных по 20 человек. Предполагалось в дальнейшем увеличить количество команд азовских казаков, что было сделать невозможно, т.к. казачьи войска не успели получить прочной оседлости на отведенных им землях и не имели достаточного числа способных к военной морской службе людей. При этом довольно трудно было содержать полный комплект 15-ти команд (Архив Раевских, 1910: 650-652; Карлгоф, 1860: 534).

В мае 1837 г. главнокомандующий на Кавказе барон Г.В. Розен, во главе русского отряда предпринял поход в Цебельду. Польза от усмирения Цебельды была очевидна, т.к. контрабандисты лишились убежища в горной местности, а цебельдинцы потеряли возможность производить грабежи в Абхазии и Мегрелии. Кроме этого, русские пленники и беглые *«не будут перепродаваемы из внутренних гор, принимавших в это гнездо разбойников, имевших связь по пленопродавству даже с Трепизондом и далее» (АКАК, 1881: 386).*

21 сентября 1837 г. император Николай I утвердил назначение начальником 1-го отделения Черноморской прибрежной линии генерал-майора Н.Н. Раевского. На решения монарха повлияли предложения генерала Вельяминова об усилении крейсерства и порядка постройки укреплений на Черноморской прибрежной линии для противодействия контрабанде и торговле невольниками. При этом нужно отметить, что в сентябре 1837 г. решение о создании 2-го отделения императором принято не было (Федоров, 1879: 99-100; Филипсон, 1883: 259).

В январе 1839 г. 1-е отделение Черноморской прибрежной линии было преобразована в Черноморскую береговую линию, которую возглавил генерал-лейтенант Н.Н. Раевский («М.П. Лазарев», 1955: 638). В 1840 г. укрепления Черноморской береговой линии насчитывали 18 крепостей, при этом планировалось построить еще 12 фортов (Архив

Раевских, 1910: 399-401), но ожидаемого эффекта для пресечения контрабанды и работорговли не последовало.

Слабые гарнизоны укреплений не могли в полном объеме пресечь контрабанду и торговлю невольниками, поэтому турецкие суда беспрепятственно приставали к берегам, снабжали население военными припасами и увозили пленных. Крейсирующая эскадра, в состав которой входило семь судов, по состоянию моря не в силах была преследовать кочермы контрабандистов. Обыкновенно турецкие плоскодонки, на основании международного права, смело останавливались в трех милях от берега, объявленного в блокаде, и спокойно выжидали удобного случая, когда можно было на всех парусах подойти к берегу и, быстро разгрузившись, уйти снова в море. По предложению контр-адмирала Лазарева, в помощь блокирующей эскадре при каждом из береговых укреплений заведено было по одному или по два «мальтийских баркаса» с фальконетом или каронадой в носовой части. На обязанности этих судов входило поддерживать связь между укреплениями и внезапным появлением уничтожать контрабандные суда, пристававшие к берегу. В тоже время, в период осень – зима – весна из-за штормовой погоды, гарнизоны укреплений месяцами не получали почту и продовольствия. Фактически, укрепления Черноморской береговой линии, являлись местом несения службы прощтрафившихся военнoслужаших солдат и офицеров (Дьячков-Тарасов, 1904: 259-260; Тенгинский полк на Кавказе, 1900: 199-200).

Укрепления Черноморской береговой линии не могли предотвратить торговлю контрабандными товарами в обмен на невольников. Черноморское побережье северо-западного Кавказа было населено враждебными кавказскими племенами, которые продолжали способствовать несанкционированной торговле в обмен на пленников. Генерал Раевский пытался наладить конструктивные взаимоотношения с кавказскими племенами, развивал с ними экономические связи. В начале второй половины 1840 г. в укрепление св. Духа Раевский и владетель Абхазии князь М.Г. Шервашидзе приняли присягу на верность русскому престолу цандрипшских князей Цанба из племени садзы (Инал-Ипа, 2014: 32).

Попытки русского командования организовать торговые отношения с кавказскими племенами для предотвращения торговли невольниками в обмен на контрабандные товары из Турции, ни к чему не привели. Все попытки, связанные с поощрением русско-черкесской торговли, до середины XIX в. имели своей целью не экономические, а политические интересы (Лавров, 2009: 54-55).

По замечанию генерал-лейтенанта Раевского *«торговля с обитателями восточного берега Черного моря снабжала невольниками всю Турецкую империю, работниками — трапезондские рудники и женами — восточные гаремы»*. В тоже время, в 1839 г. генерал Раевский предлагал устроить вблизи Новороссийска рынок, где предоставить турецким купцам право продавать горцам, под наблюдением русской таможни, все необходимые для них предметы и даже допустить продажу женщин. Русское командование, которое противодействовало работорговле, последнее предложение Раевского считало категорически неприемлемым. Генерал-адъютант Иосиф Романович Анреп, сменивший Раевского в 1841 г., отмечал следующее: *«торговые сношения турок с горцами, живущими по восточному берегу Черного моря, приносят последним существенный вред, поощряя праздность и уничтожая всякую промышленность, основанную на труде; для нас же эти сношения особенно вредны тем, что поддерживают воинственный дух этих горских племен»* (Архив Раевских, 1910: 636; Васильев, 1874: 6).

В течение 1840-1842 гг. были приведены к присяге племена садзо-джигетов и убыхов. Генерал Анреп был убежден, что от принятия подданства убыхами, зависит спокойствие на Черноморском побережье северо-западного Кавказа и благодаря этому будет полностью прекращена контрабандная торговля кавказских племен с турками. Спокойствие было не долгим, т.к. с 1844 г. кавказские племена активизировали боевые действия против русских гарнизонов крепостей Черноморской береговой линии. В свою очередь русские войска активности не проявляли, т.к. в этот период имели тяжелые потери в Дагестане (Фадеев, 1935: 154-155, 161-162, 166), где проявлял активную деятельность имам Шамиль.

В этот период, ослабленные русские гарнизоны Черноморской береговой линии не в состоянии были в полном объеме противодействовать контрабанде и работорговле на Черноморском побережье северо-западного Кавказа. При этом в течение семи лет с 1845 по

1851 годы в укрепления и крепости Черноморской береговой линии спаслись бегством военнопленные и добровольные горские выходцы в количестве 125 человек (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1414. Л. 50).

После начала Крымской (Восточной) войны в 1854 г. все гарнизоны Черноморской береговой линии были эвакуированы, а укрепления взорваны, вследствие прибытия в Черное море англо-французской эскадры и турецких десантов. Практически все кавказские племена отказались от покорности русским властям (Фадеев, 1935: 170-171; Филипсон, 1883: 353-354). Уместно вспомнить выводы русского офицера Ф.Ф. Торнау, который в разведывательных целях посетил в 1835 г. Черноморское побережье северо-западного Кавказа. Торнау пытался доказать высшему военному командованию нецелесообразность возведения на берегу Черного моря линии небольших укреплений, т.к. они не смогут в полном объеме пресечь сношения горцев и англо-турецких контрабандистов, но при этом кавказские племена будут держать русские гарнизоны укреплений в постоянной блокаде (Торнау, 1864: 61).

В годы Крымской (Восточной) войны, ликвидация русскими береговых укреплений и прекращение крейсерства, а также оккупация союзниками ряда важных торговых пунктов Черноморского побережья северо-западного Кавказа вызвали новый подъем работорговли кавказских племен с Турцией (Покровский, 1989: 184).

В начале 1860-х годов разрушенные укрепления Черноморской береговой линии выглядели плачевно. Например, турецкие работорговцы использовали камни форта Вельяминовского для подпорки своих хижин, которых насчитывалось на берегу до 100 штук. В этих хижинах проживали как сами турецкие контрабандисты, так и женщины-невольницы. Как только необходимое количество невольниц приобреталось, то «живой товар» отправляли в Турцию. В связи с тем, что было возобновлено патрулирование берега русскими крейсерами и азовскими баркасами, свои кочермы турки прятали в кустарниках в устье реки, мачты обкладывали ветвями, и кочермы сливались с окружающей растительностью (Фонвиль, 1991: 30).

В сентябре 1861 г. представители кавказских племен обратились с просьбой о принятии их в подданство к императору Александра II. Император выставил ряд условий: прежде всего кавказские племена должны прекратить набеги за пленниками, исполнять все требования русской власти, чтобы доказать свою готовность исполнить эти требования, они должны выдать пленных и беглых. В случае отказа всем кавказским племенам предлагалось переселиться в Турцию (Эсадзе, 1993: 81).

Следует отметить, что кавказские племена были введены в заблуждение мусульманским духовенством и своими князьями, которые их запугивали произволом русских властей, солдатчиной, а с принятием русского подданства отказом от мусульманской религии. Черкесам обещали полную свободу, если они переселятся в Турцию. В действительности, по данным английского консула в Трапезунте, из прибывших в Анатолию кавказских племен (220 тыс. человек) в течение ноября 1863 г. по сентябрь 1864 г. были проданы в рабство 10 тысяч человек, а 100 тысяч умерли от голода и болезней (Покровский, 1989: 305-306).

Массовый исход кавказских племен начался в начале 1864 г. и основной его этап закончился уже в мае. 21 мая 1864 г. в урочище Кбаада под руководством великого князя Михаил состоялся парад русских войск, посвященный окончанию Кавказской войны (Материалы для описания войны, 1864: 298-300, 307, 313-314, 317, 340). Только после переселения кавказских племен в Турцию контрабандная торговля в обмен на невольников на Черноморском побережье северо-западного Кавказа была прекращена.

5. Заключение

Таким образом, в течение всей Кавказской войны Российская империя пыталась предотвратить работорговлю на территории северо-западного Кавказа. Уже в начале XIX века было организовано крейсерование русскими военными судами Черноморского побережья. Эффективность русских военных кораблей в борьбе с контрабандой и работорговлей оказалась низкой, ввиду незначительности Черноморской эскадры.

Во второй половине 1830-х годов Российское правительство приступило к созданию укреплений Черноморской береговой линии, деятельность которых была направлена на

пресечение работорговли. Однако и эта мера несмотря на ряд положительных моментов (бегство рабов к русским крепостям и значительный мирный диалог русских с горцами) не смогла прекратить работорговлю. Как итог налеты горцев с целью захвата «живого товара» продолжались на северо-западном Кавказе вплоть до 1864 г., вплоть до мухаджирства.

Литература

- «М.П. Лазарев», 1955 – «М.П. Лазарев». Документы. Русские флотоводцы. Материалы по истории Русского флота // под ред. полковника А.А. Самарова. Т. II. М., 1955.
- Айрапетов, 2008 – Айрапетов О.Р. Поставим на своем без драки...». Дело «Виксена» и большая игра на Кавказе // Родина. 2008. № 7.
- АКАК, 1873 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 5. Тифлис, 1873.
- АКАК, 1878 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 7. Тифлис, 1878.
- АКАК, 1881 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 8. Тифлис, 1881.
- АКАК, 1881а – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 9. Тифлис, 1881.
- Архив Раевских, 1910 – Архив Раевских. Т. III. СПб., 1910.
- Бушуев, 1940 – Бушуев С. Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836–1837 гг.) // Красный архив. 1940. № 5(102).
- Васильев, 1874 – Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. // Военный сборник. 1874. Т. LXLVIII.
- Военная энциклопедия, 1912 – Военная энциклопедия. Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. фон-Шварца, В.А. Апушкина, Г.К. фон-Шульца. М., 1912.
- Вульф, 1886 – Вульф П. Английская шхуна «Wixen» – военный приз, взятый бригадом «Аякс» у берегов Кавказа в 1836 г. // Морской сборник. 1886. № 4.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Георгий Васильевич Новицкий, 1878 – Новицкий Г.В. Биографический очерк. 1800–1877 // Русская старина. 1878. № 6.
- Дзидзария, 1940 – Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в. Сухуми, 1940.
- Дзидзария, 1958 – Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958.
- Дубровин, 1871 – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Книга I. СПб., 1871.
- Дьячков-Тарасов, 1904 – Дьячков-Тарасов Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточною войною в 1853 г. // Кубанский сборник. 1904. Т. 10.
- Инал-Ипа, 2014 – Инал-Ипа Ш.Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. Сухум, 2014.
- Карлгоф, 1860 – Карлгоф Н.О. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. № 8.
- Лавров, 2009 – Лавров Л.И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. СПб., 2009.
- Материалы для описания войны, 1864 – Материалы для описания войны на Западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // Военный сборник. 1864. № 12.
- Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.
- Потто, 1889 – Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV. СПб., 1889.
- Тенгинский полк на Кавказе, 1900 – Тенгинский полк на Кавказе (1819–1846 гг.) // Сост. поручик Ракович. Под ред. В. Потто. Тифлис, 1900.
- Торнау, 1864 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864.
- Утверждение наше в Абхазии, 1889 – Утверждение наше в Абхазии // Кавказский сборник. Т. 13. 1889.
- Утверждение русского владычества, 1902 – Утверждение русского владычества на Кавказе // Под руководством бывшего начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Н.Н. Белявского, составлено в военно-историческом отделе, под редакцией генерал-майора Потто. Т. II. Тифлис, 1902.

Утверждение русского владычества, 1908 – Утверждение русского владычества на Кавказе // Под руководством бывшего начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Н.Н. Белявского, составлено в военно-историческом отделе, под редакцией генерал-майора Потто. Т. IV. Ч. 1. Тифлис, 1908.

Фадеев, 1935 – Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. 1935. № 4.

Фадеев, 2010 – Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.

Федоров, 1879 – Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Т. 3. Тифлис, 1879.

Филипсон, 1883 – Филипсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 6.

Фонвиль, 1991 – Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Из записок участника-иностранца. Нальчик, 1991.

Черкасов, 2005 – Черкасов А.А. Очерки истории первого русского укрепления на реке Соча-Пста (1838–1854 гг.). Краснодар-Сочи, 2005.

Эсадзе, 1993 – Эсадзе С. Покорение западного Кавказа и окончание кавказской войны. Майкоп, 1993.

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century // *Annales Ser. hist. sociol.* 2017. 27 (4). Pp. 851-864.

Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Šmigel' M., Bratanovskii S.N. Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 50. Is. 4. Pp. 1334-1346.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1: 1415-2266.

Dudarev, 2018 – Dudarev S.L. F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past // *Slavery: Theory and Practice.* 2018. 3(1): 18-30.

Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel M., Cherkasov A.A. The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody.* 2016. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1182-1197.

Vozgrin, 2018 – Vozgrin V.E. The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe // *Slavery: Theory and Practice.* 2018. 3(1): 4-17.

References

«М.П. Лазарев», 1955 – «М.П. Лазарев». Dokumenty. Russkie flotovodtsy. Materialy po istorii Russkogo flota ["М.П. Лазарев". Documents. Russian naval commanders. Materials on the history of the Russian fleet]. Pod red. polkovnika A.A. Samarova. T. II. M., 1955. [in Russian]

Airapetov, 2008 – Airapetov, O.R. (2008). Postavim na svoem bez draki...». Delo «Viksen» i bol'shaya igra na Kavkaze [Let's put it on our own without a fight ... "The Vixen case and the big game in the Caucasus]. *Rodina.* 7. [in Russian]

АКАК, 1873 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. T. 5. Tiflis, 1873. [in Russian]

АКАК, 1878 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission.]. T. 7. Tiflis, 1878. [in Russian]

АКАК, 1881 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission.]. T. 8. Tiflis, 1881. [in Russian]

АКАК, 1881a – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission.]. T. 9. Tiflis, 1881. [in Russian]

Архив Раевских, 1910 – Архив Раевских [The Raevsky Archive]. T. III. SPb., 1910. [in Russian]

Bushuev, 1940 – Bushuev, S. (1940). Anglo-russkii intsident so shkhunoi «Viksen» (1836–1837 gg.) [Anglo-Russian incident with the schooner "Vixen" (1836–1837)]. *Krasnyi arkhiv.* 5(102). [in Russian]

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century. *Annales Ser. hist. sociol.* 27(4): 851-864.

- [Cherkasov et al., 2018](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel' M., Bratanovskii, S.N. (2018). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1334-1346.
- [Cherkasov, 2005](#) – Cherkasov, A.A. (2005). Ocherki istorii pervogo russkogo ukrepleniya na reke Socha-Psta (1838–1854 gg.) [Essays on the history of the first Russian fortification on the Socha-Psta river (1838–1854)]. Krasnodar-Sochi. [in Russian]
- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.
- [Dubrovin, 1871](#) – Dubrovin, N.F. (1871). Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze [The history of the war and Russian domination in the Caucasus]. T. I. Kniga I. SPb. [in Russian]
- [Dudarev, 2018](#) – Dudarev, S.L. (2018). F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 18-30.
- [D'yachkov-Tarasov, 1904](#) – D'yachkov-Tarasov, N. (1904). Chernomorskaya kordonnaya, Chernomorskaya beregovaya linii i pravyyi flang Kavkaza pered Vostochnoyu voynoyu v 1853 g. [Black Sea cordon, Black Sea coastlines and the right flank of the Caucasus before the Eastern War in 1853]. *Kubanskii sbornik*. T. 10. [in Russian]
- [Dzidzariya, 1940](#) – Dzidzariya, G.A. (1940). Bor'ba za Abkhaziyu v pervom desyatiletii XIX v. [The struggle for Abkhazia in the first decade of the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]
- [Dzidzariya, 1958](#) – Dzidzariya, G.A. (1958). Narodnoe khozyaistvo i sotsial'nye otnosheniya v Abkhazii v XIX veke [National economy and social relations in Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]
- [Esadze, 1993](#) – Esadze, S. (1993). Pokorenie zapadnogo Kavkaza i okonchanie kavkazskoi voyny [Conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian war]. Maikop. [in Russian]
- [Fadeev, 1935](#) – Fadeev, A. (1935). Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the liberation movement in the Western Caucasus]. *Istoricheskii sbornik*. 4. [in Russian]
- [Fadeev, 2010](#) – Fadeev, R.A. (2010). Gosudarstvennyi poryadok. Rossiya i Kavkaz [State order. Russia and the Caucasus]. M. [in Russian]
- [Fedorov, 1879](#) – Fedorov, M.F. (1879). Pokhodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god [Travel notes in the Caucasus from 1835 to 1842]. *Kavkazskii sbornik*. T. 3. Tiflis. [in Russian]
- [Filipson, 1883](#) – Filipson, G.I. (1883). Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona [Memoirs of Grigory Ivanovich Phillipson]. *Russkii arkhiv*. 6. [in Russian]
- [Fonvil', 1991](#) – Fonvil', A. (1991). Poslednii god voyny Cherkessii za nezavisimost' 1863–1864 gg. Iz zapisok uchastnika-inostrantsa [The last year of the war of Circassia for independence 1863–1864. From the notes of a foreign participant]. Nal'chik. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Krai]. [in Russian]
- [Georgii Vasil'evich Novitskii, 1878](#) – Novitskii G.V. Biograficheskii ocherk. 1800–1877 [Novitsky G.V. Biographical sketch. 1800–1877]. *Russkaya starina*. 1878. № 6. [in Russian]
- [Inal-Ipa, 2014](#) – Inal-Ipa, Sh.D. (2014). Sadzy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Sadzy. Historical and ethnographic essays]. Sukhum. [in Russian]
- [Karlhof, 1860](#) – Karlhof, N.O. (1860). O politicheskom ustroistve cherkesskikh plemen, naselyayushchikh severo-vostochnyi bereg Chernogo morya [On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea]. *Russkii vestnik*. 8. [in Russian]
- [Lavrov, 2009](#) – Lavrov, L.I. (2009). Ubykhi. Istoriko-etnograficheskaya monografiya [Ubykh. Historical and ethnographic monograph]. SPb. [in Russian]
- [Materialy dlya opisaniya voyny, 1864](#) – Materialy dlya opisaniya voyny na Zapadnom Kavkaze. Dakhovskii otryad na yuzhnom sklone gor v 1864 godu [Materials for describing the war in the Western Caucasus. Dakhovsky detachment on the southern slope of the mountains in 1864]. Voennyi sbornik. 1864. № 12. [in Russian]
- [Pokrovskii, 1989](#) – Pokrovskii, M.V. (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the Circassians at the end of the 18th – the first half of the 19th century.]. Sotsial'no-ekonomicheskie ocherki. Krasnodar. [in Russian]

[Potto, 1889](#) – *Potto, V.* (1889). Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies]. T. IV. SPb., 1889. [in Russian]

[Smigel, Cherkasov, 2016](#) – *Smigel, M., Cherkasov, A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.

[Tenginskii polk na Kavkaze, 1900](#) – Tenginskii polk na Kavkaze (1819–1846 gg.) [Tengin regiment in the Caucasus (1819–1846)]. Sost. poruchik Rakovich. Pod red. V. Potto. Tiflis, 1900. [in Russian]

[Tornau, 1864](#) – *Tornau, F.F.* (1864). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memories of a Caucasian officer]. M., 1864. [in Russian]

[Utverzhenie nashe v Abkhazii, 1889](#) – Utverzhenie nashe v Abkhazii [Our statement in Abkhazia]. *Kavkazskii sbornik*. T. 13. 1889. [in Russian]

[Utverzhenie russkogo vladychestva, 1902](#) – Utverzhenie russkogo vladychestva na Kavkaze [Approval of Russian rule in the Caucasus]. Pod rukovodstvom byvshego nachal'nika shtaba Kavkazskogo voennogo okruga general-leitenanta N.N. Belyavskogo, sostavleno v voenno-istoricheskom otdel'e, pod redaktsiei general-maiora Potto. T. II. Tiflis, 1902. [in Russian]

[Utverzhenie russkogo vladychestva, 1908](#) – Utverzhenie russkogo vladychestva na Kavkaze [Approval of Russian rule in the Caucasus]. Pod rukovodstvom byvshego nachal'nika shtaba Kavkazskogo voennogo okruga general-leitenanta N.N. Belyavskogo, sostavleno v voenno-istoricheskom otdel'e, pod redaktsiei general-maiora Potto. T. IV. Ch. 1. Tiflis, 1908. [in Russian]

[Vasil'ev, 1874](#) – *Vasil'ev, E.* (1874). Chernomorskaya beregovaya liniya 1834–1855 gg. [Black Sea coastline 1834–1855]. *Voennyi sbornik*. T. LXLVIII. [in Russian]

[Voennaya entsiklopediya, 1912](#) – Voennaya entsiklopediya [Military Encyclopedia]. Pod red. K.I. Velichko, V.F. Novitskogo, A.V. fon-Shvartsa, V.A. Apushkina, G.K. fon-Shul'tsa. M., 1912. [in Russian]

[Vozgrin, 2018](#) – *Vozgrin, V.E.* (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 4-17.

[Vul'f, 1886](#) – *Vul'f, P.* (1886). Angliiskaya shkhuna «Wixen» – voennyi priz, vzyaty brigom «Ayaks» u beregov Kavkaza v 1836 g. [The English schooner "Wixen" – a military prize taken by the "Ajax" brig off the coast of the Caucasus in 1836]. *Morskoi sbornik*. 4. [in Russian]

Борьба с работорговлей на северо-западном Кавказе в первой половине XIX в.

Константин Викторович Таран ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается сложный процесс диалога Российской империи с народами Кавказа в деле борьбы с работорговлей в первой половине XIX века.

В качестве материалов в работе использованы документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), а также несколько томов опубликованного сборника документов «Акты Кавказской археографической комиссии», коллекции документов Архива Раевских, новейшего сборника документов «Черкесские невольничьи повествования» и других. Важное значение в исследовании имеют различные материалы личного происхождения: дневники и воспоминания путешественников, разведчиков и эмиссаров. Применялась также специализированная военная литература.

В работе был широко применен описательный и хронологический методы, которые позволили детализировать картину противодействия русской администрации работорговле кавказских племен и рассмотреть события в хронологической последовательности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран)

В заключении мы хотели бы отметить, что в течение всей Кавказской войны Российская империя пыталась предотвратить работорговлю на территории северо-западного Кавказа. Уже в начале XIX века было организовано крейсирование русскими военными судами Черноморского побережья. Эффективность русских военных кораблей в борьбе с контрабандой и работорговлей оказалась низкой, ввиду незначительности Черноморской эскадры. Во второй половине 1830-х годов Российское правительство приступило к созданию укреплений Черноморской береговой линии, деятельность которых была направлена на пресечение работорговли. Однако и эта мера несмотря на ряд положительных моментов (бегство рабов к русским крепостям и значительный мирный диалог русских с горцами) не смогла прекратить работорговлю. Как итог налеты горцев с целью захвата «живого товара» продолжались на северо-западном Кавказе вплоть до 1864 г., вплоть до мухаджирства.

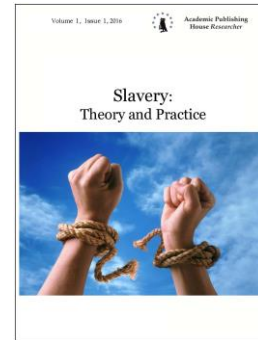
Ключевые слова: работорговля, Северный Кавказ, Российская империя, мухаджирство, XIX век.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 87-95

DOI: 10.13187/slave.2020.1.87
www.ejournal43.com

Serfdom in Eastern Europe between the Sixteenth and Nineteenth Centuries: The Role of the Psychology of Slavery

Josephine Cudjoe ^{a, *}

^a KAD International, Ghana

Abstract

The psychology of slavery that existed in the regions of Eastern Europe has been described by historians to have a significant trend and impact on the nature of slavery, slaves, masters, and the general local population. Though there was a purported system of labour system called serfdom within Eastern Europe, the core psychological system that maintained its operation was purely slavery and an inhumane form of forced labour according to many historical scientists. The purpose of this paper is to critically review, develop, and describe the latent psychological system that drove serfdom until its fall in Russia. The study adopted multifaceted approaches to review existing empirical studies and internet sources. Notable among the findings is that the psychology of slavery drove the core system of serfdom in the Russian State. Furthermore, serfdom literally made peasants objects of slavery where they lost their freedom and rights to the rich landowners until 1723 under Peter the Great. Additionally, the laws regarding serfdom were not regarded in practise, though they existed on paper. Thus, the regulation of serfdom, especially the modalities surrounding the sale or transfer of serfs were left in the hands of the nobles and the state. Notwithstanding these illegalities, a wrong perceptual image was painted to the peasants to believe that serfdom was not equivalent to slavery. It can be concluded that serfdom had a dichotomous psychological frame to maintain it; the psychology of state and nobility and that of the peasants. The findings of this paper are useful for both research and historical pedagogy in Eastern Europe and beyond.

Keywords: Eastern Europe, psychology of slavery, slavery, slaves, serfs, Russia, sixteenth and nineteenth centuries.

1. Introduction

The term "serf" in Eastern Europe is used to describe a group of people, mostly peasants, who served the nobles or the state following the abolition of slavery in the 17th century (Blum, 1957; Bohac, 1985; McCaffray, 2005). Serfdom according to historical scientists was another route used by the upper-class to enslave peasants after the closing down of slavery by Emperor Peter I in 1723 (Blum, 1957; Bohac, 1985). Though the traditional form of human enslavement during the period seems to have ceased, similar psychology of slavery ensued during the practice of serfdom (Metz, 2018).

Like serfdoms in other parts of Europe, the captivity of a Russian peasant was linked to a situation of a debt-bondage where he literally lives as a slave on the land of the noble (Blum, 1957). The complex social-psychological frame that supported serfdom in Eastern Europe differed a bit from the traditional slavery as it began by attaching serfs to the land they cultivated (Wirtschafter, 1998).

* Corresponding author
 E-mail addresses: cudjoej1@gmail.com (J. Cudjoe)

In the law passed to regulate serfdom in the Russian State, the state and the Russian upper-class were the only groups of entities who could trade in serfs (Wirtschafter, 1998). Furthermore, the state and the Russian upper-class were legally permitted to only sell or buy serfs with lands and had ownership rights over the serfs once purchased. Though the initial concept of serfdom appears to create a better approach to slavery, it offered the serfs with no human rights (Blum, 1957; Bohac, 1985; Metz, 2018). See Figure 1 for the geographical sharing of Serfdom by 1860.

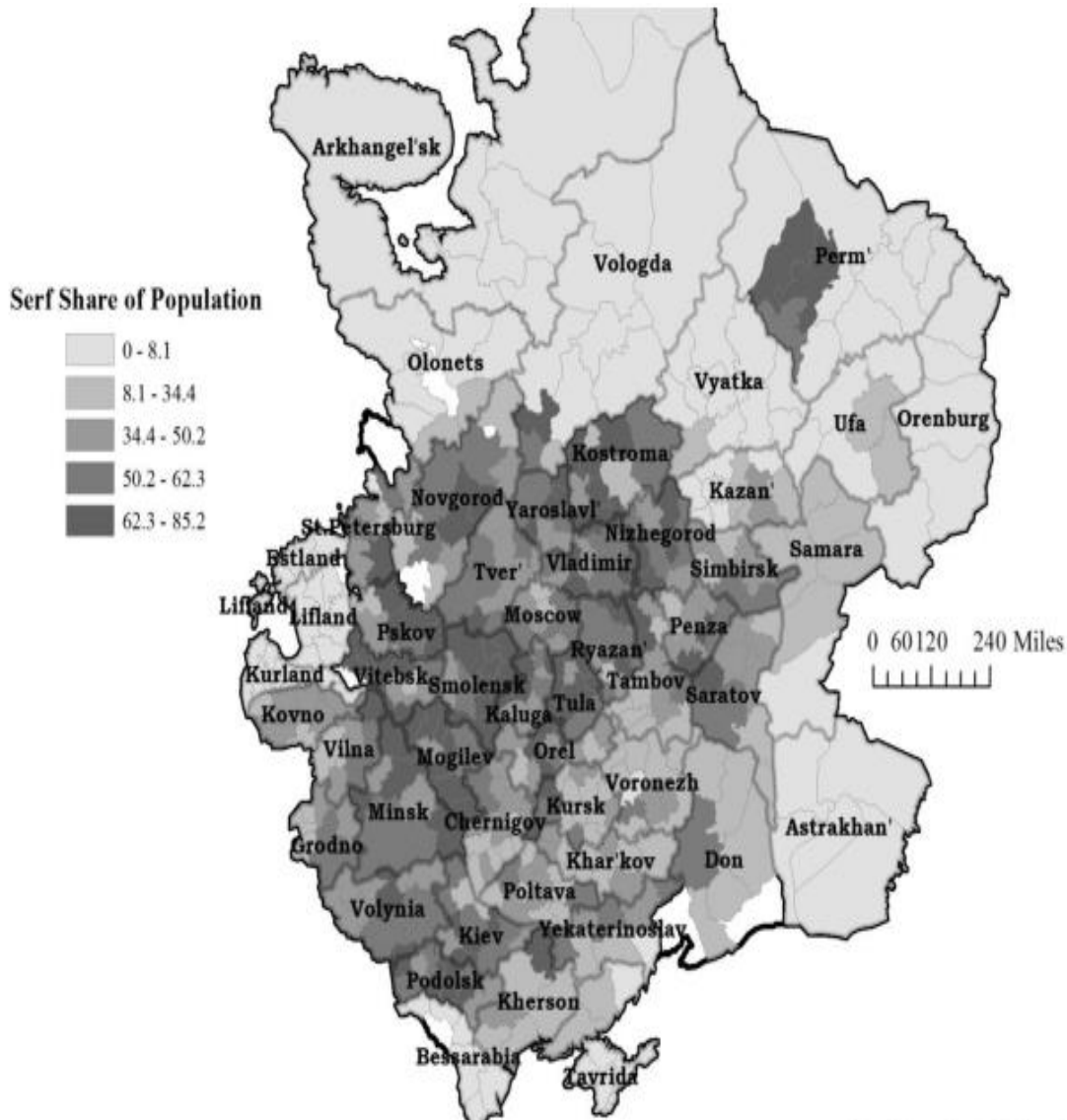

Fig. 1. Geographic Distribution of Serfdom by 1860
Source: Nafziger (2013).

Practically, serfs lived as slaves without the rights to leave their lords or even choose to marry with the permission of their landowners (Wirtschafter, 1998). These inhumane restrictions served to protect the existing system of slavery psychology that the nobles used to practice and this also allowed each of the upper-class in the serfdom system to function as slave masters while the serfs lived latently as slaves (Metz, 2018).

Evidence regarding the economic value of serfdom seems both conflicting and inconsistent among research scholars in the historical sciences. For example, Moon (1996) observed that serfdom was incorporated with some positive characteristics like flexibility and economic growth when compared to other forms of slavery practiced in the West. Also, the class system of serfdom which had emerged out of the Feudal System of the economy was seen as more balanced with the monarch and the nobles at the higher levels of management. According to these scholars, the upper

class managed the society and production affairs better than the peasants especially when it came to crises like famine.

Additionally, the supremacy of nobles at the top guaranteed the maintenance of law and order among the serfs to ensure social order. Nonetheless, many authors and evidence showed that the system of serfdom was just like any form of slavery until its collapse in 1861 (Domarand, Machina, 1984).

This paper examined the psychology of slavery within the frame of Russian serfdom in Eastern Europe. It also sought to describe the legal basis of the serfdom system and socioeconomic factors that existed with this system of bondage between the 16th and 19th centuries. In addition, the paper explored the psychosocial problems that were associated with the system of serfdom during and after its practice.

2. Materials and methods

2.1. The study's materials were acquired from several scholarly articles and monographs of researchers in the field of serfdom in Eastern Europe like Bohac, Blum, Metz, Wirtschaftfer, Stanziani, McCaffray, and others. Additionally, valuable materials were obtained from the official websites of historical societies in Europe and the world regarding slavery between the 16th and 19th centuries.

2.2. The study used the systematic review method for historical literature review was selected. This methodology has been used by Engerman (2000) to understudy the concept of slavery at diverse periods and places. Additionally, Molchanov (2019) described this methodology as "*a variety of general research methods such as analysis, synthesis, comparison, specialization, etc.*" (p. 20). This approach is suitable for the topic under study as it had been used by several recent scholars in the history of slavery such as Finkel et al. (2017) and Such et al. (2020).

3. Discussion

3.2. History of Russian Serfdom

Russian serfdom as a social institution started as the answer to available land but limited labour force (Such et al., 2020). The peasants also received security or protection from the Tsars and nobles of the state who owned lands. Essentially, serfdom though seen by few studies as lucrative till the emancipation of serfs (Domar, Machina, 1984), it imposed several limitations on peasants' human rights especially in freedom of movement, economic empowerment, and social decision-making (Markevich, Zhuravskayaa, 2017; McCaffray, 2005). These human rights abuse and slavery practices during the serfdom era were able to occur because serfdom though was founded on the Code of Law, "was never clearly introduced institutionally in Russia" (Stanziani, 2008, 183).

Until the emancipation of serfs, there were three different classifications of peasants in the Russian State. These groupings include free agricultural labourers, state peasants, and private serfs (Markevich, Zhuravskayaa, 2017). While the state peasants lived and worked on state owned-lands as free persons without lands, private serfs were owned by the upper class or nobles who owned the lands that these peasants lived and cultivated (see Figure 2 and 3 for the groupings of the state and private serfs respectively).

According to Nafziger (2013), though serfdom has been described as different from the system of slavery in the West, they share many similarities as a system of forced labour control between the 16th and 19th centuries. As of 1858, private serfs in rural Russia formed 43 % of the total population of residents (Markevich, Zhuravskayaa, 2017). Notwithstanding the increasing populations of peasants, the 1949 Code of Law that regulated the practice of serfdom gave the nobles limitless advantages and power over their peasants (Massie, 2012; Millward, 1982).

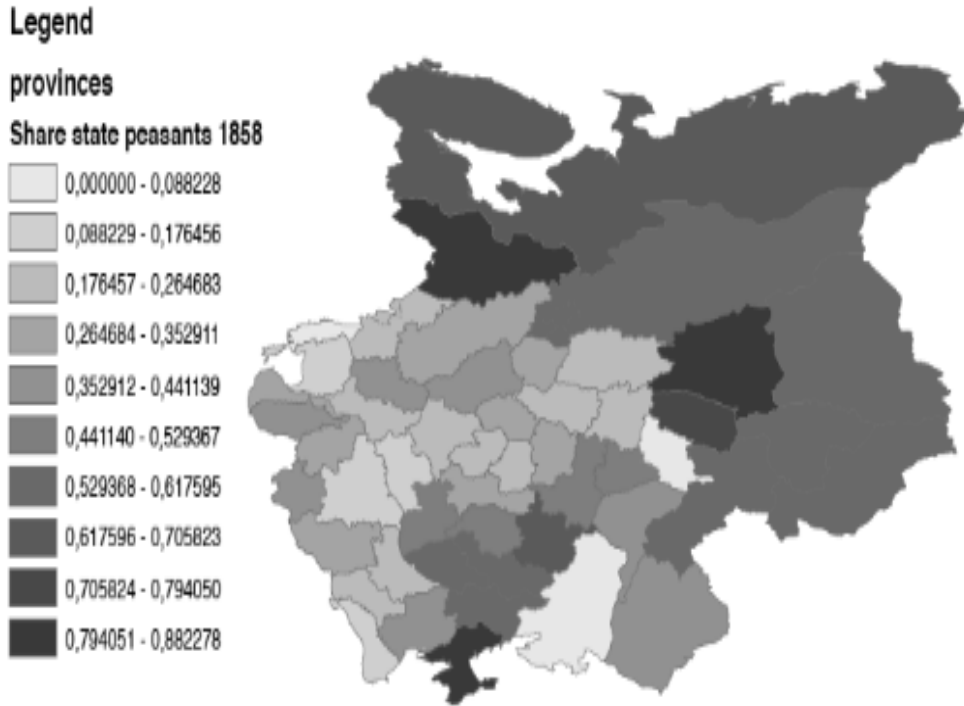

Fig. 2. Populations of state-owned serfs in the Russian State
Source: Markevich and Zhuravskayaa (2017)

Aside from the forced system of labour, serfs had two methods of work contracts subject to what is profitable to their landlords. The first type of contract is called *corvee* (*barschina*) where the peasants work for particular times as prescribed by nobles in their estates or land. Also, the second type of contract is called the quit rent (*obrok*) where serfs cultivated the lands they occupy to pay their landowners an agreed amount of money or food products (Markevich, Zhuravskayaa, 2017; Metz, 2018). See Figure 4 for their geographic distribution.

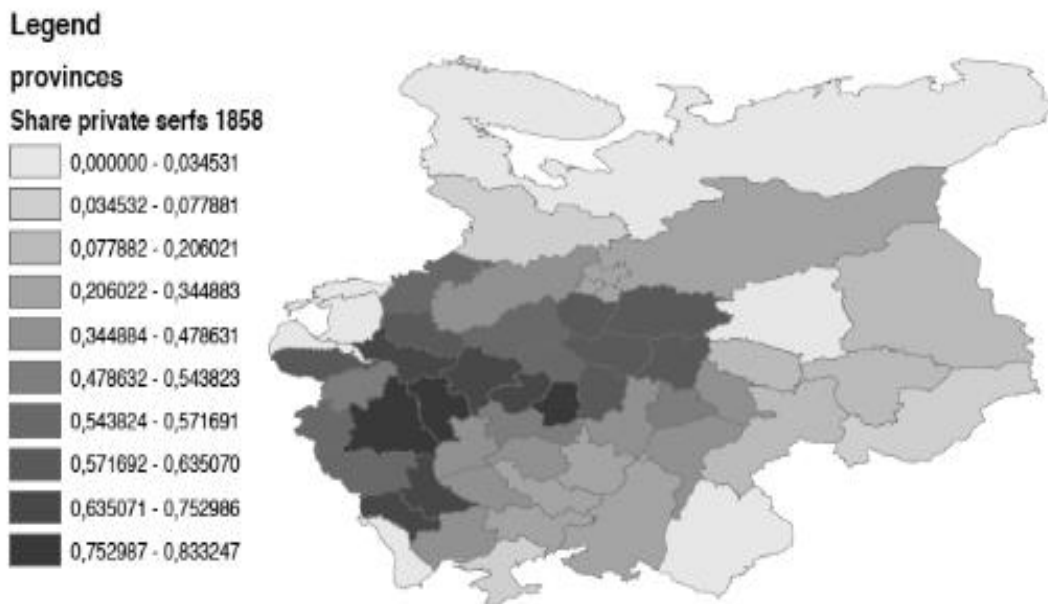

Fig. 3. Populations of privately-owned serfs in the Russian State
Source: Markevich and Zhuravskayaa (2017)

Among all the categories of serfs, the state-owned had better standards of living and health conditions than private-owned serfs (Markevich, Zhuravskayaa, 2017). In contrast, there existed a group of free agricultural labourers who were the “Cossacks with community land ownership, peasants in the three Baltic provinces without lands, indigenous people living in Bessarabiya and Astrakhan provinces who were non-Russians, and colonials who worked on fields belong to the state” in 1858 (Markevich, Zhuravskayaa, 2017: 5). Due to this unfair system of labour terms that allowed the landowners to review contracts on every occasion, peasants who operated under the Corvee contract were seen as less productive and malnourished compared to those with Obrok contracts (Markevich, Zhuravskayaa, 2017). See the geographic distribution of the Obrok.

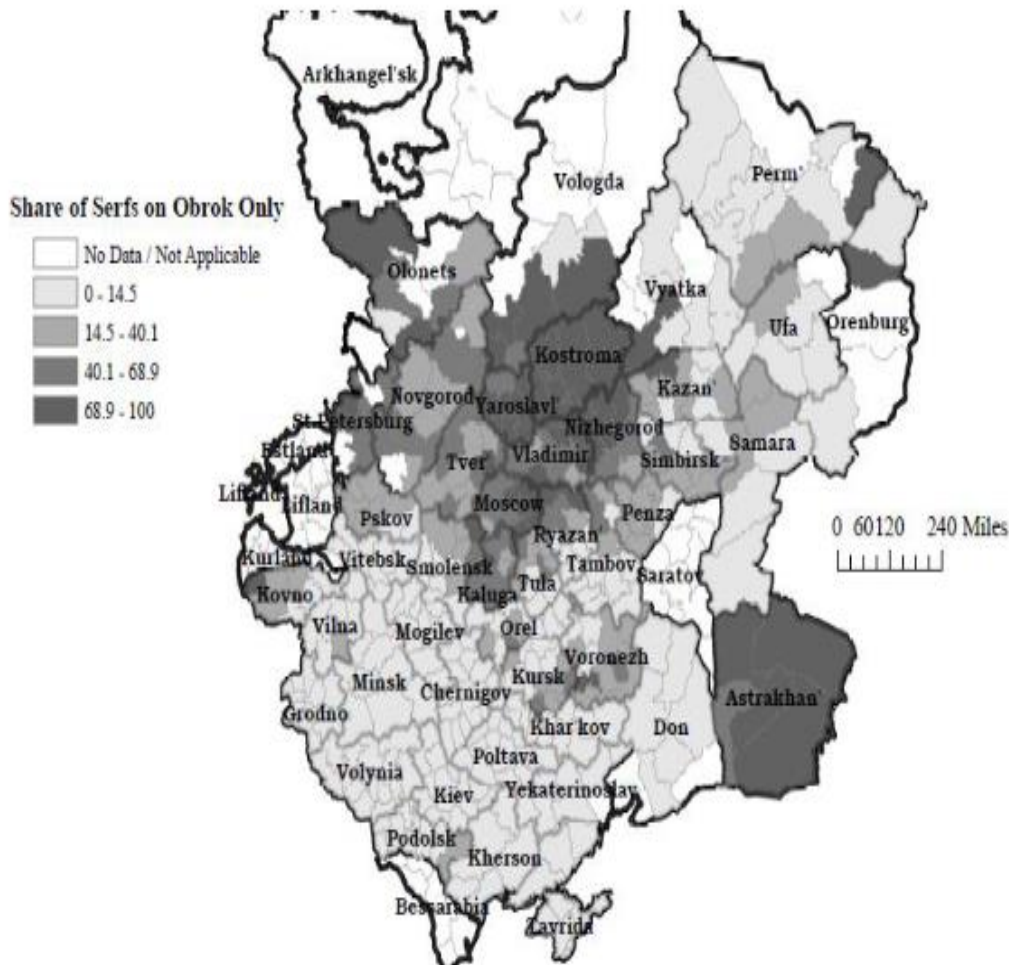

Fig. 4. The Geographic distribution of Serf Obligations in 1858 (peasants only on Obrok)
Source: Nafziger (2013).

Although the landowners were not legally allowed to kill serfs, their status as slaves and possessions of their masters did not change up until the emancipation (Massie, 2012). With time, serfs even had the opportunity to be recruited into Russian factories or the Russian military as their population increased (Metz, 2018). On the other hand, serfs who were employed even in these sectors had no respect because they were still seen as slaves (Massie, 2012; Metz, 2018; Pipes, 1974). The common assertion among several historical scientists like Finkel et al. (2017), Markevich and Zhuravskayaa (2017), Metz (2018), and Pipes (1974) is that serfdom was destructive.

Between 1777 and 1859, there was a marked increase in the population of serfs in the Russian state. Nonetheless, Pipes (1974) indicated that this growing number of serfs in each province as shown in Figure 5 did not promote agricultural production across the Russian state. Even with the enlistment of serfs into the then Russian army, it was noted that serfs were only recruited to reduce

2018). Naturally, the free Russian peasants were psychologically not “freed” due to the nature of the existing class system. Thus, it was not surprising that the peasants were in the Russian State were declared as serfs or properties of the state and upper-class who owned estates in the 1649 Code of Law (Sobornoye Ulozhenie).

Serfdom as an agrarian reform was seen as a legal practice under the Feudal land ownership system (Wirtschafter, 1998). The state and the nobles were seen as the superiors by owning estates. This advantage allowed them to dictate the sequence of livelihood for the peasants who depended on their lands for survival. Essentially, the Russian peasants became poorer and dependent during the Feudal period and much more during the serfdom era as poverty has been seen as a driver for slavery even in modern times (Adesina, 2014).

The second key psychosocial factor that promoted Serfdom in the Russian State was the social acceptance of the abuse of peasants’ human rights in many provinces in the Russian State as shown in Figure 5 (Wirtschafter, 1998). Peasants who were seen as serfs were psychologically perceived as commodities instead of human beings. Thus, their value initially lied in the lands they were attached to until they were even sold without lands (Nafziger, 2012; Melton, 1987). For example, it was acceptable then to see serfs and their children being sold in open markets within and outside the Russian Empire as far as the Ottoman Empire and Persia even without lands (Stanziani, 2008). This was illegal but socially acceptable to keep the agrarian economy running (Nafziger, 2012; Wirtschafter, 1998).

4. Results

4.2. The Psychology of Slavery During the Practice of Serfdom in Russia

The psychology of slavery in Eastern Europe between the 16th and 19th centuries seems to be one of the latent drivers of serfdom between 1649 and 1861 (Markevich, Zhuravskayaa, 2017). Though a law had been enacted to govern the practice of serfdom in the Russian state, the perceptions regarding the nobles as lords while the peasants appeared as slaves maintained the social order instead (Millward, 1982). To a greater extent, only the parts of the law that favoured the upper class were upheld. For instance, the state laws permitted only the state and nobles the legal right to use the labour of their serfs and transfer them with the lands they live and farm on. Also, it was illegal for serfs to flee from their owners or their lands. Even so, some peasants were sold without lands in open markets by the nobles (Massie, 2012; Millward, 1982).

It is obvious that the peasants during the period of serfdom had a disoriented self-view of being slaves. This allowed them to be exploited as slaves even during the weak economic state of Tsarist Russia. As stated by Ensign (2019), certain life events through a distinctive kind of learning called “transformative learning” make people revise their mental framework to accept the uncertainties to make life meaningful. Thus, a critical look at serfdom clearly shows evidence of a stronger psychological system with a rather weak trade law that was never fully enforced by the state. Also, serfdom depicted a disorganised system of communal land tenure, and a weakening political system (Nafziger, 2013).

Furthermore, it took quite a lot of external influence for the emancipation of the serfs in Russia to occur. Intrinsically, a person with an accepted disoriented self-view as a slave will need much external push to begin a fight for freedom. Stronger external push like the formal acceptance of the 1856 Treaty of Paris by Tsar Alexander II after the Russian state lost the Crimean War (Simkin, 2020) and the political weakness of Alexander II’s governance following the war pushed for the emancipation of serfs (Metz, 2018; Simkin, 2020).

4.2. The Psychology of Slavery After the Emancipation of Serfs in Russia

In 1861, Alexander II proposed some liberal reforms to help end serfdom (Metz, 2018). These privileges for serfs received serious opposition from the nobles who were the owners of the estates at the period (Markevich, Zhuravskayaa, 2017). One major reform was to allow serfs to purchase lands from their lords under a system of payment termed as “Redemption Payments” (Metz, 2018). Through the state, the freed peasants were mandated to make forty-nine annual pay instalments for their acquired lands (Metz, 2018; Simkin, 2020). Though this policy appears good, to perpetuate the psychology of slavery and class-system offered most Russian peasants a complicated and expensive process to acquire land titles (Nafziger, 2013).

The need to keep the peasants below the socioeconomic class of the nobles might have accounted for Redemption Payments (Simkin, 2020). As compared to the state-owned serfs who

had been freed, most privately-owned serfs acquired no land title from their landowners after the emancipation. This might have been as a result of the slave trade of selling peasants without lands by most of the private owners. Additionally, freed privately-owned serfs who were able to obtain some land titles during the Redemption got smaller land sizes to accommodate and feed their families. These peasants were not able to produce enough to pay for the redemption costs (Metz, 2018; Simkin, 2020).

The process of redemption had little legal commitment from the nobles who continued to see the freed peasants as their slaves. Thus, the emancipation negatively influenced the distribution of productive dynamics in most of the rural populations. This period of economic hardship for the peasants was worsened by famine across as most peasants forced sold all their produce to pay for their redemption (Metz, 2018; Simkin, 2020). In modern times, the psychosocial deficits inherited from serfdom still lives on even after emancipation. Buggle and Nafziger (2017) in their study of developmental data between 1800 and 2002 noted that geographical locations that accommodated higher percentages of serfdom after the emancipation had lesser industrial development and urbanisation compared to areas with lesser serf tenancy.

5. Conclusion

The study reviewed scholarly materials and several relevant internet sources on the system of serfdom, its socio-economic impact, and the existing psychology of slavery influenced the Russian State between the 16th and 19th centuries. The results of the study indicate that the serf system could not have survived its era without stronger psychology of slavery. Though serfdom only benefited the monarch and upper class following the passage of the 1649 Code of Law, the peasants continued to live in deplorable states even after their emancipation. Thus, the modality for freedom and ownership of lands by the 'freed serfs' even worsened their overall quality of life. Though the argument among scholars about the effects of serfdom on Russia's national development appears inconclusive, the role of the psychology of slavery is undisputable (Markevich, Zhuravskayaa, 2017; Simkin, 2020). Additionally, illegal gains by the nobles, especially in the sale of privately-owned slaves without lands might have also affected the poor productivity during the serfdom period (Parmele, 2018). Based on these suggestions, this current study has an implication for future research on the subject of slavery and historical pedagogy.

6. Acknowledgements

I am grateful to the authors whose works were cited in this study.

References

- Adesina, 2014 — Adesina, O.S. (2014). Modern day slavery: poverty and child trafficking in Nigeria. *African Identities*. 12(2): 165-179.
- Blum, 1957 — Blum, J. (1957). The rise of serfdom in Eastern Europe. *The American Historical Review*. 62(4): 807-836.
- Bohac, 1985 — Bohac, R.D. (1985). Peasant inheritance strategies in Russia. *The Journal of Interdisciplinary History*. 16(1): 23-42.
- Buggle, Nafziger, 2017 — Buggle, J.C., Nafziger, S. (2017). The slow road from serfdom: labor coercion and long-run development in the former Russian Empire. *Review of Economics and Statistics*. 1-46.
- Cherepanov, 2018 — Cherepanov, V. (2018). Is it Possible to Abolish the Serf Suffrage in Russia? *Studia Politologiczne*. 48: 186-195.
- Domar, Machina, 1984 — Domar, E.D., Machina, M.J. (1984). On the profitability of Russian serfdom. *The Journal of Economic History*. 44(4): 919-955.
- Engerman, 2000 — Engerman, S.L. (2000). Slavery at different times and places. *The American Historical Review*. 105(2): 480-484.
- Ensign, 2019 — Ensign, T.G. (2019). The seed of transformation: a disorientation index. Theses and Dissertations. Pepperdine University, California, United States of America. 1056. [Electronic resource]. URL: <https://digitalcommons.pepperdine.edu/etd/1056>
- Finkel et al., 2017 — Finkel et al. (2017). (Good) Land and freedom (for former serfs): Determinants of peasant unrest in European Russia, March–October 1917. *Slavic Review*. 76(3): 710-721.

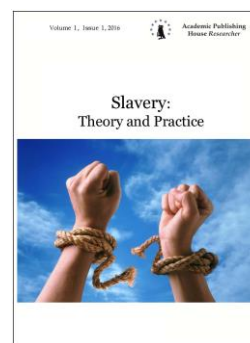
- [Markevich, Zhuravskayaa, 2017](#) — *Markevich, A., Zhuravskayaa, E.* (2017). Economic effects of coerced labor: Evidence from the emancipation of serfs in Russia. [Electronic resource]. URL: <https://www.hhs.se/contentassets/209c2f9a34b4435e8976a074dc2e275b/markevich.pdf>
- [Massie, 2012](#) — *Massie, R.K.* (2012). Catherine the Great: Portrait of a woman. New York: Random House Incorporated.
- [McCaffray, 2005](#) — *McCaffray, S.P.* (2005). Confronting serfdom in the age of revolution: Projects for serf reform in the time of Alexander I. *Russian Review*. 64(1): 1-21.
- [McCaffray, 2005](#) — *McCaffray, S.P.* (2005). Confronting serfdom in the age of revolution: Projects for serf reform in the time of Alexander I. *Russian Review*. 64(1): 1-21.
- [Melton, 1987](#) — *Melton, E.* (1987). Proto-industrialization, serf agriculture and agrarian social structure: Two estates in nineteenth-century Russia. *Past & Present*. 115: 69-106.
- [Metz, 2018](#) — *Metz, K.* (2018). Serfdom in Russia: What is feudalism? Center for Slavic and East European Studies. Ohio State University, Ohio. [Electronic resource]. URL: https://kb.osu.edu/bitstream/handle/1811/85512/1/CSEES_MetzK_Serfdom2018_slides.pdf
- [Millward, 1982](#) — *Millward, R.* (1982). An economic analysis of the organization of serfdom in Eastern Europe. *Journal of Economic History*. 42(3): 513-548.
- [Molchanova, 2019](#) — *Molchanova, V.S.* (2019). Modern slavery in India: The essence, forms, distribution. *Slavery: Theory and Practice*. 4(1): 20-28.
- [Moon, 1996](#) — *Moon, D.* (1996). Reassessing Russian serfdom. *European History Quarterly*. 26: 483-526.
- [Nafziger, 2012](#) — *Nafziger, S.* (2012). Serfdom, emancipation, and off-farm labour mobility in Tsarist Russia. *Economic History of Developing Regions*. 27(1): 1-37.
- [Nafziger, 2013](#) — *Nafziger, S.* (2013). Russian serfdom, emancipation, and land inequality: New evidence. Economics Department. Williams College. [Electronic resource]. URL: https://web.williams.edu/Economics/wp/SerfdomEmancipationInequality_Long_May2013_2.pdf
- [Parmele, 2018](#) — *Parmele, M.P.* (2018). Liberalism-emancipation of serfs. *Russia, China and Eurasia*. 34(1): 109-112.
- [Peters, 2018](#) — *Peters, M.* (2018). Government Finance and Imposition of Serfdom After the Black Death. Available at SSRN 3320807. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3320807>
- [Pipes, 1974](#) — *Pipes, P.* (1974). Russia under the old regime. New York: Charles. Scribner's Sons.
- [Simkin, 2020](#) — *Simkin, J.* (2020). Tsar Alexander II. Spartacus-educational.com. [Electronic resource]. URL: <https://spartacus-educational.com/RUSalexander2.htm>
- [Stanziani, 2008](#) — *Stanziani, A.* (2008). Serfs, slaves, or wage earners? The legal status of labour in Russia from a comparative perspective, from the sixteenth to the nineteenth century. *Journal of Global History*. 3(2): 183-202.
- [Such et al., 2020](#) — *Such et al.* (2020). Modern slavery and public health: A rapid evidence assessment and an emergent public health approach. *Public health*. 180: 168-79.
- [Vernadsky, 1939](#) — *Vernadsky, G.* (1939). Feudalism in Russia. *Speculum*. 14(3): 300-323.
- [Wirtschaftler, 1998](#) — *Wirtschaftler, E.K.* (1998). Legal identity and the possession of serfs in Imperial Russia. *The Journal of Modern History*. 70(3): 561-87.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 96-99

DOI: 10.13187/slave.2020.1.96
www.ejournal43.com

In Memory of Elena Ivanovna Inozemceva. 18.08.1947 – 01.07.2020

Yulia M. Lysenko ^{a, *}

^a Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
 Institute of History, Archeology and Ethnography, Russian Federation

Abstract

The article briefly describes the activities of the famous scientist, specialist in the medieval history of Dagestan Elena Ivanovna Inozemtseva. The author dwells in detail on her scientific and organizational activities, her contribution to the study of the institute of slavery in Dagestan, and Russian-Dagestan relations. Inozemtseva is the author of more than 100 scientific works that have been widely recognized by specialists and the scientific community and have become a significant contribution of the scientist to historical science.

Keywords: E.I. Inozemceva, scientist, memory, history, Caucasus, Dagestan.

Елена Ивановна Иноземцева – историк, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, специалист по средневековой истории Дагестана. С 1968 г. Елена Ивановна работала в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР (ныне Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН) в отделе истории досоветского периода (ныне отдел древней и средневековой истории Дагестана) лаборантом, старшим лаборантом, младшим научным сотрудником, научным сотрудником, старшим научным сотрудником. Елена Ивановна Иноземцева показала себя вдумчивым ученым и квалифицированным исследователем, владеющим современными научными методами исторической науки. Она автор более 100 научных трудов, получивших широкое признание специалистов и научной общественности и ставших существенным вкладом ученого в историческую науку. Её труды отличал особый высоконаучный и литературный стиль; каждое слово, фраза, предложение в них тщательно выверены, точны и информативны (Лысенко, 2017).

В сферу научных интересов Е.И. Иноземцевой входило важное направление кавказоведения – история взаимоотношений народов Дагестана с Россией: торгово-экономический аспект во взаимоотношениях народов Дагестана с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа, Закавказья, Ближнего Востока в XVI – первой половине XIX в.; историческая география старожильского русского населения в Дагестане; история, истоки, источники и особенности формирования нижнетерского казачества; а также малоисследованная проблема – рабство в феодальном Дагестане (Иноземцева, 2014).

Е.И. Иноземцева принимала активное участие совместно с другими учеными Института ИАЭ ДНЦ РАН в научно-технической обработке, описании и планомерном изучении ценнейших документов фонда «Кизлярский комендантский архив»,

* Corresponding author

E-mail addresses: ljuma78@mail.ru (Yu.M. Lysenko)

представляющего собой комплекс письменных документов по истории взаимоотношений народов Северного Кавказа, в частности Дагестана, с Россией в XVIII–XIX вв., объединяющий около 8 тыс. архивных дел, хранящихся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (Иноземцева, 1989).

В 2001 г. Елена Ивановна опубликовала монографию «Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений» (Махачкала, 226 с.). (Иноземцева, 2001). Она посвящена специальному обобщающему изучению русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений на одном из важнейших этапов их развития. В монографии на основе широкого круга опубликованных данных, а также на базе впервые вводимых в научный оборот архивных источников обстоятельно освещается динамика развития процесса взаимообусловленного, обоюдовыгодного торгово-экономического взаимодействия Дагестана и России в XVIII – первой половине XIX в. Раскрывается характер, интенсивность, место и роль торговли в социально-экономическом развитии края, а также обосновывается перспективность русско-дагестанской торгово-экономической интеграции. Сегодня, когда чрезвычайную актуальность приобретает всестороннее освещение процесса экономической, политической и культурной интеграции народов Северо-Восточного Кавказа и России, особенно важно показать роль в этом процессе взаимовыгодной торговли сторон, которая являлась в изучаемый Еленой Ивановной период не только одной из прибыльных сфер хозяйственной деятельности, но и формой образа жизни и культуры народов, населявших регион. Реализуя их естественные потребности в обмене товарами, торговля была мощным фактором созидания, так как стимулировала развитие ремесел, науки, искусства, выступала и как фактор мира, так как нуждалась в политической стабильности и безопасности торговых путей. Вместе с тем торговля была фактором культуры диалога, культуры цивилизованного общения, уважения обычаев и религиозных верований партнеров. Данной монографией Елена Ивановна открыла своеобразную «страницу» в дагестановедении. У нее имеются «последователи» как в Дагестане, так и в других регионах Юга России, активно развивающие данное направление в диссертациях, монографиях и статьях.

В 2014 г. дагестанская историография пополнилась исследованием Иноземцевой Елены Ивановны «Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории». (Махачкала, 2014. 298 с.). (Иноземцева, 2014). Опираясь на данные архивных и литературных источников, статьи обычного права народов Дагестана, широко применяя аналогии из исторического прошлого сопредельных кавказских народов, стран средневекового Востока и Русского государства, автор сделал попытку обобщить, дополнить и развить изыскания отечественной историографии, раскрыв основные аспекты пока еще во многом дискуссионной проблемы института рабства в феодальном Дагестане. Наличие института рабства в средневековье на Северо-Восточном Кавказе, в Дагестане в частности, фиксируется фактическим материалом, литературными и архивными источниками, актовными материалами, памятниками обычного права. В опубликованной монографии Е.И. Иноземцева дала наиболее полное на сегодня представление об институте рабства в феодальном Дагестане. В монографии выявлено место и показано значение института рабства в экономической жизни народов Дагестана. Монография Е.И. Иноземцевой выполнена на высоком научном уровне, она отличается полнотой исследования и новизной и вносит большой вклад в отечественную историографию.

Елена Ивановна Иноземцева является автором многочисленных научных трудов, опубликованных как в Дагестане, республиках Северного Кавказа, Москве, Санкт-Петербурге, Ростове, Пятигорске, Ставрополе, так и за рубежом. В докладах Е.И. Иноземцевой на этих представительных научных форумах мы видим главную тему ее научных изысканий – закономерности и особенности многовекового опыта добрососедского сосуществования в этнически мозаичном крае представителей различных народов Северо-Восточного Кавказа, объединенных общностью экономических интересов. Статьи Елены Ивановны, освещающие характер, формы и интенсивность развития региональной и международной транзитной торговли России с народами Дагестана и через Дагестан, представляют собой важное звено в исследовании актуальной проблемы кавказской экономической политики России во второй половине XVI – первой половине XIX в., в изучении социально-экономической истории народов, населяющих регион,

в установлении уровня общественных отношений. Е.И. Иноземцева на протяжении 11 лет (1996–2007 гг.) успешно сочетала научную работу с научно-организационной, являясь ученым секретарем диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата исторических наук, функционировавшего при Институте ИАЭ ДНЦ РАН. На протяжении многих лет Елена Ивановна являлась «доброй музой» для всех, кто защищал диссертации в диссертационном совете при Институте ИАЭ ДНЦ РАН. Благодаря её высокому профессионализму, подвижничеству, скрупулезной работе с документами аттестационных дел, все диссертации, защищенные в диссертационном совете, были утверждены Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации без замечаний по оформлению. Елена Ивановна активно участвует в конкурсах РФФИ, РГНФ, ОИФН РАН.

Её труд был отмечен Почетной грамотой Президиума РАН, Почетными грамотами ИИАЭ, Почетной грамотой ДНЦ РАН, Почетной грамотой правительства Республики Дагестан, Почетной грамотой РАН.

Память о Елене Ивановне сохранится в сердцах её коллег.

Литература

Иноземцева, 1989 – *Иноземцева Е.И.* Кизлярский комендантский архив как источник изучения русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в 18 веке // *Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования.* Тезисы докладов и сообщений. 1989. С. 144-149.

Иноземцева, 2001 – *Иноземцева Е.И.* Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. Проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001. 226 с.

Иноземцева, 2014 – *Иноземцева Е.И.* Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. 298 с.

Иноземцева, 2014 – *Иноземцева Е.И.* Рабство в средневековом Дагестане в контексте религиозных воззрений // *Исламоведение.* 2014. № 4. С. 43–51.

Лысенко, 2017 – *Лысенко Ю.М.* Елена Ивановна Иноземцева. Научный поиск и кропотливый труд (к 70-летию со дня рождения) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии.* 2017. № 3 (51). С. 218-222.

References

Inozemtseva, 1989 – *Inozemtseva, E.I.* (1989). Kizlyarskii komendantskii arkhiv kak istochnik izucheniya russko-dagestanskikh torgovo-ekonomicheskikh vzaimootnoshenii v 18 veke [Kizlyarsky komendantsky archiv as a source of studying the Russian-Dagestan trade and economic relations in the 18th century]. *Istchnikovedenie istorii i kul'tury narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza: printsipy i metody izucheniya, otsenki i ispol'zovaniya.* Tezisy dokladov i soobshchenii. Pp. 144-149. [in Russian]

Inozemtseva, 2001 – *Inozemtseva, E.I.* (2001). Dagestan i Rossiya v XVIII – pervoi polovine XIX v. problemy torgovo-ekonomicheskikh vzaimootnoshenii [Dagestan and Russia in the XVIII – first half of the XIX century. Problems of trade and economic relations]. Makhachkala, 226 p. [in Russian]

Inozemtseva, 2014 – *Inozemtseva, E.I.* (2014). Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Ocherki istorii [Institute of Slavery in feudal Dagestan. Essays on history]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 298 p. [in Russian]

Inozemtseva, 2014 – *Inozemtseva, E.I.* (2014). Rabstvo v srednevekovom Dagestane v kontekste religioznykh vozzrenii [Slavery in the medieval Dagestan within the context of religious beliefs]. *Islamovedenie.* 4: 43-51. [in Russian]

Lysenko, 2017 – *Lysenko, Yu.M.* (2017). Elena Ivanovna Inozemtseva. Nauchnyi poisk i krototlivyi trud (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya) [Elena Ivanovna Inozemceva. Scientific search and hard work (to the 70th anniversary of the birth)]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii.* 3(51): 218-222. [in Russian]

Памяти Елены Ивановны Иноземцевой. 18.08.1947 – 01.07.2020

Юлия Михайловна Лысенко ^{а,*}

^а Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Институт истории, археологии и этнографии, Российская Федерация

Аннотация. В статье кратко охарактеризована деятельность известного ученого, специалиста по средневековой истории Дагестана Елены Ивановны Иноземцевой. Автор останавливается на её научной и организаторской деятельности, вкладу в изучение института рабства в Дагестане, русско-дагестанских отношений. Иноземцева является автором более 100 научных трудов, получивших широкое признание специалистов и научной общественности и ставших существенным вкладом ученого в историческую науку.

Ключевые слова: Е.И. Иноземцева, учёный, память, история, Кавказ, Дагестан.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ljuma78@mail.ru (Ю.М. Лысенко)
